

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный университет правосудия»
Восточно-Сибирский филиал

ГлаголЪ

ПРАВОСУДИЯ

Сборник научных трудов

№ 2 (8)

Иркутск
2014

**Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77 – 58105 от 20 мая 2014 г.**

Адрес редакции: 664074, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23а

Редакционный совет:

- А. А. Кириллова, председатель Верховного суда Республики Бурятия
Н. Г. Кулик, первый заместитель директора, заслуженный юрист Российской Федерации, первый квалификационный класс судьи, судья в почетной отставке, член координационного совета Международного союза юристов, председатель Иркутской областной общественной организации «Союз юристов»
Н. И. Медведева, начальник Управления Судебного департамента в Иркутской области
И. С. Новокрещенов, канд. юрид. наук, председатель Иркутского областного суда
А. А. Петров, канд. юрид. наук, директор Иркутского областного государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и правовой информации им. М. М. Сперанского»
А. С. Степаненко, д-р филос. наук, профессор,
директор Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия
Д. Л. Сурков, д-р юрид. наук, председатель Арбитражного суда Красноярского края
И. Ю. Юшкарёв, заместитель председателя Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа

Редакционная коллегия:

- С. М. Амосов, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации
Л. Л. Антонова, д-р социол. наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, главный советник Аппарата губернатора Иркутской области
И. А. Арзуманов, канд. филос. наук, д-р культурол. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института Иркутского государственного университета
Ю. П. Гармаев, д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой организации прокурорско-следственной деятельности Иркутского юридического института Генеральной прокуратуры РФ, советник юстиции
В. Н. Казарин, д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института Иркутского государственного университета
В. А. Макаров, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса, декан юридического факультета Забайкальского государственного университета
С. Ю. Некрасов, канд. юрид. наук, профессор, декан факультета повышения квалификации судей Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия
С. В. Пархоменко, д-р юрид. наук, профессор, государственный советник юстиции 3 класса, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института Иркутского государственного университета
А. А. Протасевич, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Бурятия, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации
И. Г. Смирнова, д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой криминалистики и судебных экспертиз Байкальского государственного университета экономики и права
И. Л. Смолькова, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
У. Б. Филова, канд. юрид. наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия
К. Ю. Якубенко, канд. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия
Ответственный за выпуск – Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, профессор, зам. директора по научной работе Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия

Г52 ГлаголЪ правосудия : сб. науч. тр. / Вост.-Сиб. филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – Иркутск, 2014. – № 2(8). – 144 с.

Освещаются актуальные проблемы и дискуссионные вопросы теории и практики судопроизводства, организации судебной деятельности, оптимизации судебного процесса, повышения эффективности отправляемого правосудия, нравственно-этические аспекты судебной деятельности, а также вопросы совершенствования гражданского и уголовного права.

Издание сборника осуществляется в рамках проектной части государственного задания № 29.1247.2014/К на выполнение научно-исследовательских работ в сфере научной деятельности. Проект №1247 «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ».

Подписано в печать 20.12.2014. Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 14,3. Тираж 150 экз. Заказ 458
Отпечатано в типографии Издательства ИГУ; 664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36

© Восточно-Сибирский филиал
ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

2014

№ 2 (8)

СУДЕБНОЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ. Вступительная статья.....	5
---	----------

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА; ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

БЕЛЬКОВ В. А. Сравнительный анализ презумпции невиновности в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. и современном законодательстве	8
БУФЕТОВА М. Ш. Законодательное регулирование и порядок применения принудительных мер медицинского характера по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г.	11
КАЛАНДАРИШВИЛИ Х. А. Институт преюдиции в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.	14
ЛАВДАРЕНКО А. И. Учреждение органа предварительного следствия в результате судебной реформы 1860–1864 гг.	17
ЛИТВИНЦЕВА Н. Ю. Свидетельский иммунитет по Уставу уголовного судопроизводства	25
МАЗЮК Р. В. Об использовании понятий «уголовное преследование», «судебное преследование», «преследование» в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.	29
ОСОДОЕВА Н. В. Производство допроса на судебном следствии по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г.	34
ПОПОВА И. П. Постановление приговора по Уставу уголовного судопроизводства	37
СМИРНОВА И. Г. Разумность как основное начало уголовного судопроизводства по Уставу уголовного судопроизводства: историческая преемственность	43
СМОЛЬКОВА И. В. Устав уголовного судопроизводства – великий памятник эпохи	48
СТЕПАНЕНКО Д. А. ЕГЕРЕВ И. М. Роль судебно-правовой реформы 1864 г. в дифференциации уголовно-процессуальной формы производства в отношении несовершеннолетних	54

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

АВЕРИН М. Г. Судебная реформа 1864 г. в Архангельской губернии	59
ВИШНЕВСКИЙ В. Г. Судебная реформа 1864 г. в Восточной Сибири.....	63
КУЛИК Н. Г. 150 лет великой судебной реформе.....	75
ТИТОВ В. Ю. Перестройка уголовного законодательства в 1930-х гг.....	81
ЦЫКУНОВ Г. А. Предпосылки и проведение судебной реформы 1864 г.....	86

**СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР,
ОРГАНЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

КОРНАКОВА С. В. Формирование правового статуса прокурора во время великих судебных реформ	91
КОРНЮШИНА А. Г. Мировая юстиция – важная часть судебной системы: история и современность	95
МОРОЗОВ С. А. Дисциплинарная ответственность судей – уроки истории	98

ВЕХИ ИСТОРИИ

ВИШНЕВСКИЙ В. Г. Предисловие к речам Н. В. МУРАВЬЕВА	105
Из записной книжки профессора И. В. Смольковой.....	138
Правила оформления статей, представляемых для публикации в журнале «ГлаголЪ правосудия».....	144

СУДЕБНОЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Переоценить роль и значение проведенных в середине XIX в. правовых реформ невозможно. Утвержденные Александром II новые судебные уставы, состоящие из четырех основных законов: Учреждения судебных мест, Устава уголовного судопроизводства, Устава гражданского судопроизводства, Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, ознаменовали новую эпоху в развитии правовой системы российского общества, становлении демократических начал судопроизводства, нового взгляда на защиту прав и законных интересов граждан феодально-крепостнической России. В императорском указе Сенату были такие строчки: «Рассмотрев сии проекты, мы находим, что они вполне соответствуют желанию Нашему утвердить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе Нашем то уважение к закону, без которого невозможно общественное благосостояние». Невозможно не заметить актуальность этих слов и сегодня.

Реформа судостройства и судопроизводства, разработанная в 1861–1863 гг., утвержденная в 1864 г. и проводимая в жизнь с 1866 по 1899 г., предусматривала полное изменение судостройства (введение единой системы судебных учреждений, разделенных на мировые и общие судебные установления, окружные суды и судебные палаты; появление третьей общей инстанции – Кассационного департамента Сената), формирование иной системы принципов и процедур судопроизводства. основополагающими началами становятся: гласность, открытость, устность, процессуальное равноправие сторон, состязательность процесса; появляется такая стадия, как судебное следствие. Реформа стала основанием для создания института присяжных. Судебная власть отделялась от административной; судебное следствие, в рамках которого должны проверяться и оцениваться результаты предварительного расследования, становится самостоятельным и независимым от полицейского. Произошли изменения и в статусе судей: судьи общих судов стали несменяемыми, мировые – избира-

лись на определенный срок. Преобразования коснулись судебного следствия, прокуратуры, нотариата, создавалась адвокатура. Кроме того, большое внимание уделялось обучению и повышению квалификации лиц, отправляющих правосудие, формированию профессиональных юридических кадров, способных решать поставленные перед ними задачи.

Общество с большим воодушевлением восприняло начавшиеся преобразования. Ф. А. Кони, отец известного правоведа А. Ф. Кони, в поэтической форме так оценил важное для страны событие:

На рубеже тысячелетья
Возник в России человек,
Какого ждали мы столетья,
Кто славой озарил наш век.
Питомец пылкого поэта
И правды ревностной стратиг,

Среди дворца, в молодые лета –
 Он боли русские постиг.
 И порешил в уме державном,
 Возсев на прадедовский трон,
 Поставить в царстве православном
 Свободу, правду и закон.
 «Нам рано, рано!» в злобе страстной
 кричал испуган барства цвет...
 «Пора!» – сказал он им в ответ;
 Махнул рукой своей всевластной –
 И бысть в России свет!
 Печальный гул народных стонов
 Он в клик восторга превратил;
 Снял узы рабства с миллионов
 И цепи узников разбил.
 Свободной мысли и глаголу
 Он дал гражданские права
 И смело к царскому престолу
 Пошла народная молва.
 Гордится Русь! Ликуют села!
 Свободной воле нет препон.
 И на обломках произвола
 Царит теперь Закон.

Упорядочение законодательства, новые стандарты правосудия, формулирование концептуальных принципов судебного права, появление новых правовых институтов, оживление и очищение правового климата империи, возрождение веры народа в справедливость и действенность закона – главные приоритеты судебного реформирования 1864 г.

В 2014 г. мы отмечаем 150 лет судебной реформы 1864 г. Празднование этого события волной прокатилось по стране. Обращение юридической общественности современной России к историческому наследию, конечно же, не случайно. Все новое, как известно, это хорошо (а подчас незаслуженно) забытое старое. Изучая с позиций сравнительно-правового и исторического подходов судьбоносные документы великой судебной реформы, глубоко вникая в истинный смысл преобразований и анализируя четкие недвусмысленные формулировки законодательных положений, можно ответить на многие проблемные вопросы современного состояния законотворчества, реализации Концепции судебной реформы Российской Федерации, имеющей уже 23-летний стаж, и в целом отечественного правосудия.

Сменившаяся в конце XX в. общественно-экономическая формация российского обще-

ства потребовала новой законодательной базы его функционирования. Невостребованность системы социально-политических, экономических, культурных и правовых ценностей советского периода, переход от индустриального типа развития общества к информационному, развертывание в мире процессов интеграции и глобализации обнажили массу проблем регулирования общественных отношений. Демократические начала судопроизводства, понимание справедливости, законности, правопорядка, правовой безопасности получили новое звучание. При слепом копировании европейских образцов «истинной» демократии, не учитывая преемственности национального опыта правотворчества, правоприменения и правоохраны, исторического развития конкретного государства, безусловно, влияющего на формирование и способствующего культивированию народного менталитета и правовой культуры, не придавая значения закономерным процессам национальной самоидентификации и самоопределения, невозможно отстроить актуальную правовую систему, способную обеспечить достижение жизненно важных задач российского государства. Такой подход может только тормозить развитие, ломая правовые традиции, привычные представления о добре и зле, милосердии и гуманизме, справедливости и нравственности. Поэтому сложно переоценить опыт дореволюционных реформаторов (С. И. Зарудного, Н. И. Стояновского, П. Н. Давневского, Д. П. Шубина, Н. А. Буцковского, К. П. Победоносцева, Д. А. Ровинского, А. П. Вилинбахова, А. М. Плавского, Д. Н. Замятина) в тщательной селекции правовых институтов, в тонком адаптировании демократических начал европейского законодательства в российскую правовую реальность, в попытке создания действительного механизма правового регулирования обновленной России.

В Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» от 20.09.2012 г. подчеркивается, что для современного этапа развития страны характерно повышенное внимание к судебной системе, которая в правовом государстве и гражданском обществе должна стать реальным механизмом государственной защиты государства, прав и законных интересов граждан и юридических лиц во всех сферах общественных отношений, регулируемых правом, и выполнять роль общественного арбитра. Процессы демократиза-

ции Российского государства требуют постоянного повышения качества и эффективности работы органов правосудия, совершенствования судопроизводства, создания оптимального судоустройства (создания единой структуры, деятельность которой будет определять Верховный Суд РФ, формирования специализированного административного правосудия для разрешения правовых конфликтов между государством и публичной властью, совершенствования института мировых судей и т. д.), расширения сферы судебной защиты, повышения доступа к правосудию, приведения российского законодательства в соответствие с потребностями государства и общества, подготовки высококвалифицированных юридических кадров, повышения доверия граждан к правосудию, обеспечения реальной правовой, организационной, материальной, социальной независимости судебной власти, адекватного функционирования судебной системы в информационно-коммуникативном пространстве – все это актуальные вопросы, стоящие перед Российским государством и требующие безотлагательного разрешения. Как мы видим, формулировки проблем, если и подверглись трансформации, то незначительной. Вопросы остаются злободневными и насущными.

В юбилейном номере «Глагола правосудия» представлены материалы Всероссийской научно-практической конференции «Устав уголовного судопроизводства: история и современность», совместно подготовленной и проведенной Восточно-Сибирским филиалом Российского государственного университета правосудия, Иркутским областным судом, Иркутским региональным отделением Российского союза судей, Советом судей Иркутской области, Судебным департаментом Иркутской области, судебно-следственным факультетом

Байкальского государственного университета экономики и права, Союзом юристов Иркутской области 20–21 ноября 2014 г. в г. Иркутске.

Ученые в области уголовного процесса, уголовного и гражданского права, истории и теории государства и права, практические работники судебной системы, прокуратуры представили вниманию читателю свои рассуждения об исторических предпосылках, условиях и факторах судебного реформирования XIX в., о роли и значении судебной реформы 1864 г. в развитии основных правовых понятий, принципов современного российского судопроизводства и судоустройства, в становлении различных правовых институтов, в определении тенденций и перспектив реализации концептуальных идей совершенствования судебной системы и укрепления судебной власти сегодня, делая особый акцент на дискуссионных вопросах совершенствования российского законодательства и практики правоприменения.

Интересным будет ознакомление с некоторыми историческими документами, вошедшими в номер, а также подборкой замечательных цитат, посвященных великой судебной реформе XIX в., любезно подготовленных доктором юридических наук, профессором И. В. Смольковой.

Особые слова благодарности хочется выразить коллективу журнала за творческую атмосферу и работу над этим выпуском.

Диана Аркадьевна Степаненко

*доктор юридических наук, профессор
заместитель директора по научной работе
Восточно-Сибирского филиала
Российского государственного
университета правосудия*

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА; ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В УСТАВЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 г. И СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

A COMPARATIVE ANALYSIS OF PRESUMPTION OF INNOCENCE IS IN CHARTER OF CRIMINAL TRIAL 1864 AND MODERN LEGISLATION

В. А. Бельков

*преподаватель кафедры уголовно-процессуального права
Восточно-Сибирского филиала
Российского государственного университета правосудия*

В статье изучен путь развития презумпции невиновности, а также проведен сравнительный анализ положений презумпции невиновности, содержащихся в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. и современном законодательстве.

The article studied the way of development of the presumption of innocence, as well as a comparative analysis of the provisions of the presumption of innocence contained in the Charter of criminal justice in 1864 and current legislation.

Ключевые слова: презумпция, презумпция невиновности, сравнительный анализ.

Keywords: presumption, the presumption of innocence, the comparative analysis.

На сегодняшний день не существует законодательно закрепленного определения *презумпции*, однако, обобщая мнения различных авторов, можно прийти к выводу, что *презумпция* – это предположение, признаваемое истинным до тех пор, пока не будет доказано обратное. При этом в уголовном судопроизводстве ключевое место отводится презумпции невиновности – презумпции, прошедшей длительный период своего возникновения, развития и содержания в современном законодательстве. Исследователи до сих пор не могут прийти к согласию относительно первоисточника, в котором она нашла свое отражение: одни авторы указывают на законы Хаммурапи, другие (коих большинство) отправным считают труд Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях» 1764 г.,¹ в котором говорится: «Никто не может быть на-

зван преступником, пока не вынесен обвинительный приговор, и общество не может лишиться обвиняемого своего покровительства до того, как будет решено, что он нарушил условия, при соблюдении которых ему обеспечивалось покровительство».

В российском законодательстве этот принцип прослеживается в таких документах, как Соборное уложение 1649 г., воинский Устав Петра I 1716 г., Наказ комиссии о составлении проекта нового уложения Екатерины II 1767 г. и др. Разброс мнений среди ученых относительно того, содержится ли презумпция невиновности в конкретном документе, вызвана ее структурой (в настоящий момент она состоит из 4 частей), в то время как не все соответствующие части содержатся в старом законодательстве. Отдельные положения старого законодательства можно трактовать весьма размыто, относя его к самым разным принципам современного закона.

¹Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Инфра-М, 2009. С. 108.

Думается, что посредством сравнения статей Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – Устав)¹, с одной стороны, и ст. 49 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ)² совместно со ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)³, с другой, можно прийти к выводу, что именно Устав представляет собой первый документ российского законодательства, наиболее полно содержащий принцип презумпции невиновности:

1. Ч. 1 ст. 14 УПК РФ гласит: «Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда».

Устав весьма точно содержит эту норму:

А. Ст. 1: «Никто не может подлежать судебному преследованию за преступление или проступок, не быв привлечен к ответственности в порядке, определенном правилами сего Устава».

Б. Ст. 14: «Никто не может быть наказан за преступление или проступок, подлежащие судебному ведомству, иначе как по приговору надлежащего суда, вошедшему в законную силу».

2. Ч. 2 ст. 14 УПК РФ гласит: «Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения».

В Уставе имеются статьи, содержащие положения данной части, однако недостаточно полно отражающие ее смысл или перекликающиеся с иными принципами:

А. Ст. 102: «В случае отказа обвиняемого отвечать на предложенные ему вопросы судья, не прибегая к угрозам, обещаниям, ухищрениям или другим вымогательным мерам, переходит к рассмотрению имеющихся в деле доказательств».

Б. Ст. 683: «Подсудимого, не признающего в преступлении, председатель суда при рассмотрении каждого доказательства спраши-

вает, не желает ли он в оправдание свое представить какие-либо объяснения или опровержения».

В. Ст. 685: «Молчание подсудимого не должно быть принимаемо за признание им своей вины».

Г. Ст. 823: «Подсудимый и защитник его не вправе отвергать достоверность действий, признанных присяжными заседателями, но могут только доказывать, что эти действия не запрещены законом или что закон не может иметь применения за давностью, милостивым манифестом или другими причинами, или же что вознаграждение, требуемое гражданским истцом, незаконно или слишком велико».

3. Ч. 3 ст. 14 УПК РФ гласит: «Все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу обвиняемого».

В Уставе имеются статьи с похожим содержанием:

А. Ст. 803: «Общие основания к суждению о силе доказательств объясняются председателем суда не в виде непреложных положений, но лишь в смысле предостережения от всякого увлечения к обвинению или оправданию подсудимого».

Б. Ст. 813: «Присяжные заседатели должны склонять свои мнения к единогласному решению. Если по надлежащем совещании разномыслие между ними не устранится, то предложенные вопросы разрешаются ими по большинству голосов; при разделении же голосов поровну принимается то мнение, которое последовало в пользу подсудимого».

4. Ч. 4 ст. 14 УПК РФ гласит: «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях».

В Уставе положения данного принципа «завуалированно» содержатся в следующих статьях:

А. Ст. 113: «Как количество вреда и убытков, так и цена похищенного при разногласии о том сторон определяются мировым судьей по представленным сторонами доказательствам или же по выслушивании мнения сведущих людей».

Б. Ст. 754: «Вопросы о том, совершилось ли событие преступления, было ли оно деянием подсудимого и должно ли оно быть вменено ему в вину, соединяются в один совокупный вопрос о виновности подсудимого, когда ни-

¹Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // СПС Гарант

²Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 26.01.2009. № 4. Ст. 445.

³Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета, № 249, 22.12.2001.

кем не возбуждено сомнения ни в том, что событие преступления действительно совершилось, ни в том, что оно должно быть вменено подсудимому в вину, если признано будет его деянием. В случае какого-либо сомнения по которому-либо из сих вопросов они должны быть поставлены отдельно».

В. Ст. 802: «Председатель суда в случае надобности восстановить обстоятельства, неправильно изложенные сторонами, или истинный разум закона, не точно ими истолкованного, не должен в объяснениях своих ни обнаруживать собственного своего мнения о вине или невинности подсудимого, ни приводить об-

стоятельств, не бывших предметом судебного состязания».

Таким образом, можно прийти к выводу, что все положения презумпции невинности, содержащиеся в нынешнем УПК РФ, гораздо раньше нашли свое воплощение в ходе проведенных реформ Александра II в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. с учетом особенностей нормотворческой техники того периода и стилистики изложения, но достаточно полно отражающие суть самого принципа и смысловую нагрузку, заложенную в него законодателем.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПОРЯДОК ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 г.

THE LEGAL REGULATION AND THE ORDER OF APPLYING MEDICAL MEASURES OF COMPULSION UNDER THE STATUTE OF CRIMINAL PROCEEDINGS OF 1864

М. А. Буфетова

канд. юрид. наук, доцент

*доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
Байкальского государственного университета экономики и права*

В статье освещаются исторические аспекты развития уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего порядок назначения принудительных мер медицинского характера по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г.

The article deals with the historical issues of the development of the criminal procedural legislation concerning the order of applying medical measures of compulsion under The Statute of Criminal Proceedings of 1864.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера, уголовно-процессуальное законодательство, Устав уголовного судопроизводства.

Keywords: medical measures of compulsion, criminal procedural legislation, The Statute of Criminal Proceedings.

Введение в практику российского судопроизводства судебных уставов (1864 г.) привнесло ряд принципиально новых для российской действительности основ процессуального законодательства, таких как гласность и состязательность процесса, устное производство, равноправие сторон. Фактически тогда же были заложены основы отечественного уголовно-процессуального законодательства о психически больных. Однако рационального законодательства в этой области уголовного судопроизводства России так и не было введено. Несмотря на то что среди прогрессивно настроенных юристов и врачей постоянно слышались призывы к его разработке, в действительности большинство дел с участием душевнобольных оканчивалось на стадии предварительного следствия и не попадало на рассмотрение гласного и равноправного суда [1, с. 218]. Практика шла по пути прецедентов, которые строго фиксировались, дабы впоследствии по ним можно было бы создать своего рода «статистические путеводители» [2, с. 52].

Все законодательство о душевнобольных было представлено отдельными статьями в Ус-

таве уголовного судопроизводства (в дальнейшем сокращенно – УУС), Уложении о наказаниях (в дальнейшем сокращенно – УН), а также в сборниках Решений Общего собрания и Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената (в дальнейшем сокращенно – Решения ОС и Решения УКД).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, как правило, все законодательные акты издавались с подробными комментариями (зачастую радикально различавшимися у разных авторов). Толкование статей допускало возможность должностных лиц действовать по своему усмотрению, например, при освидетельствовании обвиняемого или подсудимого следователь имел возможность не знакомить врача с материалами дела, ссылаясь на тайну следствия [3, с.172].

Нередко следователь не располагал сведениями о здоровье подсудимого. По окончании следствия прокурор мог дать заключение об освидетельствовании обвиняемого в суде, где должны были присутствовать два врача, однако закон не оговаривал их специальности. В освидетельствовании принимал уча-

стие весь состав суда, предпочтения мнению врачей не отдавалось. В результате освидетельствования обвиняемый попадал на «испытание» в психиатрическую клинику (или земскую больницу) сроком два-три месяца. В распоряжение экспертов-врачей больницы уголовное дело не попадало. Решение о передаче дела экспертам находилось во власти суда, но, как правило, суд отказывал в праве ознакомления с делом или предоставлял в распоряжение экспертов короткую выписку из него. После окончания срока испытания в клинике назначалось второе распорядительное заседание, на которое вызывались эксперты, но не обязательно те, которые принимали участие в освидетельствовании в первый раз или проводили наблюдение в больнице. Результатом заседания являлось либо закрытие дела, либо его направление в открытое судебное заседание. В ходе допроса свидетелей экспертам разрешалось задавать им вопросы, но лишь через председательствующего суда. Вопросы могли быть отклонены председательствующим.

Освидетельствование признавалось законом необходимым, если лицо, привлеченное к уголовному делу в качестве обвиняемого, вызывало сомнение в состоянии своих «умственных способностей», в случаях, когда:

- 1) это лицо совершило преступление, уже будучи душевнобольным;
- 2) оно заболело душевным расстройством после привлечения его к делу, но до вынесения приговора суда;
- 3) душевное расстройство обнаружилось у осужденного (ст. 353 УУС).

Как правило, окончательного решения эксперт не выносил, но указывал на несомненные признаки душевного расстройства (если они были) и высказывался в пользу необходимости наблюдения за подсудимым в психиатрической больнице. Дальнейший ход дела зависел от прокурора. В случае его согласия с заключением следователя, опирающегося на мнение врача, о наличии у обвиняемого душевного расстройства, он направлял дело в окружной суд со своим заключением о «необходимости освидетельствования в состоянии умственных способностей» (ст. 354 УУС). Производство о сумасшествии или безумии обвиняемого, вместе с заключением о том прокурора выносилось на рассмотрение окружного суда. Дальнейшие действия суда определялись ст. 3551 УУС: «Когда по предвари-

тельному следствию откроются обстоятельства, дающие повод предполагать, что обвиняемый учинил преступное действие в припадке болезни, приводящем в умоисступление или совершенное беспамятство, а также если признаки означенной болезни или умственного расстройства обвиняемого окажутся после заключения предварительного следствия, но прежде предания суду, то обвиняемый подвергается освидетельствованию и делу о нем дается направление в порядке, определенном ст. 353–356 УУС».

Помещение обвиняемого на испытание допускалось только по решению суда, оно осуществлялось в принудительном порядке независимо от тяжести преступления, даже если обвиняемый не находился под стражей. Лицам, не находящимся под стражей, предоставлялась возможность воспользоваться услугами частных клиник (за собственный счет), вместе с тем государственные клиники были обязаны принимать к себе больных по решению суда, за что им выплачивалось вознаграждение из казны. По окончании срока испытания подсудимый немедленно освобождался из клиники.

Решением министра юстиции № 2508 от 12 января 1908 г. государственным клиникам было дозволено выписывать испытуемых до окончания определенного судом срока [4, с. 187–189]. По необходимости срок содержания продлевался судом. По истечении срока испытания назначалось второе освидетельствование в суде. Приглашенные в суд эксперты располагали историей болезни из больницы и должны были ответить на два стандартных вопроса:

1. В каком состоянии находились умственные способности свидетелюемого во время совершения им преступления?
2. В каком состоянии находятся умственные способности свидетелюемого в настоящее время?

Ответы на указанные вопросы давались в краткой форме и без каких-либо объяснений и мотивировок. Дальнейшая судьба подсудимого определялась согласно ст. 356 УУС: «По производстве надлежащего освидетельствования окружной суд или постановляет определение о прекращении судебного преследования, когда окажется, что преступное действие учинено в безумии, сумасшествии или припадке болезненного состояния, приводящем в умоисступление или совершенное беспамятство, или же приостанавливает сие преследование, если об-

вменяемый впал в болезненное состояние после совершения преступления или проступка, и назначает в последнем случае необходимую меру пресечения упомянутому лицу способов уклониться от следствия и суда» [5, с. 224].

Если психическое расстройство наступало после вынесения приговора, но до начала его исполнения, то дальнейшее действие совершались согласно ст. 355 УУС (примечание к ст. 602 УУС) или в порядке ст. 353 УУС. Для следователей существовал «Перечень вопросов, разъяснение коих требуется при направлении дел по ст. 353 УУС», отступления от формулировок которого не допускались [6, с. 314].

Согласно ст. 95 УН, «преступления или проступок, учиненные безумным от рождения или сумасшедшим, не вменяются им в вину, когда нет сомнения, что безумный или сумасшедший, по состоянию своему в то время, не мог иметь понятия о противозаконности и о самом свойстве своего деяния».

Н. С. Таганцев в этой связи отмечал: «Не вменяется в вину ...деяние...учиненное лицом, которое во время его учинения не могло понимать свойства и значения им совершаемого, или руководить своими поступками, вследствие болезненного расстройства душевной деятельности, или бессознательного состояния, или же умственного неразвития, происшедшего от телесного недостатка или болезни» [7, с. 89].

Решение о невменяемости выносилось исключительно на предмет конкретного преступления и не распространялось на последующие и предыдущие.

Решение экспертов для суда не являлось обязательным, оценивалось судом «по внутреннему побуждению» и не подлежало проверке в порядке кассационных жалоб (Решение УКД № 727 1869 г.).

На обсуждение специалистов и законодательных органов неоднократно выносились многочисленные проекты по организации содержания душевнобольных преступников, которые сводились к трем способам решения данной проблемы: создание специальных клиник для больных, находящихся на лечении в соответствии со ст. 95, 96 УН; создание для данной категории больных специализированных отделений при общих психиатрических

клиниках; устройство таких отделений при тюрьмах.

Известный своим гуманным отношением к больным Н. Н. Баженов предлагал организацию специальных загородных колоний для таких больных, особенно подпадающих под ст. 96 УН [8, с. 15].

Единственный не вызывающий споров законодательный акт в данной области – Высочайшее повеление от 14 ноября 1864 г., согласно которому при каждом исправительном заведении в обеих столицах и губернских городах должна быть особая больница для умалишенных преступников на 120 человек. Многие психиатры высказывались в поддержку этого порядка, поскольку это решало вопрос наблюдения, лечения, обеспечивало охрану, в подобных отделениях можно было бы проводить освидетельствование и испытание, а в лице врачей отделения суды имели бы постоянных, штатных экспертов с большим опытом подобной работы [9, с. 35].

Несмотря на значительное количество доводов, решения вопроса о создании специализированных отделений при тюремных больницах не было принято, поэтому в каждой губернии губернское собрание распорядилось судьбой «статейных больных» по собственному усмотрению.

Список литературы

1. Грейндберг Б. С. Судебно-психиатрическая экспертиза в уголовном процессе. М. : Изд-во юр. кн. склада, 1915.
2. Неклюдов Н. Уголовно-статистические этюды. СПб. :Изд-во Заленского и Любарского, 1865.
3. Хрулев С. Характер преступных деяний душевнобольных. СПб. : Тип. В. В. Комарова, 1893.
4. Собрание узаконений и распоряжений Правительства. СПб. : Тип. Правит. Сената, 1863–1917.
5. Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М. : Изд-во для студентов, 1910.
6. Кони А. Ф. За последние годы. СПб., 1898.
7. Таганцев Н. С. Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. СПб. : Гос. типография, 1904.
8. Баженов Н. Н. Проект законодательства о душевнобольных и объяснительная записка к нему. М. : Изд-во И. Кнебель, 1911.
9. Труды первого съезда отечественных психиатров в Москве. М. : Типография К. Ковалевского, 1887.

ИНСТИТУТ ПРЕЮДИЦИИ В УСТАВЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 г.

THE ISSUE PRECLUSION TO THE CHARTER OF CRIMINAL PROCEEDINGS 1864

Х. А. Каландаришвили

*преподаватель кафедры уголовно-процессуального права
Восточно-Сибирского филиала
Российского государственного университета правосудия*

В данной статье рассмотрены основные этапы зарождения и становления института преюдиции в отечественном уголовном судопроизводстве по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г.

This article describes the main stages of the origin and development of the Institute of prejudice in domestic criminal proceedings in the Charter of criminal justice in 1864.

Ключевые слова: преюдиция, предрешение, юридическая невозможность, уголовное судопроизводство.

Keywords: prejudice, prejudging, "legal impossibility" criminal proceedings.

Судебная реформа 1864 г. вспыхнула яркой звездой на небосклоне правопедания и озарила своим светом целое поколение выдающихся юристов, в числе которых можно назвать такие имена, как В. К. Случевский, И. Я Фойницкий, А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако и мн. др. Принятие судебных уставов в 1864 г. перевернуло жизнь мыслящей части общества, направив талантливых и способных молодых людей не на служение Афине или Мельпомене, но с Фемидой, связав с ней их судьбу навсегда.

В своих воспоминаниях А. Ф. Кони писал о том, что уже после поступления на математический факультет в доме своих родителей он познакомился с юристами, служившими в ведомстве министерства внутренних дел и отличавшимися весьма либеральными взглядами, это были Виктор Яковлевич Фукс и Петр Иванович Капнист. Их удивило, что «в наше время, когда... в воздухе носилась судебная реформа», Анатолий Федорович избрал математический факультет: «...на мой пренебрежительный отзыв о судебной деятельности, почерпнутый из впечатлений отца и высказанной с юношеской самоуверенностью, они оба стали доказывать мне, что я понятия не имею о юриспруденции и ее житейском применении, и очень красноречиво развивать то, что и я теперь повторял бы на их тогдашнем месте...».

Принятие Устава уголовного судопроизводства стало знаковым событием для всей истории уголовного процесса России, были введены принципы свободной оценки доказательств и

презюмции невиновности, введен суд присяжных заседателей, а кроме того, установлен институт «предсудимости», или преюдиции.

Великий французский философ Жан-Жак Руссо отмечал, что «опаснейший подводный камень для правосудия – это предубеждение». Смысл этого афоризма прозрачен: суд не может брать за основу своих решений и выводов мнение, усвоенное некритически, без размышлений и ничем не обоснованное.

Вместе с тем в юридической науке существует ряд приемов совершенствования правовой техники, которые основываются на так называемом предварительном знании. Одним из таких юридико-технических приемов является преюдиция (*praejudicio* – от лат. «предрешение») – в теории российского уголовного судопроизводства определяется как обязанность органов предварительного расследования и суда принять как установленные, без проверки и рассмотрения доказательств, обстоятельства, признанные вступившим в законную силу судебным решением по другому делу¹. Однако указанные обстоятельства, установленные ранее вынесенным приговором либо решением суда, не могут заранее устанавливать виновность обвиняемого.

Преюдиция в России имеет весьма продолжительную историю существования. Как и мно-

¹Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Смирнова. 5-е изд., перераб и доп. М., 2009. С. 85.

гие другие правовые институты, без которых сегодня немислим уголовный процесс, преюдиция впервые упоминается в отечественном праве в связи с судебной реформой Александра II.

Изучение научных трудов по данной проблематике показало, что этот институт, начиная с момента своего возникновения в 1864 г., периодически становился предметом пристального внимания ученых-юристов. Как указывает С. В. Фидельский: «Включение в Устав уголовного судопроизводства в 1864 году положений о преюдициях привлекло внимание практически всей юридической общественности. Они обсуждались на страницах большинства научно-литературных источников по уголовному процессу, а также в правоприменительной практике всех уровней: мировых судебных установлений, окружных судов, судебных палат и Правительствующего сената. Жаркая полемика по поводу применения преюдиций разгорелась и в ходе работы Правительственной комиссии по пересмотру Судебных уставов»¹.

Рассматривая правила доказывания в уголовном судопроизводстве, И. Я. Фойницкий писал: «В нашем законодательстве имеется ряд правил, которыми известные обстоятельства дозволяется удостоверить лишь точно определенными доказательствами, с полным или условным устранением всех остальных способов удостоверения их; такие предустановленные или преимущественные доказательства подлежат, правда, свободной оценке суда»².

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что преюдиция, существующая сейчас, т. е. те положения уголовно-процессуального законодательства, закрепляющие, что «обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором либо иным вступившим в законную силу решением суда, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки», это не тот же правовой институт, установленный ст. 27 УУС Российской империи 1864 г.

Следует отметить, что вопросами преюдициальными или «предсудимыми» в дореволюционной России называли вопросы, которые «обуславливали разрешение уголовного иска и подлежали ведению другого суда, а само разбирательство (этих вопросов), приостанавливающее уголовное судопроизводство, называлось преюдициальным разбирательством»³.

Один из авторов судебной реформы 1864 Н. А. Буцковский в этой связи писал: «Невозможность юридическая обнимает собою случаи, когда по уголовному делу возникают вопросы, от разрешения которых зависит направление и решение возбужденного обвинения, а между тем разрешение этих вопросов не может быть дано судом, рассматривающим данное дело по существу»⁴. Необходимо отметить, что понятие «юридическая невозможность», которым активно пользовались правоведы XIX столетия, в настоящее время можно определить как пробел законодательства. Именно для разрешения вопросов, возникающих в процессе рассмотрения уголовного дела, если эти вопросы подлежали ведению суда духовного либо гражданского и ответ на которые непосредственно влиял на разрешение исходного уголовного дела, и применялось преюдициальное разбирательство.

Уголовное дело приостанавливалось, если для его разрешения необходимо было рассмотреть следующие вопросы:

1. **О правах состояния.** Россия XIX в. представляла собой государство сословного типа. Права состояния – это общее название сословных прав, политических и гражданских. Согласно им население Российской империи было разделено на 8 основных групп: дворянство, духовенство, городские обыватели (почетные граждане, кушцы, ремесленники (цеховые), мещане), сельские обыватели, «инородцы», кочующие, некочующие (оседлые), иностранцы, соответственно с этим делением гражданские и политические права сословий были разными. Значение этого обстоятельства применительно к уголовному судопроизводству И. Я. Фойницкий объяснял следующим образом: «Редакция статьи 27 УУС вследствие своей неопределенности может повести к не-

¹ Фидельский С. В. Становление института преюдиции в уголовно-процессуальном праве: опыт Российского государства и некоторых зарубежных стран // Международное уголовное право и международная юстиция. 2011. № 4. С. 28.

² Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. Т. 2. СПб., 1996. С. 187.

³ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. Т. 2. СПб., 1996. С. 47.

⁴ Буцковский Н. А. Основания кассационной практики по вопросам преюдициальным, СПб., 1872. С. 32.

правильному толкованию; в действительности многие такие вопросы постоянно разрешает сам суд уголовный, например, вопросы о правах состояний в смысле принадлежности лица к тому или иному сословию государства; однако только вопросы, касающиеся законности рождения или брака и вытекающие из них права состояния, суть преюдициальные»¹.

2. О праве собственности на недвижимое имущество. Можно предположить, что изъятие этого вопроса из ведения суда уголовного обуславливалось важностью института собственности для государства в целом. Однако вопрос о праве собственности только тогда являлся преюдициальным, когда от признания этого права зависела сама преступность деяния, в ином случае уголовный суд устанавливал его на общем основании.

3. О свойстве несостоятельности. Идея преюдициального разбирательства в этом случае была заимствована российскими правоведами из французского права. Вместе с тем во французском законодательстве преюдициальным признавался лишь вопрос о факте несостоятельности. И. Я. Фойницкий так писал об этом: «Наше право идет дальше, относя к гражданской компетенции вопрос о самом свойстве ея. Гражданский суд (собрание кредиторов и конкурсное правление под контролем коммерческого или гражданского суда) решает вопрос, была ли причиной несостоятельности умышленная вина, неосторожность или случай. Только в первом случае, при признании злостного банкротства, возбуждается уголовное преследование, но это признание безусловно связывает уголовный суд, который властен вынести и приговор оправдательный»².

Из сочинений И. Я. Фойницкого следует, что институт «предсудимости» был заимствован составителями УУС из других правовых систем, возможно французской или германской. «Французская доктрина и практика ... выработали сложную систему относительно преюдициальных вопросов. Они различают: 1) вопросы предварительные, разрешение которых входит в компетенцию уголовного суда, но с применением к ним правил гражданского законодательства и 2) преюдициальные в тесном смысле, разрешение которых не подлежит

судам уголовным. Последние в свою очередь распадутся на: а) без разрешения которых не может возбуждено уголовное преследование, а начатое должно быть прекращено; и б) приостанавливающее лишь постановление окончательного приговора впредь до разрешения их компетентным органом. К преюдициальным французское законодательство относит вопросы о факте несостоятельности, о правах на недвижимое имущество, о наличии прав, проистекающих от рождения или брака (вопросы законности рождения и действительности брака) и некоторые другие». Органами же, уполномоченными рассматривать указанные вопросы, признаются гражданские суды и административные установления.

О немецком механизме использования преюдициции он писал следующее: «В германских законодательствах круг преюдициального законодательства весьма тесен. Так, австрийский устав 1873 года признает за уголовным судом право на решение всех предварительных вопросов гражданского свойства, кроме вопроса о законности рождения вследствие действительности брака. Германский устав 1877 года уничтожил и это ограничение, предоставив уголовному суду право или самому разрешать всякого рода предварительные вопросы, или в интересах лучшего разъяснения дела выждать по ним решения гражданского суда. Этой же системы в общих чертах придерживаются уставы норвежский и венгерский»³. Институт «предсудимости», таким образом, был заимствован из французской системы права, так или иначе, но предусматривающей механизм приостановления уголовного дела при наличии неразрешимых в суде уголовном вопросов.

На основании изложенного можно сделать вывод, что институт преюдициции в Российской империи использовался совсем иначе, да и представлял собой совершенно иной механизм правового регулирования, нежели в настоящее время. В сущности, правило, установленное ст. 27 УУС, намного ближе по своему смыслу к существующим сейчас правилам о приостановления производства по делу, причем не в уголовно-процессуальном праве, а в арбитражном процессе.

¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. Т. 2. СПб., 1996. С. 48.

² Там же. С. 48.

³ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. Т. 2. СПб., 1996. С. 47.

УЧРЕЖДЕНИЕ ОРГАНА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1860–1864 гг.

ESTABLISHING OF PRELIMINARY INVESTIGATION AGENCY AS A RESULT OF JUDICIARY REFORM OF 1860–1864

Л. И. Лавдаренко

канд. юрид. наук, доц.

доцент кафедры организации и методики уголовного преследования

Иркутского юридического института (филиала)

Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Статья посвящена истории учреждения органа предварительного следствия – судебного следователя в результате судебно-правовой реформы 1860–1864 гг. В статье показана работа известных государственных деятелей и ученых по поиску оптимального варианта организации следственного аппарата, получившего отражение в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.

The article focuses on the history of establishing the preliminary investigation agency — court investigator as a result of the judiciary legal reform of 1860 – 1864. The article presents the activities of famous statesmen and scholars in search of an optimum alternative of an investigation body ordonnance, reflected in the Charter of Court Proceedings in 1864.

Ключевые слова: организация досудебного производства, реформа органов предварительного следствия, дознание, предварительное следствие, судебный следователь.

Keywords: pre-trial procedure ordonnance, establishing of the preliminary investigation agency, inquiry, preliminary investigation, court investigator.

Известно, что история обогащает опытом прошедшего, объясняет настоящее и дает возможность предсказать будущее. В связи с необходимостью совершенствования организации предварительного следствия обращение к истории формирования следственного аппарата и положению следователя в отечественном уголовном судопроизводстве представляется актуальным.

В историко-правовой литературе справедливо отмечается, что существующий в России смешанный тип уголовного судопроизводства с его институтом предварительного следствия был образован в результате судебно-правовой реформы 1860–1864 гг. Накануне реформы существовавшая организация судопроизводства России перестала отвечать социально-экономическим условиям. К слабым ее сторонам современники относили неудовлетворительное устройство следственной части, а именно то, что судьба почти каждого уголовного дела всецело находилась в руках общей полиции, «которая ни по своей подготовке и развитию, ни по нравственным качествам не была пригодна для несения этих серьезных

обязанностей»¹. Необходимо заметить, что вопрос о совершенствовании предварительного следствия стал обсуждаться еще до принятия Уставов уголовного судопроизводства (в дальнейшем сокращенно – УУС). Так, в 1837 г. П отделением Императорской канцелярии совместно с министром юстиции был разработан Проект о следствии, в соответствии с которым планировалось изъятие предварительного следствия из ведения полиции. Производство следствия предполагалось возложить на специальных чиновников, но предложенные идеи организации следственных органов в тот период времени не были реализованы. Вновь актуальной проблема реорганизации предварительного следствия становится к концу 50-х гг. К этому времени не идея совершенствования следствия является главной. В первую очередь правительство Александра II накануне крестьянской реформы стремилось усилить административную власть. С освобождением крестьян-

¹ *Калмаков М. Н.* Старый суд. Очерки и воспоминания // Русская старина. 1886. № 12. С. 527.

ва (более чем 20 миллионов крепостных крестьян) требовались серьезные изменения в регулировании отношений между новыми гражданами и прежними их господами, но к решению этой задачи полицейский аппарат не был готов в связи большим объемом выполняемых полицией функций.

18 февраля 1858 г. император поручил министрам С. С. Ланскому, Н. В. Муравьеву и В. Н. Панину разработать «Основания будущего устройства уездного управления и уездной полиции в связи с будущим новым устройством крестьян»¹. В разработке проекта о реорганизации полиции также принял участие один из приближенных императора Александра II генерал-адъютант Я. И. Ростовцев. Изучив положение земской полиции в соответствии с поставленными верховной властью целями, комиссия пришла к выводу о том, что, кроме придания большей централизации органам полиции, ее эффективность может быть повышена в результате резкого сокращения объема выполняемых ею функций, в том числе судебных и следственных. Комиссия должна была определить, каким органам будут переданы эти функции. Первоначально разработчики проекта не имели в виду отделение предварительного следствия от полиции и придание ему независимости от исполнительной власти. В черновых вариантах проекта содержались предложения либо по структурному обособлению следственных чиновников от земской полиции с непосредственным подчинением губернаторской (административной) власти, либо по созданию особого следственного отдела уездного полицейского управления под руководством неперменного заседателя земского суда². 29 января 1859 г. на состоявшемся правительственном заседании Главного комитета рассматривались вопросы, вынесенные комиссией, на предмет определения Главных начал будущего устройства уездного управления и полиции. По итогам рассмотрения этих вопросов были сформулированы принципы, которыми должна была руководствоваться комиссия при подготовке окончательного проекта Главных начал³. Так, усилить земскую по-

лицию предлагалось за счет подчинения ее лицу, назначаемому от правительства. Применительно к судопроизводству впервые была высказана идея «стараться по возможности власть судебную отделить от власти исполнительной»⁴. 27 марта 1859 г. для подготовки более подробных проектов на основе Главных начал была образована комиссия губернских и уездных учреждений, в которую вошли представители различных ведомств. Ее руководителем стал государственный секретарь С. И. Зарудный, по праву считающийся «отцом» судебной реформы 1864 г. В Главных началах наряду с предложениями, направленными на усиление полицейской власти, вновь, уже официально, прозвучало предложение об отделении следственной части от полиции. С этой целью Главные начала предусматривали учреждение особых должностей следственных приставов по два в каждом уезде. Они должны были «причисляться» к министерству юстиции, получая таким образом обособленность от полиции, однако их самостоятельность этим и ограничивалась. Так, они могли начинать следствие только «по непосредственному предписанию полицейского управления». Назначение и увольнение следственных приставов от должности наравне с другими полицейскими чинами предоставлялось губернатору. Таким образом, «отделение следственной части от полиции» члены комиссии видели в создании вне штата исполнительной полиции дополнительного аппарата чиновников для производства «предварительных следствий». Этот аппарат в ст. 16 Главных начал именовался «следственной полицией»⁵. Данная концепция получила развитие в разработанном в июле 1859 г. проекте Положения о следственных приставах. В нем предусматривалось учреждение в каждом уезде и уголовной палате по два следственных пристава, числившихся в ведомстве министерства юстиции. Предполагалось, что приставы будут командироваться для производства формальных следствий на общих с другими чиновниками основаниях. Они должны были назначаться и увольняться губернским начальством по представлению губернского прокурора. Ответственность и взыскания

¹ Российский государственный исторический архив (сокращенно – РГИА). Ф. 1180, оп. 16, л. 95, л. 145, 313.

² См.: *Соловьев Я. П.* Записки о крестьянском деле // Русская старина. 1882. № 3. С. 562.

³ См.: Журнал Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Пг., 1915. С. 332.

⁴ Журнал Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу С. 333.

⁵ См.: Работы комиссии об уездных учреждениях. Ч. 1. СПб., 1859. С. 30.

для них предусматривались по общим правилам, изложенным в законе для государственных служащих. В соответствии с проектом следственный пристав не имел права самостоятельно приступить к следствию. Для этого требовалось распоряжение уездного полицейского управления, постановление судебных мест, предложение прокуроров и стряпчих, а также распоряжение гражданских губернаторов. Кроме того, следствие, производимое следственным приставом, «в важных случаях, не терпящих отлагательства», могло быть назначено полицейским управлением, когда виновные «частично уже обнаружены». Полицейскому же управлению предоставлялось право по своему усмотрению назначать формальное следствие либо следственному приставу, либо «составляемому» им временному отделению, в которое кроме следственного пристава обязательно входили местный полицейский чиновник и другие лица – опять же по усмотрению полицейского управления¹.

В октябре 1859 г. к работе в комиссии Зарудного приступил Н. И. Стояновский, сыгравший главную роль в учреждении института судебных следователей. В отличие от других проектов, содержавших механическое освобождение полиции от следственной функции, его концепция была основана на обобщении опыта западных стран (в основном Франции). Н. И. Стояновский подошел к решению вопроса о создании следственных органов с точки зрения научно-теоретических положений о формах судопроизводства, судебном характере предварительного следствия, границах и стадиях уголовного процесса и т. д. Опираясь на процессуально-правовые доктрины европейских государств, к ноябрю 1859 г. он подготовил записку «Учреждение следственных приставов»². Автор исходил из теоретического положения, что «власть следственная есть часть судебной власти». По мнению Н. И. Стояновского, следственный аппарат должен находиться в судебном ведомстве, следователь – назначаться на должность министром юстиции. Организационное подчинение следственного аппарата суду трактовалось Стояновским как средство обеспечения независимости

следственного аппарата от административной и, в первую очередь, полицейской власти. Судебный орган, согласно записке, являлся непосредственно вышестоящей инстанцией для следственного пристава, суд контролировал производство следствия: «... никакая другая власть кроме суда, рассмотрению которого подлежит дело, не вправе останавливать производство при прекращении его или направлять его ход». Все сомнения при производстве следствия разрешались судом, он же рассматривал жалобы на действия судебного пристава. В записке были предусмотрены гарантии независимости следственного пристава. Так, устанавливалась его несменяемость, он мог быть удален от должности не иначе как с «преданием уголовному суду». При производстве следствия он был самостоятелен, мог осуществлять те действия, которые считал целесообразными: возбуждать дело, проводить допросы и т. д. Все должностные и иные лица обязаны были выполнять все законные требования пристава. Пристав имел право отменять сделанные полицией распоряжения, касающиеся расследования. Полиция должна была проводить первоначальное дознание по происшествиям, направленное на установление факта преступления, закрепление улик, розыск подозреваемого, а следователь – предварительное следствие, которое должно состоять в сборе и оценке доказательств, в предварительном решении вопроса о виновности лиц, совершивших преступление.

23 ноября 1859 г. с запиской ознакомился С. И. Зарудный и на ней написал: «Читал и со всем совершенно согласен»³. Затем записка Н. И. Стояновского была изучена в комиссии губернских и уездных учреждений. Комиссия признала ценность содержащихся в ней положений и подтвердила необходимость разделения предварительного расследования на две части: а) дознание, включающее установление факта преступления, закрепление улик, розыск; б) предварительное следствие, состоящее в сборе и оценке доказательств, предварительном установлении виновности лица. Комиссией было признано целесообразным «для придания большего значения в общественном мнении и привлечения к этой должности людей образованных не называть их приставами, а впредь именовать их следственными судьями,

¹ Отдел рукописей. Российская Государственная библиотека (сокращенно – ОР РГБ). Ф. 290, к. 196, ед. хр. 27.

² ОР РГБ. Ф. 290, к. 196, ед. хр. 27.

³ ОР РГБ. Ф. 290, к. 196, ед. хр. 27.

как это принято во всех законодательствах¹. По мнению комиссии, следственный судья должен был обладать глубокими знаниями законов, правильно их применять, поэтому следственными судьями могли стать лишь лица, имевшие юридическое образование и опыт следственной работы. В марте 1860 г. комиссия завершила свою работу и на основе записки Стояновского подготовила проект «Учреждение следственных судей». В соответствии с проектом следственный судья назначался не министром юстиции, как предлагал Н. И. Стояновский, а начальником губернии по представлению губернского прокурора. Это положение отражало колебания реформаторов: с одной стороны, желавших сделать следственный аппарат независимым, а с другой – опасавшихся вывести следствие из-под контроля исполнительной власти.

В мае 1860 г. в Государственном совете состоялось обсуждение проекта реформы следственного аппарата. Проект в целом был одобрен, в него были внесены лишь некоторые коррективы. Так, термин «следственный судья» был заменен на «судебный следователь» со следующей мотивировкой: «Слова «следственный судья» могут дать неправильное понятие об учреждении, потому что этот судья не судит, а собирает только данные, представляемые им на разрешение суда; он производит следствие и потому должен именоваться «следователем», но, так как ныне следствия из ведома полиции переходят в ведомство судов, то всего соответственнее было бы назвать его судебным следователем². Была еще одна поправка к положениям проекта, предложенная Государственным советом, которая заключалась в следующем. Поскольку судебные следователи были одновременно членами уездного суда, то право назначать на эту должность, по мнению Государственного совета, следовало предоставить министру юстиции по представлению начальника губернии³.

Александр II одобрил проект, 8 июня 1860 г. им был издан именной указ Правительствующему сенату об отделении от полиции производства следствий по преступлениям и проступкам, «подлежащим рассмотрению су-

дебных мест⁴. К указу прилагались три законодательных акта: 1) Учреждение судебных следователей; 2) Наказ судебным следователям; 3) Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок. В соответствии с данным указом предписывалось «отделить следственную часть от полиции» и в 44 губерниях назначать особых, подведомственных министерству юстиции чиновников, «наименовав их судебными следователями». В новом законе прямо закреплялось, что судебные следователи являются членами судов. За полицией оставалось расследование по мало важным преступлениям и проступкам, «которые предоставлялись разбору и суждению самих полицейских властей, а также первоначальное дознание о происшествиях, кои могут по связи с преступлением более важным подлежать рассмотрению судебных мест».

Россия, заимствовав положения французского Кодекса уголовного расследования (Code d'instruction criminelle) 1808 г., стала придерживаться, как и большинство европейских стран, смешанной формы уголовного судопроизводства, включавшей розыскное (в основном) предварительное расследование и состязательное судебное разбирательство. В основе розыскного процесса лежит принцип, согласно которому достижение истины находится в руках судьбы (силу судебных доказательств имеют акты, составленные особыми представителями судебной власти). При смешанной форме процесса «хозяином» стадии предварительного расследования является следователь.

Согласно указу «Учреждение судебных следователей» 1860 г. назначение на должность судебного следователя (так же как и назначение других членов суда) производилось министром юстиции по представлению начальника губернии (ст. 2 указа). Следователи должны были назначаться, как правило, из лиц, имеющих высшее или среднее образование, обладавших навыками в расследовании дел, отличающихся добросовестностью (ст. 3 указа). Хотя русский следователь и не имел формального звания судьи, как следственный судья французского процесса, он находился в орга-

¹ ОР РГБ. Ф. 290, к. 196, ед. хр. 27.

² ОР РГБ. Ф. 290, к. 171, ед. хр. 4, л. 1-2.

³ Там же.

⁴ Учреждение судебных следователей. Полное Собрание Законов Российской империи. СПб., 1860. Собр. 2-е. Т. XXXV, отд. 1, № 35890–36892.

низационном и процессуальном подчинении окружного суда. Судебный следователь, как и французский следственный судья, если он не был загружен, мог участвовать «в делах уездного суда наравне с прочими членами его», при условии – ему запрещалось участвовать в рассмотрении тех дел, которые он расследовал. Судебные следователи учреждались как независимые должностные лица, подчиняющиеся только суду. Так, только суду предоставлялось «право делать судебным следователям указы и предписания, проверять их действия, назначать преследования, останавливать производство следствия, определять передачу дел от одного судебного следователя другому», прекращать производство дела, направлять расследование (ст. 24, 18). Суд также рассматривал жалобы на действия следователя. При производстве следствия законодатель предоставил ему максимальную для того времени независимость и самостоятельность. Гарантией независимости следователя являлось то, что от должности он мог «быть удален не иначе как с преданием суду», взыскания по службе налагались на него «судами второй степени» (ст. 28 указа). Указом ограничивалось вмешательство в деятельность следователя: суд, прокурор и стряпчие были вправе требовать «от судебного следователя письменные сведения о положении производимого им следствия только в случае жалобы на неправильное задержание лица» (ст. 25). Все государственные органы, чиновники, частные лица были обязаны исполнять требования следователя.

Однако реформаторы не были до конца последовательными в стремлении создать независимое от исполнительной власти следствие. Так, следователи находились в зависимости от губернаторов, которые их назначали, перемещали, увольняли, распределяли по участкам, давали следователям предписания, получая по ним рапорты.

По рассматриваемому указу полиция не отстранялась полностью от участия в предварительном расследовании. В соответствии со ст. 9 указа «по преступлениям и проступкам, подлежащим рассмотрению судебных мест», к обязанностям полиции «относятся только первоначальные изыскания и раскрытие тех существенных обстоятельств», которые свидетельствовали о совершении преступления или проступка. Этой же статьей устанавливались обязанности следователя, к которым относи-

лись все дальнейшие следственные действия, необходимые для того, чтобы «изыскать, получить и сохранить все те сведения и доказательства, которые нужны суду для произнесения правильного приговора о преступлении или проступке и о лицах, обвиняемых в совершении преступления или проступка, подлежащего ведению судебных мест».

Указ устанавливал основания «к производству следствия»: письменные требования судебных мест, губернского прокурора, городской и земской полиции, исправника и становых приставов уезда, в котором служил следователь. Следователь был вправе самостоятельно возбуждать дело в случае явки с повинной по заявлению лиц «или же когда преступление или проступок усмотрены им во время их совершения или обнаружены при производстве следствия по какому-либо другому преступлению или проступку» (ст. 11 указа).

С момента возбуждения уголовного дела и до его завершения порядок производства предварительного следствия регулировался Наказом судебным следователям. К числу процессуальных действий, который мог осуществлять следователь, относились: осмотр и освидетельствование, допрос, очная ставка и другие, существовавшие ранее по Своду законов. Наказ сохранил такое действие, как повальный обыск.

Для обеспечения защиты обвиняемого на предварительном следствии сохранялся институт депутатов от сословий.

В Наказе полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступления или проступки, устанавливались обязанности полиции при расследовании преступлений и проступков, подлежащих рассмотрению судебных мест. Она осуществляла «собрание сведений, необходимых для удостоверения о том, что происшествие действительно было и что оно соединено с преступлением или проступком» (ст. 31). Наказ устанавливал перечень оснований для начала дознания, для задержания полицией, чем ограничивал существовавший ранее произвол полиции.

Таким образом, в соответствии с реформой досудебного производства 1860 г. предварительное расследование включало в себя дознание, проводимое органами исполнительной власти, и основную форму расследования – предварительное следствие, которое осуществлялось специально уполномоченным на то должностным лицом – следователем.

Главным же достоинством реформы, безусловно, являлась передача следствия в судебное ведомство, что привело к усилению в уголовном процессе судебной власти над властью исполнительной.

Реформа предварительного расследования с энтузиазмом была воспринята в обществе. Так, «Московские ведомости» от 11 октября 1860 г. пророчили новому институту следствия «блестящую будущность». «Северная пчела» 7 февраля 1861 г. писала: «Нет надобности доказывать пользу и необходимость отделения следствия по уголовным делам от полицейских чиновников и поручения их чиновникам судебного ведомства». Известный ученый того времени В. Д. Спасович отмечал: «В основании «Учреждения судебных следователей» лежит мысль глубокая, теоретическая, испробованная опытом и признанная за одну из коренных основ полицейского устройства западноевропейских государств, — мысль о необходимости отделения суда от администрации. «Учреждение судебных следователей» представляет шаг вперед в направлении к отделению администрации от суда... оно изымает из полиции и вручает судам производство следствия»¹.

В соответствии с реформой на следственную работу были привлечены новые кадры, качество расследования значительно улучшилось. И все же реформа не оправдала всех тех надежд, которые на нее возлагались. Причина заключалась в том, что без изменений осталась судебная часть уголовного судопроизводства. По образному выражению Б. Бразоля, построенный на демократических принципах новый следственный аппарат «врезался клином в существующую систему юстиции, диссонируя ей»². Кроме того, судебный следователь не был полностью независимым от исполнительной власти, и она нередко вмешивалась в его деятельность. Так, тульский губернский прокурор сообщал в рапорте министру юстиции: «Губернатор принимает жалобы на действия судебных следователей и, не передавая эти жалобы на рассмотрение судебных мест, требует объяснения от следователей... Один из судебных следователей заявил прокурору, что почти

по каждому делу он обязан давать объяснения губернатору, отчего проходит много времени на собиране сведений по жалобе, влекущей большей частью только затяжку дела»³. Губернаторы были заинтересованы в том, чтобы формировать следователей из служащих, податливых им. Как отмечала комиссия, учрежденная для рассмотрения отчета министерства юстиции за 1860 г., «...на дело в выборе судебных следователей губернское начальство смотрит слишком снисходительно... Последствием сего был... достаточно плохой выбор вообще всех допущенных к должности судебных следователей»⁴.

К судебным следователям неприязненно относились прокуроры, полиция и даже судьи. Так, калужский губернатор Арцимович писал: «Подчиненность судебных следователей судам первой степени при нынешней несовершенной организации этих сословных учреждений, естественно, ставит их в неприязненное положение к членам судов, тем более что они сами — члены суда. Подобное отношение ведет к тому, что судьи не столько стараются помочь судебным следователям, сколько затрудняют их, замечая недостатки в производимых ими следствиях, нередко мелочные, не относящиеся к существу дела»⁵. Некоторые высокопоставленные чиновники высказывали предложения о реорганизации предварительного следствия. Так, министр внутренних дел П. А. Валуев направил свой проект реорганизации предварительного расследования, заявив, что с учреждением судебных следователей предварительное следствие «пришло еще в худшее положение», и предложил передать предварительное следствие по малозначительным делам полиции, по иным — судебным следователям⁶.

Стала очевидной невозможность радикального изменения отдельного звена уголовного судопроизводства, вновь встал вопрос о реформе, но уже всего судопроизводства. 29 сентября 1862 г. были приняты Основные положения преобразования судебной части в России — важный документ, содержащий концептуальные положения в отношении организации уголовного судопроизводства. В

¹ Спасович В. Обзор перемен в законодательстве уголовном, начиная с нового Свода законов // Век. 181. № 5. С. 11.

² Бразоль В. Следственная часть // Судебные уставы 20 октября 1864 г. за 50 лет. Т. 2. Пг., 1914. С. 68.

³ ЦГИА СССР. Ф. 1405, оп. 63, 1863, д. 461. л. 1-2.

⁴ ЦГИА СССР. Ф. 1275, оп. 1, 1863, д. 24. л. 14.

⁵ ЦГИА СССР. Ф. 1405, оп. 60, 1862, д. 4417. л. 134.

⁶ ЦГИА СССР. Ф. 1149, оп. 6, 1864, д. 44. л. 251.

части досудебного производства в основном сохранялись институты предварительного следствия, установленные в уставе «Учреждение судебных следователей» 1860 г. Новым было введение прокурорского надзора за предварительным расследованием и упразднение института депутатов от сословий.

20 ноября 1864 г. указом Александра II были изданы основополагающие нормативные акты: Учреждение судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями¹. В указе императором провозглашалась цель уголовного судопроизводства: «Водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность». Данными уставами вводилось новое судопроизводство, основанное на демократических принципах отправления правосудия, и с этой новой системой органично сочетался институт судебного следователя.

При проведении судебной реформы 1864 г. предварительное следствие было оставлено «почти в неприкосновенности» и «явилось не новым порядком, а лишь развитием «Учреждения судебных следователей»². Авторы судебной реформы подтвердили правомерность и целесообразность функционирования судебных следователей в рамках судебных структур. Более того, по судебным уставам 1864 г. судебные следователи наравне с другими членами суда назначались на должность императором. Им они и отстранялись от должности, что окончательно делало их независимыми от исполнительной власти.

Гарантии независимости судебных следователей заключались, в первую очередь, в порядке их назначения на должность и увольнения. Так, их увольнение допускалось только в специально оговоренных законом случаях. Перечень этих случаев был общим для судей, считавшихся несменяемыми, и следователей. Перевод из участка в участок осуществлялся в

случаях «крайней необходимости» министром юстиции на основании постановления суда.

Порядок назначения на должность устанавливался следующий: при открытии вакансий собиралось общее собрание членов окружного суда или судебной палаты, оно определяло кандидатуру на должность судебного следователя. Председатели окружного суда, председатели судебных палат направляли соответствующее представление старшему председателю судебной палаты, он – министру юстиции. Решение о назначении принимал император. Такой порядок назначения судебного следователя на должность надежно гарантировал его процессуальную независимость.

Следствие было обязательно по всем делам о тяжких преступлениях, подсудным окружному суду или судебной палате (ст. 249 УУС).

Следователь был обязан по предложению прокурора начать и вести расследование.

Судебный следователь имел четыре вида властных полномочий – по отношению к дознанию, по отношению к другим структурам государственного аппарата, по отношению к «окольным людям» и по отношению к свидетелям, понятым, экспертам (сведущим людям). Он был правомочен проверять, дополнять или отменять действия полиции, поручать ей собиранье справок, производство дознания (ст. 269, 271 УУС).

Для обеспечения законной деятельности судебного следователя учреждался контроль суда и прокурорский надзор.

Судебный контроль выражался в разных формах: дозволение на производство ряда следственных действий; рассмотрение жалоб на действия следователя и заявленных ему отводов; разрешение разногласий между следователем и прокурором.

К числу действий, совершаемых по определению суда, относились изъятие почтово-телеграфной корреспонденции, наложение ареста «на имущество» обвиняемого и его другое имущество. Только суд мог прекращать уголовные дела (ст. 277 УУС). Начатое следователем производство по делу не могло быть прекращено прокурором, который был обязан ставить вопрос о прекращении следствия перед окружным судом.

Прокурорский надзор определялся ст. 278–287, 510–528 УУС. Судебные следователи направляли прокурорам сообщения о «начатии» следствия (ст. 263 УУС), о взятии

¹ Текст перечисленных уставов, публикуемый по первому официальному изданию «Судебные Уставы 20 ноября 1864 года», см.: Судебная реформа // Российское законодательство X–XX веков. Т. 8.

² См.: Шегловитов И. Следственная часть за 25 лет // Журнал гражданского и уголовного права. 1889, кн. 9. С. 22.

обвиняемого под стражу (ст. 683 УУС), о причинах освобождения обвиняемого из-под стражи или избрания иной меры пресечения вместо ареста, хотя по формальным основаниям он был возможен (ст. 284 УУС). Прокурор имел право присутствовать при всех следственных действиях, рассматривать на месте «подлинное производство» (ст. 280 УУС), направлять следователю требования по всем «предметам, относящимся к исследованию преступления» (ст. 281 УУС). В суд дела направлял прокурор. Он составлял обвинительный акт. При обнаружении недостатков требовал их устранения, в том числе и в виде доследования. Закон обязал следователя выполнять все указания наблюдающего за ним прокурора, если они были направлены в пользу обвиняемого. Так, предложение прокурора об освобождении взятого под стражу обвиняемого было обязательно. Наоборот, с предложением о заключении под стражу следователь мог не согласиться, и тогда вопрос переходил на разрешение окружного суда.

По смыслу закона следователь обязан был с полным беспристрастием выяснять как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие (ст. 265 УУС).

УУС предоставлял право избирать меры пресечения исключительно следователю. Прокурор, суд, полиция не имели таких полномочий.

В результате судебной реформы в России во второй половине XIX в. был создан тип процесса, соответствующий уровню передовых европейских государств, что отмечалось многими современниками. Так, И. Я. Фойницкий писал: «В нашем новом процессе есть много сходного с английским и особенно французским, в общих чертах он приближается к тому же типу, который выработан этими лучшими представителями европейской культуры и устанавливает наши родственные отношения»¹. Следует подчеркнуть, что, оценивая тип процесса как демократический и прогрессивный, ученый имел в виду и его досудебную часть – предварительное следствие. Выражая общее мнение ученых-процессуалистов по поводу УУС, И. Я. Фойницкий отмечал: «...Судебные уставы в истории русской жизни знаменуют поворот от порядка полицейского к порядку правовому»².

¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1996. С. 44

² Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 42.

СВИДЕТЕЛЬСКИЙ ИММУНИТЕТ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА*

TESTIMONIAL IMMUNITY BY STATUTE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Н. Ю. Литвинцева

канд. юрид. наук, доцент

доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора

Байкальского государственного университета экономики и права

В статье рассматриваются положения Устава уголовного судопроизводства 1864 г., регулирующие институт свидетельского иммунитета. Анализируются нормы, закрепляющие право свидетелей отказать от дачи показаний, и нормы, устанавливающие запрет на допрос некоторых лиц в качестве свидетелей.

The article discusses the provisions of the Charter of the criminal justice 1864 governing the institution of witness immunity. Analyzed the provisions enshrining the right of witnesses to refuse to testify, and regulations prohibiting the interrogation of certain persons as witnesses.

Ключевые слова: Устав уголовного судопроизводства, свидетель, свидетельский иммунитет.

Keywords: Charter of criminal proceedings, witness, witness immunity.

Комплексное развитие институт свидетельского иммунитета получил с принятием Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. (далее – УУС), который закрепил ряд положений, регулирующих право свидетеля отказать от дачи показаний, а также устанавливающих запрет на допрос некоторых лиц в качестве свидетелей.

УУС закреплял перечень лиц, которые не могли быть свидетелями. В соответствии со ст. 704 УУС не допускались к даче свидетельских показаний: «1) безумные и сумасшедшие; 2) священники – в отношении к признанию, сделанному им на исповеди; 3) присяжные поверенные и другие лица, исполнявшие обязанности защитников подсудимых – в отношении к признанию, сделанному им доверителями во время производства о них дел». Эта статья закрепляла два основания освобождения лица от дачи показаний в качестве свидетеля: 1) болезненное состояние лица; 2) моральные соображения. «Безумных и сумасшедших» не допускали к свидетельству, исходя из того, что при их болезненном состоянии грань между действительностью и фантазией у них может отсутствовать, более того, они не могли быть ответственны за свои показания, не могли быть приведены к присяге. Священники и защитник подсудимого освобождались от свидетельства в силу доверительных отношений с подсуди-

мым, которые складываются при исполнении ими своих обязанностей¹.

Обосновывая нравственное значение правовой защиты тайны исповеди, А. Ф. Кони писал: «Священник, вещающий кающемуся «Се Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое» ... и затем отпустивший ему грехи, не может уже являться обличителем перед судом земным. Здесь возможность раскрытия преступного дела и установления вины приносится в жертву необходимости сохранить высокое и просветляющее значение исповеди. И закон тысячу раз прав, не допуская искажения таинства покаяния обращением его во временное и случайное орудие исследования преступления!»².

Небезынтересно отметить, что в Проекте УУС предлагалось не допускать священников к свидетельству «в отношении к признанию,

*Издается при финансовой поддержке проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014-2016 гг. в сфере научной деятельности (№ задания 29.1247.2014/К)

¹ Скопинский А. В. Свидетели по уголовным делам: пособие для практиков. М. : Тип. П. П. Рябушинского, 1911. С. 27–32.

² Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе: собр. соч.: в 8 т. Т. 4. М. : Юрид. лит., 1967. С. 53.

сделанному им на исповеди или при подаче духовной помощи». При обсуждении же данного проекта Государственный совет признал, что «случаи и способы подания духовной помощи, если они выходят из пределов исповеди, могут быть весьма разнообразны и неопределенны, и недопущение в сих случаях к свидетельству священников могло бы послужить препятствием к раскрытию истины»¹.

А. В. Скопинский, комментируя УУС, отмечал, что согласно п. 2 ст. 704 УУС нарушение запрета допрашивать священнослужителей об обстоятельствах, ставших им известными из исповеди, влекло отмену всего производства по делу, однако, если кающийся уполномочил духовника заявить о данном им ранее неправильном показании, могущим повлечь за собою наказание невиновного, устранение свидетельского показания священника могло послужить препятствием к раскрытию истины².

В дореволюционной юридической литературе существовала позиция, в соответствии с которой «если священник, вопреки своей обязанности хранить тайну исповеди, тем не менее, выскажет ее судьбе или следователю, то игнорировать, исключать это показание из дела не будет основания, так как оно не лишается характера добросовестного показания»³. Указанные суждения подверглись обоснованной критике, так, А. Ф. Кони в этой связи писал: «Попытки судебных практиков прямо отменить или косвенно обойти правила о недопросе священника относительно исповеди, в интересах успешного уголовного преследования, не могут вызывать сочувствия: они стремятся сделать таинственное общение человека с Богом орудием земного правосудия, освобождая

его представителей от труда над раскрытием истины общепринятыми способами»⁴.

Освобождались от дачи свидетельских показаний и присяжные поверенные. В русском дореволюционном уголовном процессе адвокат, защитник обвиняемого (подсудимого) именовался присяжным поверенным. Согласно словарю русского языка поверенный – лицо, официально уполномоченное действовать от чьего-либо имени; присяжный в буквальном смысле означает связанный присягой, клятвой. Таким образом, присяжный поверенный – это лицо, связанное клятвой хранить тайну доверившегося ему человека и официально представляющий его права и законные интересы⁵.

Дореволюционные процессуалисты, обосновывая наделение защитника свидетельским иммунитетом, исходили из разных причин недопустимости совмещения процессуального статуса свидетеля и защитника. Так, А. Квачевский находил основания освобождения защитника от свидетельства в «соблюдении условия хранить тайну, вверенную лицу такого звания, в котором он может приносить пользу обществу лишь при надлежащем доверии к его скромности»⁶.

А. Е. Владимиров полагал, что уголовно-процессуальный закон «проводит резкую границу между свидетелем и защитником»⁷.

С. И. Викторский в этом вопросе исходил из соотношения частных и публичных начал уголовного судопроизводства, полагая, что «исключение присяжных поверенных из числа свидетелей составляет подчинение публичного интереса интересам частного лица»⁸.

Нравственное обоснование запрета допрашивать защитника об обстоятельствах, которые стали ему известны при осуществлении функции защиты, было дано А. Ф. Кони, который по данному поводу писал: «Между за-

¹ В проекте УУС также предлагалось не допускать к свидетельству «врачей, акушеров и повивальных бабок – в отношении к тайне, сообщенной им при исполнении обязанностей их звания». В окончательную редакцию УУС данное положение не вошло, поскольку, по мнению Государственного совета, «освобождение этих лиц от свидетельства весьма часто служило бы важным препятствием к обнаружению истины и к сокрытию их соучастия или пособия в совершенном преступлении». См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны: в 5 ч. Ч. II. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1866. С. 255.

² Скопинский А. В. Указ. соч. С. 31.

³ Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М.: Изд-е М. В. Ключкина, 1910. С. 214.

⁴ Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 64. СПб.: Типо-литогр. И. А. Ефрона, 1901. С. 494.

⁵ Смолькова И. В. Адвокатская тайна // Адвокат. 2001. № 5. С. 3.

⁶ Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 г.: в 3 ч. Ч. 3. (Вып. второй). СПб.: Тип. Ф. С. Сушчинского, 1870. С. 452.

⁷ Владимиров А. Е. Реформа уголовной защиты. Харьков: Изд-е тип. Каплана и Бирюкова, 1886. С. 15.

⁸ Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М.: Казен. железнодорож. тип. Моск. узда, 1911. С. 215.

щитником и тем, кто в тоске и тревоге от грозно надвинувшегося обвинения обращается к нему в надежде на помощь, устанавливается тесная связь доверия и искренности. Защитнику открываются тайники души, ему стараются разъяснить свою виновность или объяснить свое падение и свой скрываемый от других позор такими подробностями личной жизни, по отношению к которым *слепая* Фемида должна быть и *глухотою*¹.

В УУС было включено правило, освобождавшее от обязанности свидетельствовать против самого себя, своих супругов и близких родственников (ст. 705, 722).

Так, УУС устанавливал, что «муж или жена обвиняемого лица, родственники по прямой линии, восходящей и нисходящей, а также его родные братья и сестры могут устранить себя от свидетельства, если же не пожелают воспользоваться сим правом, то допрашиваются без присяги» (ст. 705). Перед началом допроса они предупреждались следователем о возможности отказа от дачи свидетельских показаний (ст. 444 УУС).

Мотивами закрепления в УУС рассматриваемой нормы послужило, по определению С. И. Викторского, то, «что от ближайших к подсудимому лиц нельзя требовать, чтобы они отрешились от любви к нему и давали по его делу вполне беспристрастные показания; с другой стороны, желательно, не искушая их, дать пристрастное показание под присягою, сохранить в них свидетелей, так как часто именно эти-то лица и могут пролить свет на дело»².

Подобных суждений придерживался и К. К. Арсеньев, справедливо полагая, что правило это установлено ввиду чувств привязанности и любви, которые обыкновенно существуют между лицами, соединенными узами брака или близкого родства, последствиями нарушения этого права могут быть или лжесвидетельство, или тяжесть необходимости уличать подсудимого. По его мнению, предоставляя указанным лицам право отказаться от свидетельства, законодатель, без сомнения, имел в виду людей, способных взвесить мотивы, го-

ворящие в пользу и против дачи показаний, и затем сознательно решиться на то или другое³.

А. Ф. Кони в этой связи писал: «Ради целей земного правосудия нельзя ослабить или нарушить священные узы, связывающие людей между собою. Закон падит те чувства, которые даже при сознании свидетелем виновности подсудимого или наличности изобличающих его факторов, заставляли бы нередко сердце дающего показания обливаться слезами и кровью или искать облегчения своего тяжелого положения во лжи. В человеческом взгляде закона на таинственный голос крови или супружеской привязанности заключается даже как бы признание допустимости лжи, которая, в известных случаях, более близка к внутренней правде жизни, чем объективная и холодная истина»⁴.

Непримиримым противником свидетельского иммунитета супругов и близких родственников выступал И. Бентам. Вот что он писал по данному поводу: «Жена может чувствовать отвращение свидетельствовать против своего мужа, мужу должно быть противно, если жена показывает против него, но что значит их отвращение перед необходимостью открыть виновника преступления? Это значило бы нарушать домашнее доверие. Чье? Тех, которые злоупотребляют им, чтобы нарушить публичное доверие. Поэтому злодею, который может быть уличен в самом важном преступлении показанием женщины, остается только прибегнуть к церемонии брака, чтобы ничего не опасаться с ее стороны? Не следует открывать убежище для преступников, надо разрушать всякое доверие между ними, если это возможно, даже в недрах их семейства. Если они не могут найти продажных покровителей между юристами, ни укрывателей в их собственном доме, то в чем заключается неудобство? Этим они будут поставлены в необходимость соблюдать законы и жить как честные люди»⁵.

³ Арсеньев К. К. Судебное следствие : сб. практ. заметок. СПб. : Тип. В. Демакова, 1871. С. 220–221.

⁴ Кони А. Ф. Указ. соч. С. 52.

⁵ Бентам И. О судебных доказательствах: трактат. Киев : Тип. М. П. Фрица, 1876. С. 264.

¹ Кони А. Ф. Указ. соч. С. 53–54.

² Викторский С. И. Указ. соч. С. 223.

Вместе с тем законодатель, комментируя положения ст. 705 УУС, указывал, что «в видах ограждения ненарушимости семейственного союза, составляющего основу всякого общежития, не следует требовать свидетельства от лиц, состоящих с подсудимым в супружестве или родстве... Как бы ни была велика их решимость дать беспристрастные показания, но чувство любви, связывающее их с подсудимым, может против воли их подавить требования совести. Закон не дает никого ставить в положение, угрожающее явной опасностью клятвопреступления»¹.

В соответствии со ст. 722 УУС свидетель не обязан был отвечать на вопросы, уличающие его самого, в каком бы то ни было преступлении, в свою очередь «молчание подсудимого не должно быть принимаемо за признание им своей вины» (ст. 685 УУС).

В свое время Ю. И. Левенштейн отмечал: «Эта законная гарантия необходима, чтобы не отклонять свидетелей от явки в суд и беспристрастия в показаниях»².

А. В. Скопинский по данному поводу писал: «Право, предоставляемое свидетелям по ст. 722 УУС, вытекает из того основного начала современного уголовного процесса, по которому никто не может быть обязываем к тому, чтобы свидетельствовать против себя»³.

Комплексное развитие института свидетельского иммунитета в отечественном уголовном судопроизводстве связано с принятием УУС; нормы, закреплявшие право не свидетельствовать против себя самого, своих супругов и близких родственников, запрет на допрос в качестве свидетелей защитника, священнослужителя, послужили основой формирования современного института свидетельского иммунитета и были закреплены в УПК РФ.

¹ Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны ... С. 250, 345.

² *Левенштейн Ю. И.* О свидетельских показаниях по уголовным делам. М.: Губернская тип., 1865. С. 25.

³ *Скопинский А. В.* Указ. соч. С. 41.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПОНЯТИЙ «УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ», «СУДЕБНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ», «ПРЕСЛЕДОВАНИЕ» В УСТАВЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 г.*

ABOUT THE USE OF THE TERM “CRIMINAL PROSECUTION”, “JUDICIAL PROSECUTION”, “PROSECUTION” IN THE STATUTE OF CRIMINAL PROCEEDINGS 1864

Р. В. Мазюк

канд. юрид. наук

доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора

Байкальского государственного университета экономики и права;

доцент кафедры организации и безопасности судебной и правоохранительной деятельности

Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия

При проведении судебной реформы 1864 г. в основу проекта Устава уголовного судопроизводства был положен французский Кодекс уголовного расследования 1808 г. Одним из проявлений влияния французского кодекса стало использование отечественным законодателем терминов *l'action publique* и *poursuite*, которые в нормах российского устава были переведены как «уголовное преследование», «судебное преследование», «преследование». Автором проведен сравнительно-правовой анализ указанных французских и российский терминов и сделан вывод об их уникальном значении в системе российского состязательного типа уголовного судопроизводства того периода.

In the course of judicial reform of 1864 the project of Statute of criminal proceedings was based on the french Code of criminal investigation 1808. One of the manifestations of the impact of the french code was the use of domestic legislator terms «*l'action publique*» and «*poursuite*» that in the norms of the russian Statute had been translated as «criminal prosecution», «judicial prosecution», «prosecution». The author has conducted a comparative legal analysis of the above french and russian terms, and has made a conclusion about their unique value in the system of russian adversarial type of criminal proceedings that period.

Ключевые слова: Устав уголовного судопроизводства 1864, Кодекс уголовного расследования 1808, судебная реформа, *l'action publique*, *poursuite*, уголовное преследование, судебное преследование.

Keywords: Statute of criminal proceedings 1864, Code of criminal investigation 1808, judicial reform, *l'action publique*, *poursuite*, criminal prosecution, judicial prosecution.

20 ноября 1864 г. в результате проведения судебной реформы были приняты судебные уставы, состоявшие из четырех законов: Учреждение судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства (в дальнейшем сокращенно – УУС 1864 г.), Устав гражданского судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. С. В. Познышев так охарактеризовал итог плодотворной работы российского законодателя: «Судебные уставы представляют собою законодательный памятник, весьма замечательный по глубине и верности положенных в основу его начал, по систематичности изложения, по легкому, простому и вместе с тем изящному языку. В нашем законодательстве нет ни одной части, которая могла бы соперничать с ними в отношении

систематичности, простоты и ясности изложения»¹. Известный немецкий юрист К. Миттермайер, сравнивая проект Устава уголовного судопроизводства с законодательством Европы, писал, что «он стоит выше даже многих новейших законодательных работ»².

* Издается при финансовой поддержке проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014-2016 гг. в сфере научной деятельности (№ задания 29.1247.2014/К).

¹ Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М.: Изд-во Г. А. Лемана, 1913. С. 4.

² Шевчук В. Б. Реформирование судебной системы России во второй половине XIX – нач. XX в. (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербург. гуманит. ун-т, 2004. С. 75–76.

Вместе с тем законы столь высокого правового уровня не могли быть разработаны российскими правоведами исключительно на основе действовавшего в то время российского законодательства, существовавших правовых традиций и юридической практики. Как указывал И. Я. Фойницкий, «в нашем новом процессе есть много сходного с английским и особенно с французским»¹. В основу проекта российского УУС 1864 г. был положен французский *Code d'instruction criminelle 1808* (Кодекс уголовного расследования 1808 г., в дальнейшем сокращенно – Кодекс 1808 г.). Необходимо отметить, что Кодекс 1808 г. действовал ровно полтора столетия (до 1958 г.). Он стал моделью для законодательства многих стран Западной Европы (Италии, Германии, Испании, Португалии, Швейцарии, Нидерландов). В Бельгии и Люксембурге он был официально принят как действующий законодательный акт и остается в силе до сих пор².

Для Кодекса 1808 г. было «характерно разделение производства на предварительное следствие, негласное, находящееся под сильным влиянием прокурора, и судебное разбирательство, в котором в порядке гласного и устного состязания между прокурором и подсудимым с защитником проводилась проверка судом всех доказательств и выносился приговор»³. Вместе с тем, как указывал М. А. Чельцов-Бебутов, «составители Устава уголовного судопроизводства внесли в него ряд поправок, смягчивших резко розыскной характер предварительного расследования французского процесса»⁴.

Многие категории и институты, существовавшие в УУС 1864 г., стали заимствованием из Кодекса 1808 г. Однако, по мнению Г. А. Джаншиева, составители судебных уставов «не довольствовались переводом соответственных постановлений европейских кодек-

сов, а придумывали комбинации, которые могли бы обеспечить непреложное и неискаженное исполнение»⁵. В частности, в Кодексе 1808 г. использовалось понятие *l'action publique*, ставшее прототипом категории «уголовное преследование» в российском уголовном судопроизводстве.

Понятие *l'action publique* в Кодексе 1808 г. использовалось для обозначения начатого (возбужденного) уголовного преследования. По мнению Л. В. Головки, термин *l'action publique* точнее переводить как «публичный иск», что, впрочем, не слишком принципиально⁶. Это, действительно не принципиально, а использование в русском переводе термина *l'action publique* слова «уголовный», а не «публичный» можно объяснить тем, что в тот исторический период «публичный» в России имел значение «народный, общенародный, всенародный, вселюдный». Такое значение рассматриваемого термина содержится в Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля, первое издание которого пришлось именно на годы судебной реформы (1863–1866). В этом словаре приводятся примеры общепринятого употребления слова «публичный» в тот период: «публичные здания, больницы, театры и пр.»; «об этом говорят публично, гласно»⁷. Соответственно, понятие «публичное преследование», скорее всего, ассоциировалось бы с «народным преследованием», «гласным преследованием», а не «государственным». В этом смысле понятие «уголовное преследование» при переводе термина *l'action publique* семантически в большей степени отражало содержание процессуальной деятельности, осуществляемой от имени и в интересах государства.

Вместе с тем, понятие «**УГОЛОВНЫЙ ИСК**» в УУС 1864 г. также употреблялось, но только в двух случаях:

– в ст. 5, которая определяла порядок рассмотрения дел частно-публичного обвинения, заключающийся в том, что «право возбуждения уголовного иска принадлежит потерпевшему лицу, а дальнейшее судебное преследование – прокурору или его товарищу»;

¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 1. (Печатается по третьему изданию. СПб, 1910). СПб. : АЛЬФА, 1996. С. 44.

² Головки А. В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. М. : СПАРК, 1995. С. 7; Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник / отв. ред. А. Я. Сухарев. 3-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА, 2003. С. 92.

³ Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб. : Равена, Альфа, 1995. С. 780.

⁴ Там же. С. 780.

⁵ Джаншиев Г. А. Основы судебной реформы. М. : Статут, 2004. С. 8.

⁶ Головки А. В. Указ. соч. С. 7.

⁷ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3. М. : Рус. яз., 1989. С. 535.

– в ст. 593, которая закрепляла основание прекращения уголовного дела вследствие неявки в судебное разбирательство потерпевшего или его представителя по делу частного обвинения: «Неприбытие в суд частного обвинителя или его поверенного без законных на то причин признается отречением от уголовного иска и имеет последствием прекращение дела».

Таким образом, понятие «уголовный иск» использовалось в УУС 1864 г. исключительно в случаях, предусматривающих реализацию частного начала в уголовном судопроизводстве по делам частного и частно-публичного обвинения.

Необходимо отметить, что в Кодексе 1808 г. термин *l'action publique* преимущественно использовался в Вводных положениях. В остальных частях данное понятие не употреблялось, за исключением ст. 637 и 640, которые регулировали порядок исчисления сроков давности за совершенные преступления. В частности, ст. 637 Кодекса 1808 г. предусматривала, что «уголовное преследование (*l'action publique*) и гражданский иск (*l'action civile*) по преступлениям, наказуемым смертной казнью или пожизненным заключением... не могут быть возбуждены по истечении десяти лет с момента, когда преступление предположительно было совершено, если в этот период не производились подготовительные действия либо преследование». Статья 640 предусматривала, что «уголовное преследование и гражданский иск за правонарушение не могут иметь место по истечении одного года, начиная со дня его совершения». Необходимо отметить, что и в приведенных статьях, и в Вводных положениях понятие *l'action publique* (уголовный иск) использовалось в одних нормах с понятием *l'action civile* (гражданский иск), что позволяет сделать вывод о стремлении французского законодателя подчеркнуть схожую юридическую природу данных категорий, а также их тесную связь в структуре уголовного судопроизводства того времени.

Таким образом, прослеживается единая закономерность употребления понятий *l'action publique* (уголовный иск) и *l'action civile* (гражданский иск) в Кодексе 1808 г. и УУС 1864 г.: оба эти понятия использовались французским и российским законодателем в тех положениях, которые касались реализации частных начал в уголовном судопроизводстве, что, очевидно, позволяло на терминологическом уровне разграничивать полномочия по-

терпевшего, выражавшиеся в требовании, с одной стороны, о привлечении лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности (уголовный иск), а с другой – требовании о возмещении материального ущерба, причиненного данным лицом в результате совершения этого преступления (гражданский иск). Такой подход законодателя объяснялся, по утверждению А. Квачевского, неумением вплоть до судебной реформы «отличать частный интерес от общественного, гражданское дело от уголовного», что «усложняло путаницу, происходившую от неясностей узаконений об уголовном и гражданском иске и расплодило переписку: нередко производились уголовные следствия по делам, имевшим чисто гражданский характер, а истец заводил иск по основаниям уголовным, суды производили гражданским порядком и решали его прежде начатия уголовного производства и дела оканчивались уничтожением всего производства, как неправильного и незаконного»¹.

Наравне с понятием *l'action publique* в Кодексе 1808 г. употреблялось понятие *poursuite*, которое с французского языка дословно переводится как «преследование, погоня, судебное преследование»². Так, ст. 6 Кодекса 1808 г. предусматривала, что «судебное преследование (*poursuite*) возбуждается по требованию прокуратуры того места, где находится подследственный либо где он может быть задержан». Статья 61 устанавливала, что «кроме случаев обнаружения очевидного преступления, следственный судья не производит ни подготовительных действий, ни судебного преследования (*poursuite*), пока он не проинформирует об этом императорского прокурора, который может, более того, затребовать отчет обо всех предпринятых действиях в течение двадцати четырех часов». В целом понятие *poursuite* в Кодексе 1808 г. употреблялось в значении «преследование» в узком смысле, т. е. осуществление процессуальной деятельности в отношении конкретного лица, привлеченного к рассмотрению.

¹ Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство. В 3 т. Т. 1. СПб. : Тип. Ф. С. Сунцинского, 1866. С. 76.

² Французско-русский словарь активного типа / под ред. В. Г. Гака, Ж. Триомфа. 2-е изд., испр. М. : Рус. яз., 1998. С. 777.

Таким образом, в Кодексе 1808 г. для обозначения процессуальной деятельности органов государства использовались различные понятия *l'action publique* и *poursuite*: первое означало «уголовное преследование» в широком смысле (в значении «уголовный иск»), т. е. возможность применения средств государственного принуждения к лицам, совершившим преступление, посредством уголовного судопроизводства, а второе – «преследование» в узком смысле, т. е. процессуальную деятельность, осуществляемую в отношении конкретного лица.

Составители УУС 1864 г., очевидно, основывались на аналогичном подходе использования дифференцированного значения категории «уголовное преследование», с одной лишь оговоркой, что в УУС 1864 г. данное понятие употреблялось в трех разновидностях: «судебное преследование», «уголовное преследование» и «преследование».

Понятие «судебное преследование» наиболее часто применялось в положениях УУС 1864 г. Так, ст. 1 УУС гласила: «Никто не может подлежать судебному преследованию за преступление или проступок, не быв привлечен к ответственности в порядке, определенном правилами сего Устава». При этом, согласно примечанию к ст. 1 УУС 1864 г., «к судебному преследованию не относятся меры, принимаемые полицейскими и другими административными властями для предупреждения и пресечения преступлений и проступков в порядке, установленном законами». Поэтому, например, дознание, осуществляемое полицией в случаях, «когда ни судебного следователя, ни прокурора или его товарища нет на месте» (ст. 252 УУС 1864 г.), а также «когда признаки преступления или проступка сомнительны или когда о происшествии, имеющем такие признаки, полиция известится по слуху (народной молве) или вообще из источника не вполне достоверного» (ст. 253 УУС 1864 г.), нельзя рассматривать как судебное преследование. В то же время деятельность полиции в данных случаях носит процессуальный характер, так как направлена на установление признаков преступления и закрепления его следов.

В итоге к «судебному преследованию» следует относить деятельность прокуроров и их товарищей, судебных следователей, а также судебных органов. Указанные органы и должностные лица вместе с тем, исходя из их на-

значения в уголовном судопроизводстве, осуществляли процессуальную деятельность различной функциональной направленности:

- 1) предварительное следствие (исследование) (ст. 249 УУС 1864 г.);
- 2) предание суду и поддержание обвинения в суде (ст. 510–528; 595–749 УУС 1864 г.);
- 3) рассмотрение дела по существу (ст. 42–172; 543–834 УУС 1864 г.).

Поэтому необходимо заключить, что законодатель, объединив перечисленные направления процессуальной деятельности в рамках общей категории «судебное преследование», придал ей межфункциональное значение – как публичный механизм в лице специальных государственных органов и должностных лиц, направленный на раскрытие преступлений и признание в судебном порядке виновными лиц, которые их совершили.

Термин «уголовное преследование» в УУС 1864 г. использовался законодателем менее активно – только в трех нормах (ст. 529, 542 и 772 УУС 1864 г.). Указанные статьи регулировали порядок приостановления, прекращения или возобновления уголовного преследования. Так, ст. 529 УУС 1864 г. определяла, что «судебная палата приступает к рассмотрению обвинительных актов или представлений о прекращении или приостановлении уголовного преследования не иначе как по письменным предложениям состоящего при ней прокурора». Статья 542 УУС 1864 г. предусматривала основания возобновления производства по делу, в том числе «когда после прекращения дела за нерасмотрением гражданским или духовным судом вопросов, обуславливающих уголовное преследование, вопросы те будут разрешены в смысле, допускающем такое преследование». Наконец, «освобожденный от суда без указания его вины может просить, чтобы суд определил его виновность и то наказание, которому он подлежал бы, если бы в деле не оказалось законной причины к прекращению уголовного преследования» (ст. 772 УУС 1864 г.).

Наконец, использовавшийся в УУС 1864 г. термин «преследование», без определений «судебное» либо «уголовное», встречался только в синтаксических конструкциях, содержащих указание на преступления (проступки) как на объект процессуальной деятельности. В частности, термин «преследование» употреблялся в следующих положениях Устава:

– «Мировой судья приступает к разбирательству дел... по непосредственно усмотренным им **преступным действиям**, подлежащим **преследованию** независимо от жалоб частных лиц» (п. 3 ст. 42);

– «Полицейские и другие административные власти сообщают мировому судье о тех обнаруженных ими в круге их действия **преступках**, которые подлежат **преследованию** без жалоб частных лиц» (ст. 49);

– «Следствие, возбужденное жалобой частного обвинителя, представляется прокурору или его товарищу лишь для удостоверения в том, не заключает ли в себе дело **преступления**, подлежащего **преследованию** прокурорской властью» (ст. 479);

– «Если предметом следствия [стало] **преступное деяние**, подлежащее **преследованию** в частном порядке, то обязанности прокурора ограничиваются лишь передачей дела в надлежащее судебное установление» (ст. 511).

Необходимо отметить, что сочетание понятий «преследование» «преступления» противоречит правилам русского языка, так как преступление всегда является ретроспективным событием, имевшим место в прошлом, в то время как преследование может осуществляться только в отношении того, что существует в настоящем. Поэтому категория «преследование преступления», означающая в современной интерпретации **«раскрытие преступления»**, в статьях УУС 1864 г. являлась **катахрезой**.

Следует также обратить внимание на то, что законодатель не пошел по пути заимствования значения термина «преследовать» из розыскного типа процесса, в котором, как указывалось ранее, он использовался применительно к субъекту преступления («преследование обвиняемого»).

Учитывая вышеизложенное, представляется не совсем точным вывод Ю. В. Деряшева о том, что «в Уставе уголовного судопроизводства (УУС) Российской империи 1864 г. уголовно-процессуальная деятельность описывалась посредством трех, **не различаемых принципиально** (курсив наш. – Р. М.) терминов: «уголовное судопроизводство», «уголовное преследование» и «судебное преследование», которые в законе использовались субсидиарно»¹. Во-первых, термины «уголовное судопроизводство» и «судебное преследование» не являлись идентичными: судебное преследование не включало в себя деятельность полиции по осуществлению дознания (ст. 250–261 УУС 1864 г.), которое тем не менее относилось к сфере уголовного судопроизводства. А во-вторых, термин «уголовное преследование» являлся более узким по значению, чем термин «судебное преследование», и включал в себя только предъявление и поддержание обвинения в суде, что в целом соответствовало юридической технике французского Кодекса уголовного расследования 1808 г.

¹ Деряшев Ю. В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск : Омск. акад. МВД России, 2005. С. 20.

ПРОИЗВОДСТВО ДОПРОСА НА СУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 г.

THE PRODUCTION OF INTERROGATION IN THE COURT IN THE CHARTER OF CRIMINAL JUDICIAL PROCEEDINGS

Н. В. Осодоева

помощник судьи

Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ

В статье рассматриваются особенности и условия допроса в суде свидетелей, подсудимых, сведущих лиц по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС). Анализируются нормы УУС, регламентировавшие производство допроса допрашиваемых лиц, роль сторон и суда в исследовании доказательств. Исследуются положения УУС, освобождавшие свидетелей от дачи показаний, основания освобождения. Рассматриваются положения УУС, отражавшие производство допроса свидетелей под присягой.

In this article examine peculiarities and conditions of interrogation witnesses, defendants, versed persons in the court in the Charter of criminal judicial proceedings. The author analyzes norms of Charter of criminal judicial proceedings which regulated the production of interrogation persons in the court. The author studies the provisions of Charter of criminal judicial proceedings, which freed the witnesses from the obligation to give testimony and the grounds for it. In this article the author analyzes norms which regarding the testimony of witnesses under oath.

Ключевые слова: допрос, свидетель, подсудимый, сведущее лицо.

Keywords: interrogation, witness, defendant, versed person.

В УУС достаточно подробно были регламентированы правила судебного допроса. УУС предусматривал следующие правила судебного допроса. Так, в ст. 544, 545, 646–677 УУС были закреплены положения, согласно которым производство допроса в судебном заседании производилось как в общем порядке, так и с участием присяжных заседателей.

Как следует из содержания ст. 684, 695, 703 УУС, приоритет в постановке вопросов допрашиваемым принадлежал суду, а не сторонам, таким образом, основная тяжесть по установлению обстоятельств дела возлагалась на суд, а стороны не могли проявлять должной активности в доказывании.

Анализ положений УУС позволяет назвать следующие предусмотренные в нем доказательства: показания подсудимого (ст. 679–686), показания потерпевшего (ст. 700), показания сведущих людей (ст. 690–695), показания свидетелей (ст. 701–727).

В соответствии со ст. 680–683 УУС признание вины подсудимым не являлось подтверждением правильности обвинения. Так, согласно ст. 680 УУС «подсудимому, признающему свою вину, предлагаются дальнейшие вопросы, относящиеся к обстоятельствам преступления, в котором он обвиняется». В

соответствии со ст. 681 УУС, «если признание подсудимого не возбуждает никакого сомнения, то суд, не производя дальнейшего исследования, может перейти к заключительным прениям». Статья 682 УУС предусматривала, что «судьи, присяжные, прокурор и участвующие в деле лица могут потребовать, несмотря на сделанное подсудимым признание, судебного исследования, и в таком случае суд приступает к рассмотрению и проверке доказательств». Оценка положений ст. 683, 684 УУС позволяет прийти к выводу, что подсудимый в случае непризнания им вины мог быть допрошен по всем обстоятельствам дела в любой момент судебного следствия. УУС содержал еще одно важное положение, согласно которому «молчание подсудимого не должно быть принимаемо за признание им своей вины» (ст. 685 УУС).

Вместе с тем следует заметить, что УУС регламентировал последовательность исследования доказательств. Так, в соответствии со ст. 700 УУС «прежде всего допрашиваются лица, потерпевшие от преступления, затем – свидетели, указанные обвинителем, и, наконец, те, на которых сослался подсудимый».

Одним из доказательств УУС предусматривал допрос сведущих лиц. Так, судья имел

право для получения обстоятельных объяснений вызвать «в свое заседание лиц, проводивших освидетельствование или испытание» (ст. 690 УУС). В статье 691 УУС устанавливалось, что «сведущие лица, проводившие судебно-химические или микроскопические исследования по месту следствия, не вызываются в заседание суда для объяснения, а заменяются местными врачами, фармацевтами или иными сведущими людьми. То же правило распространялось и на должностных лиц кабинетов научно-судебной экспертизы, в случаях рассмотрения дела не в месте нахождения кабинета».

Существенным было указание на то, что эксперты сначала должны были дать подробное заключение, требуемое от них судом, а затем отвечали на отдельные вопросы. Статья 694 УУС определяла, что сведущие лица до начала допроса приводились к присяге.

Следует признать, что УУС наиболее полно регламентировал производство допроса свидетелей в судебном заседании, в отличие от всех остальных допрашиваемых лиц.

В судебном заседании свидетели допрашивались порознь. До начала судебного заседания свидетели удалялись из зала суда. Перед началом допроса судья устанавливал личность свидетеля, выяснял его отношение к другим участникам процесса. Получив от свидетеля ответы на предварительные вопросы, председатель спрашивал стороны, не имеется ли у них каких-либо возражений против допроса свидетеля.

Примечательным являлось положение ст. 704 УУС, согласно которому не допускались к даче свидетельских показаний:

- «1) безумные и сумасшедшие;
- 2) духовные лица – в отношении к признанию, сделанному им на исповеди;
- 3) присяжные поверенные и другие лица, исполнявшие обязанности защитников подсудимых, – в отношении к признанию, сделанному им доверителями во время производства о них дела».

Согласно ст. 705 УУС «муж или жена обвиняемого лица, родственники по прямой линии, восходящей или нисходящей, а также родные его братья и сестры могут устранить себя от свидетельства, если же не пожелают

воспользоваться сим правом, то допрашиваются без присяги».

Комментаторы УУС указывали, что «в видах ограждения ненарушимости семейственного союза, составляющего основу всякого общежития, не следует требовать свидетельства от лиц, состоящих с подсудимым в супружестве или родстве... Как бы ни была велика их решимость дать беспристрастные показания, но чувство любви, связывающее их с подсудимым, может против воли их подавить требование совести. Закон не дает никого ставить в положение, угрожающее явной опасностью клятвопреступления»¹.

По данному поводу А. Ф. Кони писал: «Закон щадит те чувства, которые даже при сознании свидетелем виновности подсудимого или наличности изобличающих его факторов, заставляли бы нередко сердце дающего показания обливаться слезами и кровью или искать облегчения своего тяжелого положения во лжи. В человеческом взгляде закона на таинственный голос крови или супружеской привязанности заключается даже как бы признание допустимости лжи, которая в известных случаях более близка к внутренней правде жизни, чем объективная и холодная истина»².

УУС содержал положение, согласно которому не допускалось совмещение процессуального статуса свидетеля с исполнением обязанностей прокурора, защитника подсудимого или поверенного, частного обвинителя или гражданского истца (ст. 709).

Перед началом допроса судья предупреждал свидетелей об уголовной ответственности за дачу ложных показаний. Свидетель должен был рассказать все известное ему по данному делу. Так, ст. 721 УУС определяла предмет допроса «...не только о том, что видел или слышал, но и о тех обстоятельствах, которые доказывают, что не мог показанного им не видеть, не слышать, или не мог видеть или слышать так, как о том свидетельствует». Не допускались ссылки на сведения, полученные от других лиц, если свидетель не мог

¹ Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1866. С. 250.

² Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // Собр. соч. В 8 т. Т. 4. М.: Юрид. лит., 1968. С. 52.

указать источник своей осведомленности (ст. 718 УУС).

Свидетели допрашивались под присягой. Свидетель православного вероисповедания приводился к присяге священником, который «внушал свидетелю святость присяги» (ст. 713 УУС). Свидетели неправославного вероисповедания приводились к присяге в соответствии с догматами и обрядами их веры духовным лицом их вероисповедания (ст. 714 УУС). Если же в месте заседания суда не было духовного лица того вероисповедания, к которому принадлежал свидетель, то он к присяге приводился председательствующим судьей (ст. 715 УУС).

И. Я. Фойницкий, оценивая негативно указанное положение закона, писал: «...имея перед собою данную присягу, успокаивается на этом и не заботится об индивидуальной проверке личности показывающего... даже для человека верующего тягостной, требуя от него часто призывание имени Божества по сравнительно маловажным обстоятельствам и порождая мысль, что без этого слово его само по себе не пользуется доверием»¹.

В. К. Случевский, напротив, считал, что «страх навлечь на себя лжеприсягой небесный гнев для человека верующего есть самый могущественный стимул правдивости, способный заставить его пренебречь всякими посторонними интересами. К этому присоединяется и страх гнева земного правосудия, так как лжеприсяга объявляется деянием наказуемым»². К. К. Арсеньев полагал, что присяга удерживает свидетеля от ложных, преувеличенных или неполных показаний³.

УУС содержал положения, согласно которым отдельные лица от присяги освобождались, а также и не допускались к свидетельству под присягой (ст. 706–708, 712), предоставлялись возможность передопросить лицо в присутствии другого свидетеля или проведение очной ставки (ст. 726).

Итак, УУС предусматривал достаточно хорошо разработанный комплекс уголовно-процессуальных норм, регулировавших процессуальный статус свидетеля, многие из них вошли в современный УПК РФ.

¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. В. 2 т. СПб., 1996. Т. 1. С. 282.

² Случевский В. К. Учебник русского уголовного судопроизводства. Судостроительство-Судопроизводство. СПб., 1910. С. 433.

³ Арсеньев К. К. Судебное следствие: сборник практических заметок. СПб., 1870. С. 230.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРИГОВОРА ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

JUDGMENT OF SENTENCE UNDER THE STATUTE OF CRIMINAL PROCEEDINGS

И. П. Попова

*старший преподаватель кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
Байкальского государственного университета экономики и права,
председатель Усть-Илимского городского суда
Иркутской области в почетной отставке*

Статья посвящена законодательной регламентации постановления приговора в Уставе уголовного судопроизводства. Анализируются нормы

Устава уголовного судопроизводства, определяющие виды приговоров и порядок их постановления.

The article is dedicated legislative regulation of sentencing in the Charter of the criminal proceedings. Analyzed rules Charter of the criminal proceedings, defines the types of sentences and the order of their decision.

Ключевые слова: Устав уголовного судопроизводства, судебная реформа, приговор.

Keywords: Statutes of criminal justice, judicial reform, the verdict.

Постановление приговора – конечная стадия процесса, к осуществлению которой обусловлено производство всей предшествующей деятельности участников судопроизводства.

Выше всякой формы суда я ставлю самое существо правосудия, требующего, чтобы суд был свободен и независим в своих решениях, чтобы эти решения, действительно, подобно скале гранитной, ограждали законные права общества и отдельных лиц, а не выбрасывались за борт и не переделывались, когда они кому-либо не нравятся.

И. Закревский

Давая оценку основным чертам следственного процесса, существовавшего до принятия 20 ноября 1864 г. Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС)¹, многие ученые-процессуалисты критиковали саму возможность существования наряду с обвинительным и оправдательным приговорами приговора о подозрении (*absolutioabinstantia*)². «Кто не может

быть по совести обвинен судом, должен быть оправдан»³, – считал С. В. Познышев. По до-реформенному законодательству оправдательный приговор мог быть постановлен в случае полного отсутствия улик. Если же для постановления обвинительного приговора собранных доказательств оказывалось недостаточно, то в отношении подсудимого выносился приговор об оставлении в подозрении. При установлении новых доказательств оставленный в подозрении мог быть снова привлечен к суду по тому же делу.

Между тем, согласно имеющимся статистическим сведениям, большинство уголовных дел в судах до судебной реформы 1864 г. разрешались вынесением приговора об оставлении в подозрении. Так, И. В. Гессен указывал, что по сведениям министерства юстиции «судебными местами постановлялось приговоров обвинительных только 12,5 %, остальные же 87,5 % приходились главным образом на приговоры об оставлении в подозрении»⁴.

В. К. Случевский, расценивая значение принципов уголовного процесса для судьбы как

¹ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 8. Судебная реформа / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1991. С. 120–251.

² См.: Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство-Судопроизводство. Изд. 4-е, доп. и испр. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1913. С. 44; Фойницкий П. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2-х т. Т. 2. Изд. 3-е, пересм. и доп. СПб.: Сенатская типография, 1910. С. 332; Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству. М.: Типо-Литография В. Рихтера, 1915. С. 65–66; Кони А. Ф. Введение. Цит. по: Устав уголовного судопроизводства. Системный комментарий. Вып. I / под общ. ред. М. Н. Гернета. Издание М. М. Зива. М.: Типография «Культура», 1914. С. 6.

³ Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. Изд. Г. А. Лемана. М.: Типо-лит. т./д. «Я. Данкин и Я. Хомутов», 1913. С. 52.

⁴ Гессен П. В. Судебная реформа. СПб.: Типо-литография Ф. Вайсберга и П. Гершукина, 1905. С. 7

«роль маяков, освещающих его путь»¹, к одному из таковых относил принцип необходимости разрешения предъявленного суду обвинения уголовным приговором. При этом указывал, что из этого принципа следует в первую очередь необходимость постановить приговор по делу, вне зависимости отказа прокурора от обвинения на суде; во-вторых: «суд должен разрешить в своем приговоре вопрос о виновности по существу, не оставляя подсудимого в подозрении... и наконец, постановленный судом приговор с соблюдением существенных обрядов и форм судопроизводства по вступлении его в законную силу признается приговором, вмещающим в себе истину и не допускающим нового рассмотрения (*non in idem*)»².

Исключение из уголовного процесса такого вида приговора, как приговор об оставлении в подозрении, был отнесен составителями Уставов к главнейшим основным положениям судебной реформы³.

Устав уголовного судопроизводства относительно ранее действующего законодательства изменил виды приговоров, порядок их проверки и вступления в законную силу, порядок и субъектов постановления.

С принятием УУС изменилось даже само понятие приговора. Так, Я. И. Баршев, комментируя дореформенное законодательство, указывал, что приговор – это «решение, данное уголовным судом на основании предварительного исследования и обсуждения какого-либо уголовного дела относительно всего дела или какой-либо его части или какой-либо стороны его, т. е. относительно главных или сторонних в нем пунктов»⁴. Тогда как в учебнике русского уголовного процесса, составленном после принятия УУС, В. К. Случевский, раскрывая понятие приговора, подчеркивал, что «приговоры представляют ту форму судебных актов, в которой выра-

жено решительное слово Суда по существу вопросов о виновности и наказании»⁵.

Более полным представляется понятие приговора, предложенное С. И. Викторским, который определял приговор как «такой акт судебной власти, коим по проверке в судебном разбирательстве всех имеющихся по делу доказательств разрешается вопрос о виновности или невиновности подсудимого и об его ответственности, т. е. наказании, или же – об одной виновности или одной ответственности»⁶.

Приговоры только о виновности (вердикты) постановлялись присяжными заседателями (ст. 810 УУС). Коронный суд с участием присяжных заседателей выносил приговоры только о наказании (ст. 819, 820, 826 УУС). Суды без присяжных заседателей или с участием словесных представителей и судьбы единолично постановляли приговоры, в которых разрешались вопросы как о виновности, так и об ответственности (ст. 121, 122, 771 УУС).

Анализ норм Устава позволяет выделить следующую классификацию приговоров⁶

1. По содержанию. Исходя из содержания приговора, Уставом уголовного судопроизводства (ст. 771 УУС) предусматривалось три вида приговора: *освобождающий от наказаний; обвинительный; оправдательный* ⁷. Оправдательный приговор мог быть постановлен, если деяние не доказано, не подлежит вменению по законным причинам или не запрещено законом под страхом наказания. Приговор об освобождении от суда постановлялся, когда преступное деяние покрывалось давностью, милостивым манифестом или другою законною причиною прекращения дела. Обвинительный приговор постановлялся, когда было доказано обвинение и не имелось оснований для освобождения от ответственности.

Между тем некоторые процессуалисты отнесли такой вид приговора, как освобож-

¹Случевский В. К. Указ. соч. С. 48.

²Там же. С. 71.

³См.: Набоков В. Работы по составлению Судебных Уставов. Общая характеристика Судебной реформы. Цит. по: Судебная реформа Том I/ под ред. Н. В. Давыдова, Н. Н. Полянского. М.: Объединение, 1915. С. 314; Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны: В 4-х ч. Часть вторая. СПб., 1866. С. 5–7

⁴Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к Российскому уголовному судопроизводству. СПб.: Типография II отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии. С. 191.

⁵Случевский В. К. Указ. соч. С. 313.

⁶Викторский С. И. Русский уголовный процесс. Изд. 2-е, испр. и доп. Издание А. А. Карцева. М.: Типография Императорского Московского университета, 1912. С. 375.

⁷О наличии именно трех видов приговоров согласно УУС высказывались ряд процессуалистов. Например, см.: Таубер А. Я. Уголовный приговор и частное определение, и их обжалование. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1913. С. 6–7; Неклюдов Н. Руководство для мировых судей. Устав уголовного судопроизводства. Том первый. Изд-е Русской книжной торговли. СПб.: Тип. В. Делакова, 1872. С. 523; Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М.: Склад издания в книжном складе В. Ключкина, 1910. С. 358.

дающий от наказания, к разновидности оправдательного приговора¹.

Следует отметить, что при вынесении оправдательного приговора и приговора об освобождении от наказания наступали разные правовые последствия. Так, освобожденный от суда мог просить, чтобы суд определил его виновность и то наказание, которому бы он подлежал, если бы не имелось законных оснований к прекращению уголовного преследования (ст. 772 УУС). Такого права не возникало при постановлении оправдательного приговора, однако, в отличие от освобожденного от суда, оправданный подсудимый имел право на возмещение вреда и убытков, причиненных ему незаконным уголовным преследованием (ст. 780, 783 УУС). Данную позицию разделял Н. Н. Розин². Также необходимо учесть, что освобождение подсудимого от ответственности всегда предполагает признание его виновным. Равно и запрет применить наказание в силу имеющихся на то законных оснований (давность, смерть и т. д.) могут быть только в отношении лица, признанного заслуженным наказанием, т. е. виновного³.

2. По способам обжалования все приговоры можно было подразделить на *окончательные* (могли быть обжалованы в кассационном порядке) и *неокончательные* (могли быть обжалованы в апелляционном порядке). К окончательным относились: 1) приговоры мировых судей (по которым наказание не превышало 15 руб. с одного лица или арест не свыше 3 дней, и вознаграждение за вред и убытки не превышало 30 руб. (ст. 124 УУС); 2) приговоры, постановленные в апелляционном порядке (ст. 172 УУС); 3) приговоры, постановленные в кассационном порядке; 4) приговоры, постановленные с участием присяжных заседателей (ст. 854 УУС); 5) приговоры с участием сословных представителей (ст. 1058 УУС); 6) приговоры, постановленные Верховным уголовным судом (ст. 1112 УУС – на данные

приговоры можно было только обращаться с просьбой о помиловании). Все иные приговоры относились к неокончательным.

3. По силе действия приговоры подразделялись на *вступившие в законную силу* и *не вступившие в законную силу*.

В зависимости от того, каким судом принималось решение, постановление приговора состояло либо из одной части (в производстве мирового судьи), либо из двух: 1) постановка вопросов о виновности, наказания и других условиях, которые влечет преступление; 2) постановка по указанным вопросам приговора (коллегиальный суд без участия присяжных заседателей).

Еще более сложный порядок существовал при рассмотрении дел с участием присяжных заседателей. Вопросы виновности и назначения наказания решались особыми органами – коллегией присяжных и коронным судом соответственно.

Так, вопросы о наказании и иных последствиях преступлений разрешались наряду с вопросом о виновности подсудимого по делам, не подлежащим рассмотрению судом присяжных. Тогда как по делам, подсудным суду присяжных, – после разрешения вопросов о виновности, заслушивания объяснений сторон по вопросам, которые присяжными не обсуждались (ст. 761 УУС). Часть вопросов обсуждалась после заключительного слова председательствующего.

Русский процессуалист М. В. Духовской, оценивая важность этапа постановки вопросов, подлежащих разрешению по окончании судебного следствия (ст. 750 УУС), считал его краеугольным камнем для существа самого приговора, что может привести к кассации приговора, поскольку «неясность, неправильная формулировка вопросов ведут за собою несомненно неправильное решение»⁴.

Основанием для формулирования вопросов служили выводы обвинительного акта с учетом того, что было установлено в судебном следствии и заключительных прениях. При этом усиление ответственности было невозможно и определяло новое предварительное следствие и предание суду.

Между тем суд не мог отказать в постановке вопросов, связанных с изменением объема обвинения, изменением тяжести совершенного

¹ См. : *Познышев С. В.* Элементарный учебник русского уголовного процесса. Изд. Г. А. Лемана. М. : Типо-лит. т./д. «Я. Данкин и Я. Хомутов», 1913. С. 303; *Фойницкий П. Я.* Курс уголовного судопроизводства: в 2-х т. Т. 2. Изд. 3-е, пересм. и доп. СПб. : Сенатская типография, 1910. С. 333.

² *Розин Н. Н.* Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. 2-е изд., изм. и доп. Изд-е Юридического книжного склада «Право», СПб., 1914. С. 395.

³ Устав уголовного судопроизводства. Системный комментарий. Вып. V / под общ. ред. М. Н. Гернета. Издание М. М. Зива. М. : Склад издания, 1916. С. 1292.

⁴ *Духовской М. В.* Из лекций по уголовному процессу. М. : Типография Общества распространения полезных книг, 1895. С. 171.

преступления или снижением (освобождением) от наказания, за исключением указанных в законе оснований (ст. 763 УУС).

Главный вопрос, который должны были разрешить присяжные заседатели, – вопрос виновности подсудимого в предъявленном обвинении. Обсуждали присяжные вопросы, свидетельствующие о наличии увеличивающих или уменьшающих виновность обстоятельств, степени реализации преступного умысла и степени участия каждого подсудимого в совершении преступления (ст. 755–758 УУС). Особо стоял перед присяжными вопрос в отношении несовершеннолетнего подсудимого в возрасте до 17 лет: «действовал ли он с полным разумением» (ст. 759 УУС).

Письменно изложив проект вопросов, суд оглашал его сторонам и выслушивал их предложения и замечания, а также, если были такие, предложения от присяжных заседателей. Расценивая какие-то замечания уважительными, суд окончательно формулировал вопросы и вручал список вопросов сторонам (ст. 762 УУС). Утвержденный и подписанный судом список вопросов передавался присяжным после заключительного слова председательствующего (ст. 764 УУС). «Речь председателя суда должна восстановить обстоятельства дела в их истинном виде. Соответственно этому назначению, она должна быть последним объяснением дела, должна напутствовать присяжных в разрешении предложенных им вопросов»¹, – указывал М. В. Духовской.

Получив вопросный лист, присяжные удалялись в особую комнату, охраняемую стражей, куда никто не был вправе входить, в том числе и суд (ст. 806 УУС). Присяжные были не вправе с кем-либо общаться, но если им требовалось что-либо спросить, то они возвращались в зал судебного заседания и делали это открыто (гласно).

После совещания путем открытого голосования по предложенным вопросам присяжные принимали *вердикт* (ст. 809 УУС). Старшина присяжных голосовал последним и подводил подсчет голосов, ответы принимались большинством, при равенстве голосов принималось решение, наиболее благоприятное для подсудимого (ст. 813 УУС). Требования к содержанию вердикта присяжных изложены в

ст. 810–815 УУС, согласно которым на каждый вопрос давался утвердительный или отрицательный ответ вместе со словом, раскрывающим сущность ответа.

Вердикт мог содержать позицию присяжных относительно того, заслуживал ли подсудимый снисхождения. Записывался вердикт старшиной присяжных, который и оглашал его в судебном заседании после того, как председательствующий ознакомился с текстом вердикта, и если в последнем не будет установлено противоречий. После провозглашения вердикта вновь передавался председательствующему, который также его подписывал (ст. 816 УУС).

Если противоречия обнаруживались, то присяжные вновь удалялись в совещательную комнату в порядке, предусмотренном ст. 808 УУС.

С изменениями Устава уголовного судопроизводства в 1886 г. при постановлении обвинительного приговора суд имел право не согласиться с вердиктом, если приходил к выводу об осуждении невиновного после провозглашения приговора. В таком случае суд определением передавал дело для рассмотрения новым составом присяжных, чье решение являлось уже окончательным (ст. 818 УУС). Такое исключительное решение в случае явной ошибки присяжных в оценке представленных против подсудимого улик суд принимал единогласно и не мотивировал, мог постановить единожды. Это было единственным основанием отмены судебного вердикта, причем не вышестоящей – кассационной инстанцией, поскольку авторами Устава предлагалось, что приговор, постановленный судом присяжных, не подлежал пересмотру не только по отзывам и по протестам, но и в порядке кассации.

При вынесении присяжными оправдательного приговора коронный суд должен был немедленно освободить состоящего под арестом подсудимого (ст. 819 УУС). Если был вынесен обвинительный вердикт – начиналась судебная процедура назначения наказания. Сначала заслушивалось заключение прокурора (частного обвинителя) относительно наказания и иных последствий виновности, признанной присяжными (ст. 820 УУС). Далее выступал гражданский истец с обоснованием законных оснований заявленных требований (ст. 821 УУС). С учетом положений ст. 822–824 УУС подсудимый и его защитник могли высказаться в опровержение заслушанных требований, заявить

¹ Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М.: Склад издания в книжном складе В. Клюкина, 1910. С. 341.

ходатайства о смягчении запрошенного наказания прокурором (частным обвинителем).

Сформулировав вопросы о назначении наказания и иных последствиях виновности, суд постановлял *приговор* (ст. 761, 825–828 УУС).

Аналогично, как и при вынесении вердикта присяжными, постановление приговора судом (суд без присяжных заседателей) производилось по заслушивании заключений сторон в совещательной комнате, в которую никто не имел права входить (ст. 765 УУС). Руководствуясь внутренним убеждением, основанным на основе обсуждения всех обстоятельств дела в совокупности, суд должен был установить вину или невиновность подсудимого (ст. 119, 766 УУС). При этом предусматривалась обязанность мотивировать свои выводы на основании норм закона¹.

После предварительного совещания по каждому вопросу происходило голосование начиная с младшего чина, последним голосовал председательствующий, который делал соответствующие отметки в вопросном листе. Устав определял и порядок подсчета голосов, если мнение судей расходилось (ст. 768–769 УУС). Свои выводы суд должен был мотивировать, при этом окончательная мотивировка требовалась в решении в окончательной форме, которое могло изготавливаться в течение двух недель (ст. 793, 797 УУС).

Непосредственно в судебном заседании суд ограничивался составлением резолюции. Постановление резолюции могло быть отложено судом до следующего дня в виде исключения по тем делам, которые требовали продолжительных совещаний (ст. 791 УУС).

В **резолюции** суда (*кратком приговоре*) указывались дата судебного заседания (год, месяц, число), состав суда, данные о личности каждого подсудимого, сущность приговора (ст. 788 УУС).

Эти же сведения отражались и в **приговоре**, который, кроме того, должен был излагать обвинение, содержащееся в обвинительном акте или в жалобе частного обвинителя и в заключительных прениях по итогам судебного следствия, доводы обвинения по представленным по делу доказательствам и уликам, применению норм закона, а также «подробное изло-

жение, согласно с разумом и словами закона сущности приговора» (ст. 797 УУС). Приговор в окончательной форме изготавливался в двухнедельный срок одним из членов суда по установленной форме от имени Императорского Величества (ст. 786, 796 УУС). Сущность приговора, изложенная в резолюции, подписанной составом суда (судьей) и оглашенной в судебном заседании, уже не могла подвергаться каким-либо изменениям. Все исправления в резолюции и приговоре должны были быть оговорены и были возможны лишь до их подписания².

Устав предусматривал возможность письменно выразить судье, оставшемуся при ином мнении при постановлении резолюции, особое мнение. Срок подачи письменных особых мнений устанавливался до подписания судебного приговора (ст. 787 УУС). Однако В. Волжин полагал, что нарушение срока подачи особого мнения по причинам, не зависящим от судьбы, не препятствовало приобщению особого мнения к делу. Он расценивал возможность подать особое мнение как «ограждение судьбы от нравственной и юридической ответственности за невольное участие в постановлении заведомо для него неправильной резолюции, которую он все-таки обязан подписать»³.

По подписании резолюции состав суда немедленно возвращался в зал судебного заседания, где председательствующий провозглашал сущность приговора (ст. 789 УУС). Вместе с провозглашением резолюции председатель назначал время и дату провозглашения приговора в окончательной форме (ст. 792 УУС). Приговор в окончательной форме отличался от резолюции подробным изложением мотивов назначения того или иного вида и размера наказания.

Еще большей простотой отличалось постановление приговора единолично (земским начальником, мировым судьей). По делам, которые могли быть окончены примирением сторон, на судьбу возлагалась обязанность

¹ Щегловитов С. Г. Судебные уставы Императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями. Устав уголовного судопроизводства. 3-е изд., испр., доп. и перераб. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1887. С. 154.

² Шрамченко М., Широков В. Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и Циркулярами Министра Юстиции / под ред. М. Шрамченко, В. Широкова. СПб. : Издание юридического книжного магазина Н. . Мартынова. Центральная типо-литография М. Я. Минкова, 1899. С. 163.

³ Волжин В. Цит. по: Тимановский А. Сборник толкований русских юристов к судебным уставам императора Александра Второго за 25 лет (1866–1891). Учреждение судебных установлений и Устав уголовного судопроизводства. 2-е изд.-е. СПб., 1892. С. 553.

склонять стороны к миру. Если только примирение не было достигнуто, тогда постановлялся приговор (ст. 120 УУС).

Вопросы судьей, рассматривающим дело единолично, не формулировались. Приговор, содержащий решение о виновности в предъявленном проступке и последствиях вины, должен был быть тотчас же написан и провозглашен публично (ст. 127 УУС). До оглашения резолюции судья был не вправе приступать к рассмотрению иных дел¹.

Составители Уставов обоснованно полагают, что это способствует реализации принципа гласности судебного разбирательства, при котором провозглашение приговора всегда публично (даже при закрытых судебных разбирательствах), а изготовление приговора немедленно исключит возможность какого-либо постороннего влияния на мнение судьи.

При признании подсудимого невиновным мировой судья освобождал его, возлагая в необходимых случаях судебные издержки на обвинителя, рассматривая вопросы возмещения убытков, причиненных подсудимому (ст. 121 УУС).

Признавая подсудимого виновным, мировой судья приговаривал подсудимого к наказанию и взысканию судебных издержек, вознаграждения за причиненные вред и убытки, если об этом просили обвинитель и гражданский истец (ст. 122 УУС).

Обычно мировой судья сразу изготавливал решение в окончательной форме, но мог и отложить на срок не более трех дней (ст. 129–130 УУС).

Устав содержал требования, которые предъявлялись к приговору: приговор должен быть постановлен компетентным органом; должен соответствовать внешним признакам, установленным в законе; приговор должен быть справедливым (ст. 174, 912 УУС).

В приговоре также должны были быть разрешены следующие вопросы: 1) о вещах, добытых преступлением (ст. 777 УУС); 2) о вознаграждении за вред и убытки (ст. 785 УУС); 3) о возмещении судебных издержек (ст. 776 УУС).

Уставом была предусмотрена возможность постановления заочного приговора, изначально только при производстве у мировых судей

(ст. 133–141 УУС). С 15 февраля 1888 г. возможность постановления заочного приговора была предусмотрена и в окружных судах при рассмотрении уголовных дел, где в качестве наказания не предусматривалось лишение или ограничение прав (ст. 834.1-9 УУС). Рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого носило исключительный характер. Такой вид приговора было возможно постановить при рассмотрении уголовных дел по обвинению в совершении деяний, за которые было предусмотрено наказание не свыше ареста. Необходимым условием рассмотрения дела в заочном порядке была неявка подсудимого, своевременно и надлежаще извещенного о явке в суд, по неуважительной причине. При этом у подсудимого имелось право заявить о новом судебном разбирательстве в течение двух недель с момента получения копии заочного приговора (ст. 139 УУС). Ряд процессуалистов возмущались постановлением заочного приговора расценивали как проявление нарушения принципа состязательности сторон².

Принятие Устава исключило необходимость утверждения решений. Каждый приговор признавался сам по себе правильным, не подлежащим утверждению высшей инстанцией. Пересмотр судебных решений стал возможным в результате предоставленной Уставом возможности обжалования. Устав подчеркивал невозможность поворота к худшему по вступившему в законную силу обвинительному приговору, исключалась и возможность повторно быть подвергнутым следствию и суду оправданному (ст. 21, 22 УУС). Приговор приобретал значение «непоколебимого памятника человеческого правосудия, которому должны все подчиняться, и подсудимый не вправе уже более доказывать свою невиновность, и общество не вправе уже более винить его»³.

Подводя итог, следует отметить, что УУС предусматривал хорошо разработанный порядок постановления приговора различными составами суда. Многие положения УУС, регламентирующие порядок принятия итогового документа уголовного дела, вошли в современное уголовно-процессуальное право России.

¹Устав уголовного судопроизводства. Системный комментарий. Вып. II / под общ. ред. М. Н. Гернета. Издание М. М. Зива. М. : Т-во типография А. И. Мамонтова, 1914. С. 351.

²Духовской М. В. Из лекций по уголовному процессу. М. : Типография Общества распространения полезных книг, 1895. С. 16–17, 192.

³Там же. С. 187.

РАЗУМНОСТЬ КАК ОСНОВНОЕ НАЧАЛО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ*

RATIONALITY AS THE MAIN BEGINNING OF CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS UNDER THE CHARTER OF CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS: HISTORICAL CONTINUITY

И. Г. Смирнова

д-р юрид. наук, доцент

Байкальский государственный университет экономики и права

В статье содержится анализ основных положений Устава уголовного судопроизводства и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В частности, анализируется ст. 12 Устава, закрепляющая понятие общего разума. Используется исторический, сравнительно-правовой методы исследования, констатируется наличие позитивной исторической преемственности и делается вывод о необходимости в действующем УПК РФ закрепить разумность не только в качестве требования к процессуальным срокам, а как общее начало уголовного судопроизводства, основанное на принципе пропорциональности и обеспечивающее защиту прав и свобод личности в сфере уголовного преследования.

Article contains the analysis of basic provisions of the Charter of criminal legal proceedings and the Code of criminal procedure of the Russian Federation. In particular, Art. 12 of the Charter consolidating concept of «the general reason» is analyzed. I use historical, comparative and legal methods of research, the author states existence of positive historical continuity and the conclusion about need for the existing Criminal Procedure Code of the Russian Federation to fix a rationality not only as the requirement to procedural terms is drawn and as the general beginning of criminal legal proceedings based on the principle of proportionality and providing protection of the rights and personal freedoms in the sphere of criminal prosecution.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, общее начало, разумность, Устав уголовного судопроизводства.

Keywords: criminal legal proceedings, general beginning, rationality, Charter of criminal legal proceedings.

Помимо прочих событий политического, культурного, исторического характера, 2014 г. ознаменован 150-летним юбилеем с момента принятия первого кодифицированного источника уголовно-процессуального права – Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС).

Многие основополагающие начала, предусмотренные ранее в УУС, получили свое логическое продолжение и в УПК РФ. Столь длительный срок существования национальной уголовно-процессуальной модели обуславливает необходимость оценки современ-

ного уголовного судопроизводства, его фундаментальных, основополагающих начал. В частности, речь идет о разумности уголовного судопроизводства, что обусловлено следующими взаимосвязанными обстоятельствами.

Так, одним из наиболее актуальных направлений современных научных исследований уголовно-процессуальной деятельности и уголовно-процессуального законодательства является изучение исследователями вопросов комплексного характера: назначения, целеполагания, аксиологической сущности уголовного судопроизводства, соответствия целей и средств процессуальной деятельности и, следовательно, возможных и наиболее приемлемых, необходимых в нашем обществе уголовно-процессуальных стратегий с учетом исторических, социальных, культурных и иных предпосылок.

Затянувшееся состояние постоянного изменения отраслевого законодательства, стрем-

* Работа выполнена при финансовой поддержке государственного задания № 29.1247.2014/К на выполнение научно-исследовательских работ в сфере научной деятельности в рамках проектной части. Проект № 1247 «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ».

ление привести в российское уголовное судопроизводство правовые институты и механизмы, присущие иностранным правовым системам, необходимость приведения действующего уголовно-процессуального законодательства в соответствие с международными стандартами отправления правосудия по уголовным делам – вот те немногие тенденции, которые детерминируют появление в отечественной науке новых понятий. К числу последних в полной мере можно отнести понятие разумности уголовного судопроизводства.

Однако, несмотря на то что сам термин «разумный» (применительно к процессуальному сроку) появился впервые только в УПК РФ (ст. 6.1 УПК РФ), справедливости ради следует отметить, что разумные начала уголовного судопроизводства были известны и дореволюционному законодательству.

Так, п. 12 Устава уголовного судопроизводства закреплял: «Все судебные установления обязаны решать дела по *точному разуму* существующих законов, а в случае неполноты, неясности или противоречия законов, коими судимое деяние воспрещается под страхом наказания, должны основывать решение на *общем смысле* законов».

Давая оценку позиции дореволюционного законодателя, необходимо разобраться с этимологическим содержанием основных использованных в статье понятий.

Итак, *точный* – показывающий, передающий что-нибудь в полном соответствии с действительностью, с образцом, совершенно верный; полностью соответствующий заданному, должному; действующий так, как должно [10, с. 806].

Разум – высшая, существенная для человека способность мыслить всеобщее; способность отвлечения и обобщения [9, с. 1147; 17, с. 204–205].

Общий – свойственный всем, касающийся всех; взаимный, совпадающий, содержащий только самое существенное, без подробностей [10, с. 440–441].

Смысл – идеальное содержание, идея, сущность, предназначение, конечная цель [11, с. 1230].

Иными словами, законодатель обязывает правоприменителя осуществлять свою деятельность в точном соответствии с требованиями закона. Сам Устав уголовного судопроизводства содержит соответствующую конструкцию: «Никто не может подлежать судебному преследованию за преступление или про-

ступок, не быв привлечен к ответственности **в порядке, определенном правилами сего Устава**» (п. 1 Общих положений Устава), с признанием субъекта оценки доказательств обобщать результаты познания и мыслить творчески, не шаблонно. Это крайне важно, поскольку Устав предоставил возможность субъекту доказывания – суду – фактически реализовать свободу оценки доказательств.

По этому поводу А. Ф. Кони писал, что Устав уголовного судопроизводства возвестил решительную отмену старого уголовного суда, являвшегося выразителем связанности внутреннего убеждения [8, с. 48]. Бесспорно, свобода судьи в оценке доказательств есть непререкаемый атрибут точного разума существующего закона.

Не остались без внимания законодателя ситуации возможной неполноты, неясности, противоречивости закона. Опять-таки в силу дозволенного судьей усмотрения Устав уголовного судопроизводства предписывает в таких обстоятельствах в принятии решений опираться на общий смысл закона, т. е. его целевую установку.

Конечно, Устав уголовного судопроизводства не закреплял ни целей, ни задач, ни назначения уголовного судопроизводства. Вместе с тем анализ Общих положений Устава уголовного судопроизводства дает основания утверждать, что главная общая идея, общий смысл всего уголовного судопроизводства – обеспечение соблюдения прав личности, поиск баланса между защитой частных интересов и обеспечением общего блага.

Например, следует признать значимыми для защиты неприкосновенности личности положения о возможности «задержания под стражей иначе как в случаях, законом определенных» (п. 8 УУС), обязанность судьи или прокурора, удостоверившегося, что в пределах его участка или округа кто-либо находится под стражей без постановления уполномоченных на то мест и лиц, незамедлительно освободить неправильно лишенного свободы (п. 9 УУС).

Также без внимания дореволюционного законодателя не остались вопросы чести, достоинства и доброго имени лица: восстановление чести и прав невинно осужденного допускается во всякое время, несмотря ни на протечение давности, ни на смерть осужденного (п. 26. УУС).

Эти и многие другие положения, нашедшие закрепление в Уставе уголовного судопро-

производства, демонстрируют высокий уровень развития научной мысли, а равно – качество юридической техники.

Более 15 лет назад В. Г. Даев сетовал, что в отличие от современного бессистемного законотворчества проведению судебной реформы 1864 г. в России предшествовала обстоятельная работа в течение 8 лет, что обеспечило согласованность не только направлений реформы, но и содержания отдельных принимаемых законодательных актов [5, с. 3–4].

Давая оценку современному состоянию уголовно-процессуального регулирования и правоприменительной практики, можно отметить основные особенности, которые на данный момент показательно характеризуют развитие уголовно-процессуального законодательства:

1. Отсутствие оптимального сочетания защиты законных интересов личности, общества и государства (в свете определения социальной ценности уголовного судопроизводства как идеи баланса законных интересов, и в первую очередь интересов общества, эта тенденция вызывает наибольшие опасения).

2. Недостаточная урегулированность процессуальных процедур.

3. Разрешение уголовно-процессуальных вопросов в законодательных актах, что противоречит ст. 1 УПК РФ.

4. Сохранение в законе норм, отсылающих правоприменителя к несуществующим законам.

5. Передача функций законодателя органам, которые таковыми не являются.

6. Возврат к жесткой репрессивной форме уголовного судопроизводства.

7. Игнорирование законодателем правовых позиций Конституционного Суда РФ.

8. Повсеместные грубейшие нарушения уголовно-процессуальных норм (кроме того, систематическое нарушение процессуальных норм и игнорирование методических рекомендаций, направляющих следственную и оперативно-разыскную работу и порядок осуществления надзора и контроля за этой работой, проходит для нарушителей без отрицательных последствий) [12, с. 349].

9. Формальная состязательность.

10. Чрезмерное расширение института иммунитетов.

11. Создание подразделений расследования, неподконтрольных ни институтам формирующегося гражданского общества, ни прокурору [3, с. 51–54].

Аналогичным образом отмечается отсутствие точности, детальности уголовно-процессуального регулирования, несоответствие норм УПК РФ положениям иных отраслей права [6, с. 80], изобретение новых государственных структур, непрофессионализм их сотрудников [1, с. 14–25].

Таким образом, явно прослеживающиеся негативные тенденции в развитии уголовного судопроизводства могут быть сведены к следующим системообразующим группам.

Во-первых, законотворчество, к сожалению, не отличается высоким юридико-техническим уровнем, характеризуется поверхностностью, отсутствием понимания общего предназначения уголовного судопроизводства, его осознания как регулирующего элемента такой мегасистемы, как общество.

Во-вторых, это тенденция, характеризующая, с одной стороны, особенности собственно правоприменения, а, с другой стороны, причин, эти особенности порождающих. Так, к первым с уверенностью могут быть отнесены буквальное толкование (в литературе совершенно обоснованно обращается внимание также и на то, что правоприменители стремятся к такому толкованию, при котором не разрушаются устоявшиеся представления об уголовно-процессуальной деятельности, т. е. обеспечивается устойчивость уголовно-процессуальных обычаев) [13, с. 86–87], пренебрежительное отношение к правовым позициям Конституционного Суда РФ и пр. В другую группу следует включить особенности ментальных установок правоприменителей, ригидность мышления, правовой нигилизм общества.

Таким образом, с особо чувствительной остротой встает вопрос о критериях, которыми должен руководствоваться законодатель при осуществлении правотворческой деятельности в сфере уголовного судопроизводства, а также об условиях таковой. И здесь вполне уместно и своевременно обращение законодателя к категории разумности.

Разумность как принцип права нашла свое закрепление в цивилистике. Так, ст. 99 ГК РФ регулирует назначение процессуальных сроков с учетом принципа разумности, а в ст. 100 ГК РФ упоминаются разумные пределы оплаты услуг представителя. Вместе с тем, несмотря на универсальный характер разумности как критерия принятия решения независимо от предмета вопроса (ученые справедливо

отмечают, что, в отличие от понимания разумности в обычном смысле как интеллектуальной деятельности человека, разумность как юридическое понятие характеризует объективную сторону его действий [7], представители различных наук по-разному раскрывают его сущность. Например, философ В. Деком утверждает, что разумность – это установка на свободное применение рассуждения в дискуссиях. По мнению экономиста М. Гийома, разумность не имеет глобального смысла, но при крушении «великих порядков» помогает уменьшить нестабильность. Согласно меткому замечанию представителя литературной профессии Ц. Тодорова, разумность не является свойством реальности, но есть установка человеческого духа, это скорее горизонт, чем территория [16, с. 37]. Очевидно одно: разумность основывается на законах логики и обуславливает необходимость учета конкретных правовых условий деятельности. Соответственно, разумность как критерий должна обладать всеми признаками права, логической непротиворечивостью, а также адекватностью [4, с. 18, 23]. В настоящее время данный критерий зачастую не соблюдается не только в сфере уголовно-процессуальной политики, но и в уголовной политике в целом. Например, логично ожидать усиление мер уголовной репрессии в зависимости от размеров причиненного вреда. Однако, как отмечает И. А. Тихон, в главе «Преступления против собственности» УК РФ коэффициент увеличения размера наказания в виде лишения свободы растет в зависимости от причиненного ущерба, наоборот, в преступлениях в сфере экономической деятельности при общем росте самого наказания коэффициент изменяется в сторону уменьшения [14, с. 13]. По подсчетам М. Бабаева и Ю. Пудовочкина, степень насыщенности санкций статей того или иного раздела УК РФ таким строгим наказанием, как лишение свободы, не зависит от удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений в них (например, преступления против государственной власти обнаруживает самый меньший удельный вес таких (25,8 %), но самый высокий удельный вес пожизненного лишения свободы (3,1 %) [2, с. 111].

В этой связи особый интерес представляет Федеральный закон «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта

в разумный срок»¹. Согласно указанному закону разумности придан статус критерия соответствия сроков производства и последующего исполнения итогового процессуального решения. С одной стороны, указанные нововведения следует оценить как позитивные тенденции в изменении процессуального законодательства. С другой стороны, следует констатировать некоторую недостаточность таковых. И здесь нельзя не вспомнить действующий в ряде европейских государств принцип пропорциональности, включающий в себя три основных элемента – адекватность, необходимость и пропорциональность *strictosensu* (соответствующая степень контроля).

По мнению немецкого ученого Р. Арнольда, принцип пропорциональности обладает первостепенным значением и характеризуется четырьмя основными признаками:

1) вмешательство публичной власти должно преследовать законную цель, связанную с **общим** интересом;

2) такое вмешательство должно способствовать достижению поставленной цели;

3) вмешательство должно быть необходимым для достижения цели (идея так называемого минимального вмешательства: публичное вмешательство должно быть в наименее жесткой, суровой форме, достаточной для получения требуемого результата);

4) необходимо обеспечивать баланс между серьезностью вмешательства и важностью цели [15, с. 47–48].

Анализ современного процессуального закона позволяет утверждать, что обозначенные критерии более чем актуальны и для российского уголовного процесса. Законность цели в УПК РФ обеспечивается, например, тем, что только суд вправе давать согласие на ограничение конституционных прав граждан при производстве по уголовным делам. Необходимость обоснования любого решения, которое принимается при производстве по уголовному делу, возведена в ранг принципа: п. 4 ст. 7 УПК РФ закрепляет, что определения суда, постановления судьбы, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и **мотивированными**.

¹ О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : федер. закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.

Минимальность вмешательства (в уголовном процессе, думается, речь идет об ограничении конституционных прав и свобод личности), в частности, проявляется в том, что задержание допускается только по делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы (ч. 1 ст. 91 УПК РФ); продление предельно допустимого срока содержания под стражей по общему правилу не допускается (ч. 3 ст. 109 УПК РФ); принудительный привод не допускается в отношении беременных женщин, лиц, не достигших 14 лет, больных (ч. 6 ст. 113 УПК РФ); при решении вопроса об избрании меры пресечения необходимо всякий раз учитывать тяжесть преступления, личность подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства (ст. 99 УПК РФ).

Не чем иным, как стремлением обеспечить баланс между серьезностью вмешательства и важностью цели можно объяснить обязанность суда прекратить производство по делам частного обвинения в случае фактического примирения сторон (ч. 5 ст. 319 УПК РФ). Ряд таких примеров, демонстрирующих принцип пропорциональности в действии в сфере уголовного преследования, можно было бы продолжать и далее. Но уже сейчас можно сказать, что речь идет о проявлении разумности в праве. Правда, ее действие в таком аспекте распространяется на применение принуждения, вмешательство в частную жизнь личности, ограничение ее прав, свобод и законных интересов. Однако, думается, разумность должна пронизывать уголовное судопроизводство в целом, касаясь всех процессуальных действий и решений, не только принуждения, но и поощрения, а также превенции и реабилитации. **Иными словами, разумность должна являться общим началом уголовного судопроизводства,** поддерживаемым принципом пропорциональности, обеспечивающим защиту прав и свобод личности в сфере уголовного преследования и гарантирующим достижение истины по делу.

Список литературы

1. Александров А. С. Забыть Фойницкого? // Стратегии уголовного судопроизводства : сб. материалов науч. конф. к 160-летию годовщины со дня рождения И. Я. Фойницкого. М. : РАП, 2008.
2. Бабаев М., Пудовочкин Ю. Концентрация репрессии как принцип уголовной политики // Уголовное право. 2010. № 4.
3. Вандышев В. В. Некоторые тенденции законодательного творчества в сфере уголовного судопроизводства и стратегия его развития // Стратегии уголовного судопроизводства : сб. материалов науч. конф. к 160-летию годовщины со дня рождения И. Я. Фойницкого. М. : РАП, 2008.
4. Виниченко Ю. В. Категория разумности в гражданском праве России. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2007.
5. Дав В. Г. Судебно-правовая реформа и законность // Эффективность уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм в борьбе с преступностью: межвуз. сб. науч. тр. / Калинингр. ун-т. Калининград, 1993.
6. Загорский Г. И. Нормы УПК РФ нуждаются в совершенствовании // Стратегии уголовного судопроизводства : сб. материалов науч. конф. к 160-летию годовщины со дня рождения И. Я. Фойницкого. М. : РАП, 2008.
7. Иванова С. А. Некоторые проблемы реализации принципа социальной справедливости, разумности и добросовестности в обязательном праве // URL: <http://www.lawmix.ru/comm.php?id=1236>
8. Кони А. Ф. История развития уголовно-процессуального законодательства в России / А. Ф. Кони // Избранные труды и речи / сост. И. В. Потапчук. Тула. : Автограф, 2000.
9. Малый энциклопедический словарь. Т. II / Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. СПб. : Изд-во Брокгауза-Эфрона, 1909.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 1999.
11. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М. : Советская энциклопедия, 1988.
12. Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации : криминолог. и уголовно-правовой справочник / под общ. ред. А. Я. Сухарева, С. И. Гирько. М. : Экзамен, 2007.
13. Сурихин П. А. Уголовный процесс: гипотеза о шести реальностях // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сб. материалов науч.-практ. конф. с междунар. участием. Красноярск : Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2008. Ч. 2.
14. Тихон И. А. Уголовно-правовая оценка последствий преступлений в сфере экономики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006.
15. Толстых В. А. Конституционное правосудие и принцип пропорциональности // Российское правосудие. 2009. № 12.
16. Черкашин В. А. Принцип разумности юридического процесса (объективные признаки) // Российское правосудие. 2010. № 1 (45).
17. Энциклопедический словарь. Т. XXVI / Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. СПб. : Изд-во Брокгауза-Эфрона, 1899.

УСТАВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА – ВЕЛИКИЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ

THE CHARTER OF CRIMINAL PROCEEDINGS OF 1864 – THE GREAT MONUMENT OF THE EPOCH

И. В. Смолькова

*д-р юрид. наук
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры уголовно-процессуального права Восточно-Сибирского филиала
Российского государственного университета правосудия,
заведующая кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора
Байкальского государственного университета экономики и права*

В статье анализируются истоки судебной реформы 1864 г., дана характеристика подготовительной работы над судебными уставами, исследуются основные идеи, составившие концепцию судебной реформы и Устава уголовного судопроизводства, проанализированы главные положения, составившие его основу, дана характеристика его ключевых идей: отделение судебной власти от законодательной, исполнительной и административной, независимость суда, состязательность процесса.

The article analyzes the origins of the judicial reform of 1864, the characteristic of the preparatory work on the judicial charters, examines the major ideas that formed the concept of judicial reform and the Charter of criminal justice, analyzed main provisions, its underlying characteristics of his key ideas: separation of the judiciary from the legislative, executive and editing.

Ключевые слова: судебная реформа, судоустройство, судопроизводство, Устав уголовного судопроизводства, состязательность, суд присяжных.

Keywords: judicial reform, judicial system, judiciary, The charter of criminal proceedings, competition, trial jury.

Устав уголовного судопроизводства представляет собой законодательный памятник, составляющий гордость русского законодательства.

Помянем добром тех честных и добросовестных тружеников, которые ревностно потрудились над созданием этого великого законодательного акта.

Г. А. Джанишев

Истоки судебной реформы XIX в. следует искать в начале его 40-х гг. В 1832 г. М. М. Сперанский закончил работу по систематизации всего старого и действующего русского законодательства. Результатом этой работы стало издание Полного собрания законов и Свода законов Российской империи. Вслед за этим возникла идея улучшения уголовного судопроизводства, но она была оставлена вследствие того, что прежде необходимо было пересмотреть действовавшие в то время уголовные законы, которые были «чересчур жес-

токими даже в то жестокое время»¹. В законодательстве в то время царил хаос. Свод законов, действовавший с 1835 г., по существу представлял собою свод правил инквизиционного процесса: вмешательство администрации в судопроизводство; сосредоточение в руках суда функции обвинения и разрешения дела; обвиняемый как бесправный объект преследования и наказания; существование теории формальных доказательств, различавшей совершенные и несовершенные доказательства. Признание подсудимым своей вины оценивалось как «лучшее доказательство всего света» и принималось как совершенное доказательство. В судах царствовала волокита, дела рассматривались по 10–15 лет. Судебная реформа, как отмечал А. Ф. Кони, «призвана была нанести удар худшему из произволов, произволу су-

¹ *Джанишев Г. А. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда). Историко-юридические этюды. М. : Тип. М. П. Щенкина, 1891. С. 25.*

дебному, прикрывающемуся маской формальной справедливости»¹.

Началу судебной реформы послужила отмена крепостного права. С. И. Зарудный в этой связи отмечал, что если бы в 1861 г. не было бы крестьянской реформы, «то ни в каком случае не была бы проведена судебная реформа в 1864 г.»².

23 октября 1861 г. состоялось Высочайшее повеление о составлении Государственной канцелярией Основных положений о преобразовании судебной части в России (далее – Основные положения). С этой целью была образована специальная комиссия, в которой участвовали: государственный секретарь В. П. Бутков, обер-прокурор общего собрания московских департаментов Н. А. Буцковский, экспедитор Государственной канцелярии А. П. Вилинбахов, помощники статс-секретаря П. Н. Даневский и Д. П. Шубин-Поздеев, исполнявшие должности статс-секретарей департамента законов С. И. Зарудный и Н. И. Стояновский, московский губернский прокурор Д. А. Ровинский, член-редактор А. М. Плавский, обер-секретарь К. П. Победоносцев.

Комиссия составила Основные положения, в которых содержались принципы будущего судоустройства и судопроизводства. В качестве таковых провозглашались: 1) отделение судебной власти от законодательной, исполнительной и административной; 2) принцип гласности; 3) несменяемость судей; 4) устройство самостоятельной мировой юстиции для маловажных дел; 5) устройство прокурорского надзора; 6) введение присяжных поверенных и их советов; 7) учреждение присяжных заседателей; 8) учреждение кассационного суда. Затем Основные положения были рассмотрены Государственным советом и 29 сентября 1862 г. были опубликованы для обсуждения. На основании Основных положений и поступивших на них замечаний Государственный совет приступил к работе по подготовке проектов отдельных частей судебного законодательства.

Для составления судебных уставов была образована комиссия при Государственной канцелярии, к работе в которой были привле-

чены лучшие юридические силы, начиная от сенаторов и профессоров и заканчивая присяжными стряпчими и следственными приставами. Официальным председателем комиссии был назначен В. П. Бутков, но в реальности всей работой руководил С. И. Зарудный, который и был душой судебной реформы. Как отмечал Г. А. Джаншиев, «привлечение к делу «юристов» как таковых, т. е. представителей права, а не просто чиновников «законоведов», свидетельствовало о том, что в официальных сферах «новое начало», юридическая наука, «право» сделало серьезное завоевание на счет и в ущерб традиционной табели о рангах»³.

Комиссия состояла из трех секций: гражданской (под руководством С. И. Зарудного), уголовной (под руководством Н. А. Буцковского) и судопроизводства (под руководством А. М. Плавского). Отделение судопроизводства состояло из председателя А. М. Плавского и членов: Е. Е. Врангеля, П. В. Даневского, Я. Г. Есиповича, Д. А. Ровинского и Н. Г. Принтца. Как отмечали современники, «работа кипела с неслыханной быстротою и образцовой обстоятельностью»⁴. В течение 11 месяцев были составлены проекты Учреждения Судебных установлений и Уставов гражданского и уголовного судопроизводства. Все проекты сопровождались подробными объяснительными записками объемом около 2000 страниц каждая. Авторы проектов понимали, что необходимо торопиться, поскольку «они знали, как быстротечны у нас либеральные веяния и как быстро после непродолжительного подъема сил наступает у нас упадок энергии»⁵.

Осенью 1863 г. комиссия закончила свою работу, и проекты поступили на заключение министра юстиции Д. Н. Замятнина, который сделал замечания, составившие солидный том в 500 страниц.

В декабре 1863 г. проекты вместе с замечаниями были переданы на обсуждении Государственного совета. Доклад на Государственном совете делал В. П. Бутков при участии С. И. Зарудного, Н. А. Буцковского и А. М. Плавского. С небольшими поправками и изменениями проекты прошли как в соединенных департаментах, так и в Государственном совете. Примечательно, что в подготовке судебной реформы вид-

¹ Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы (к пятидесятилетию судебной реформы. 1864–1914). СПб. : Изд-е тов-ва И. Д. Сытина, 1914. С. III.

² Джаншиев Г. А. Указ. соч. С. 54.

³ Джаншиев Г. А. Указ. соч. С. 45–46.

⁴ Там же. С. 54.

⁵ Там же. С. 34.

ное место принадлежало математикам по образованию: С. И. Зарудный – кандидат физико-математического факультета; Н. А. Буцковский – математик-практик, Н. А. Неклюдов имел начальное образование математическое.

Император Александр II, утверждая проекты, написал: «Рассмотрев сии проекты, Мы находим, что они *вполне* соответствуют желанию Нашему водворить в России *суд скорый, правый, милостивый, равный* для всех подданных наших, *возвысить* судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе то уважение *к закону*, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть *постоянным руководителем всех и каждого, от высшего до низшего*». Вследствие того признав за благо утвердить составленные и рассмотренные в таком порядке: 1) Учреждение судебных установлений; 2) Устав уголовного судопроизводства; 3) Устав гражданского судопроизводства и 4) Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

В предисловии к судебным уставам было записано: «Судебные уставы истекают не от произвола, а от начала истины и справедливости, в той степени, в какой они выработаны наукою и опытом».

2 октября 1863 г. было окончено рассмотрение судебных уставов в общем собрании, а 20 ноября последовали Высочайшая санкция и Указ императора Александра II Правительствующему сенату, повелевший опубликовать судебные уставы для всеобщего сведения.

Указ начинался такими словами: «По вступлении на прародительский престол, одним из первых наших желаний, всенародно вознесенных в Манифесте 19 марта 1856 г., было: *«правда и милость да царствуют в судах»*.

Вслед за изданием судебных уставов 19 октября 1865 г. было издано «Положение о введении в действие Судебных уставов», в соответствии с которым судебные уставы должны были быть введены в течение 1866 г. в округах Санкт-Петербургской и Московской судебных палат, а начиная с 1866 г. – во всех губерниях¹.

Судебные уставы в истории русской жизни знаменовали поворот от полицейского к правовому порядку.

Судебные уставы были встречены юридической общественностью с большим восторгом и воодушевлением. М. Ф. Громницкий, один из первых деятелей реформированного суда, писал, что «давножданное известие об обнародовании судебных уставов наполнило всех большой радостью: хотелось говорить, кричать по поводу этого события ... В ближайшее воскресенье в зале дворянского собрания по поводу события был устроен обед, на котором присутствовало много людей, совсем далеких по своему положению от судебного мира. Гостям и речам не было конца. Чтению судебных уставов все, конечно предалось с увлечением»².

И. Я. Фойницкий, оценивая значение судебных уставов, отмечал: «Не политическими волнениями, не борьбой политических партий, а исключительно осознанными правительством и обществом потребностями правосудия»³. Он называл судебные уставы «одним из самых ценных украшений великого освободительного царствования, памятником, утвердившим в нашей жизни ростки законности и правды», указывая, что «святая обязанность каждого русского юриста» состоит в том, «чтобы оберегать начала Судебных Уставов в их первоначальной чистоте, ограждать животворящий их дух и внутренний их смысл от всяких искажений и переделок, составляющих ясный или прикрытый поворот к старому порядку вещей, и содействовать дальнейшему развитию законодательства в духе этих начал»⁴.

А. Ф. Кони оценивал судебные уставы как «представлявшие по своей форме и содержанию, по стройности частей и единству руководящей мысли величайшую из русских законодательных работ XIX века»⁵.

С принятием судебных уставов одновременно реформировалась вся система судопроизводства и судопроизводства, была введена дос-

² Громницкий М. Ф. О суде присяжных // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 5. С. 45.

³ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения (А. Бенке). 1884. В 2 т. Т. 1. С. 41.

⁴ Там же. С. 45.

⁵ Кони А. Ф. Пятьдесят лет назад // А. Ф. Кони. На жизненном пути. В 2 т. Т. 2. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1916. С. 267.

таточно стройная система судебных органов, параллельно действовала система мировых судов и система общих судебных установлений.

Д. А. Ровинский отмечал, что общий успех реформы обуславливается в первую очередь хорошим устройством уголовного суда, так как «благодаря гласности, общество, прежде всего, пойдет в уголовный, а не гражданский суд, и на основании виденного там составит оно свое мнение вообще о судебной реформе»¹.

Применительно к уголовному судопроизводству за основу был взят французский тип процесса с его разделением на предварительное и окончательное, причем первое имело негласный, письменный характер, при отсутствии сторон; а второе, напротив, носило гласный, устный и состязательный характер.

В качестве принципов уголовного судопроизводства устанавливались независимость и несменяемость суда, равенство всех перед законом, гласность, состязательность, право на защиту, презумпция невиновности. Одно из важнейших положений реформы – отмена теории формальных доказательств. Красугольным камнем судебной реформы стало введение суда присяжных. И. Я. Фойницкий считал, что установление института присяжных заседателей «составляет наибольшую славу уставов 20 ноября», поскольку он является «наиболее близкою к идеалу» формой суда². Введение суда присяжных тотчас после отмены крепостного права было, по справедливому замечанию И. Я. Фойницкого, смелым, даже дерзким шагом. Но это дерзкий шаг, с его позиции, «увенчался успехом, и не порицания, а великой похвалы заслуживают как инициаторы этого дерзкого шага, питавшие веру не на словах, а на деле в способности русского народа, так и этот «вчерашний раб», так блистательно оправдавший возложенные на него надежды»³. И. Я. Фойницкий оценивал суд присяжных как «палладиум⁴ личной свободы и полити-

ческой независимости народной, ревностный страж общественной безопасности и строгий судья злодеяний». По его мнению, он стал «центральной узлом новой судебной системы, ее лучшим украшением и самою твердою опорою»⁵.

УУС состоял из трех книг, включавших 1254 статьи. Книга первая была посвящена «Порядку производства в мировых судебных установлениях» (ст. 33–199); книга вторая – «Порядку производства в общих судебных местах» (ст. 200–999) и книга третья – «Изыятиям из общего порядка уголовного судопроизводства» (ст. 1001–1254). Тексту самого УУС предшествуют Основные положения уголовного судопроизводства (ст. 1–32).

В рассуждениях к УУС отмечены ключевые идеи, которыми руководствовались его составители. В частности, в соответствии с ними «достоинство уголовного судопроизводства определяется, во-первых, целью, к которой должно быть направлено производство, и, во-вторых, средствами, которые закон разрешает или предписывает употреблять для достижения сей цели»⁶.

В УУС устанавливалась особая роль нового суда, несовместимая с функцией обвинения: «обязанность непосредственно участвовать в возбуждении уголовных дел, а тем более в распоряжениях по розысканию преступлений и преследованию виновных, очевидно, несовместима с призванием суда. Вмешиваясь в начатие уголовного дела и разрешая или предписывая те или другие следственные действия, он может себе невольно составить понятие о свойстве подлежащего следствию деяния или о вине заподозренного лица, – а это легко может иметь влияние на мнение его при самом рассмотрении и решении дела. Словом, всякое вмешательство суда в начатие или производство первоначальных изысканий, для обнаружения повода к обвинению подозреваемого, противно первым условиям правосудия»⁷.

По мнению составителей УУС, целью уголовного судопроизводства является «обнаружение материальной истины относительно происшествия или деяния, признаваемого пре-

¹ Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы (к пятидесятилетию Судебных Уставов). СПб. : Изд-е тов-ва И. Д. Сытина, 1914. С. 69.

² Фойницкий И. Я. Оправдательные решения присяжных заседателей // Журнал гражданского и уголовного права. 1879. Кн. 6. С. 3.

³ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. С. 447.

⁴ Палладиум (лат.) – статуя вооруженного божества, чаще всего Афина Паллада, охранявшая, по верованиям древних греков и римлян, безопасность города // Современный словарь иностранных слов. СПб. : Дуэт, 1994. С. 437.

⁵ Там же. С. 150.

⁶ Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. В 5 ч. Ч. 2. СПб. : Изд-е Гос. Канцелярии, 1866. С. 156.

⁷ Судебные уставы. С. 244.

ступным, и наказание действительно виновного в совершении преступления. Посему, в уголовном судопроизводстве все действия, предшествующие решению дела, должны быть направлены к получению удостоверения в действительном совершении преступления обвиняемым и в степени его виновности. Вследствие сего, вопрос: какое начало принимает законодательство для определения достоверности в уголовных делах, т. е. силы доказательств, на которых судьи должны основывать приговор о вине или невинности подсудимого, имеет первостепенную важность. От разрешения сего вопроса зависят не только главные формы судопроизводства, но и самое устройство суда и вообще определение: какими способами и с соблюдением каких правил и обрядов должны быть собираемы и рассматриваемы доказательства и какими мерами обеспечивается правильное отправление правосудия, с возможно большим ограждением подсудимого от притеснений и неправильного обвинения»¹.

Одним из важнейших преобразований УУС было установление состязательного начала уголовного судопроизводства. В рассуждениях к УУС отмечалось: «Начало судебного состязания сторон не исключает самодеятельности суда в уголовном судопроизводстве и не обязывает его решать дела только по тем данным, которые предъявлены сторонами, но требуют единственно того, чтобы по всем сведениям, относящимся к делу, сторонам предоставлена была возможность судебного состязания. Задача уголовного суда есть открытие в каждом деле безусловной истины. В стремлении к этой цели суд уголовный не может принимать в уважение желание сторон – ни того, что сам подсудимый не хочет оправдывать свою невинность, ни того, что сам обвинитель потворствует ему. Поэтому, если стороны не предъявили всех тех сведений, которые должны служить данными для основательного разрешения дела, то суд не может удовлетвориться одними их заявлениями, но обязан потребовать дополнительных сведений»².

Важной частью судебной реформы было введение института присяжных поверенных. Составители судебных уставов исходили из того, что в уголовном судопроизводстве без

присяжных поверенных невозможно судебное состязание. В основу организации адвокатуры было положено следующее правило: адвокат – не только правозаступник и судебный оратор, но и поверенный своего клиента.

Опережая в своем развитии основные политические институты самодержавия, последовательный суд с неизбежностью вступил с ними в противоречие. Судебная реформа 1864 г. выявила их несоответствие: независимость суда от администрации лишала власть царя части прерогатив; несменяемость судей принципиально отличала статус судей от положения других государственных служащих; равенство всех пред судом противоречило сословному строю; участие в отправлении правосудия представителей общества – присяжных заседателей допускалось при отсутствии представительных учреждений. Законодательство, принятое на протяжении 70–80 гг. в дополнение и изменение УУС, призвано было это несоответствие ликвидировать, однако оно лишь немного сгладило, но не ликвидировало до конца противоречия между законодательством и политическими институтами самодержавия.

Сведения об авторах-составителях Устава уголовного судопроизводства

Будов Дмитрий Николаевич (1785–1864) – государственный деятель, в 30-е гг. XIX в. возглавлял министерство юстиции и министерство внутренних дел, затем главноуправляющий вторым кодификационным отделением Собственной Ее Императорского Величества Канцелярии (1839–1862), племянник поэта Г. Р. Державина, выдвинулся благодаря участию в 1826 г. в следственной комиссии по делу декабристов. Под его руководством было разработано Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845) и составлены 2 издания Свода законов Российской империи (1842, 1857), в первой половине 60-х гг. XIX в. председатель Государственного совета и Кабинета министров, один из учредителей литературного кружка «Арзамас».

Бутков Владимир Петрович (1813–1881) – российский государственный деятель, член Государственного совета.

Бутковский Николай Андреевич (1811–1873) – один из главных деятелей судебной реформы, председатель Уголовного отделения

¹ Судебные уставы. С. 276.

² Там же. С. 284.

комиссии по составлению судебных уставов, математик по образованию, с 1865 г. – сенатор.

Вилинбахов Афанасий Петрович – экспедитор Государственной канцелярии, с 1862 г. делопроизводитель комиссии по подготовке проекта судебной реформы.

Врангель Егор Егорович (1827–1875) – барон, юрист, директор Департамента министерства юстиции, участвовал в деятельности особой комиссии по судебной реформе, сенатор.

Даневский Пий Никодимович (1820–1892) – русский юрист.

Есипович Яков Григорьевич (1822–1906) – русский ученый, историк права, сенатор, писатель.

Зарудный Сергей Иванович (1821–1887) – русский юрист, цивилист, кандидат физико-математического факультета, обер-прокурор

Уголовно-кассационного департамента, статс-секретарь Департамента законов Государственного совета, впоследствии сенатор, столичный мировой судья первого избрания.

Плавский Александр Михайлович (1807–1884) – член-редактор комиссии по составлению проектов судебной реформы, сенатор.

Принтц Николай Густавович (1836–1915) – экономист, сенатор.

Ровинский Дмитрий Александрович (1824–1895) – русский юрист, государственный деятель, почетный член Петербургской академии наук, один из инициаторов введения суда присяжных и мировых судей.

Стояновский Николай Иванович (1820–1900) – русский юрист, активный участник судебной реформы.

Шубин-Поздеев Дмитрий Павлович – статский советник.

РОЛЬ СУДЕБНО-ПРАВОВОЙ РЕФОРМЫ 1864 г. В ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ ПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

THE ROLE OF THE JUDICIAL REFORM OF 1864 IN THE DIFFERENTIATION OF CRIMINAL PROCEDURE FORMS OF PRODUCTION IN JUVENILE

Д. А. Степаненко

*д-р юрид. наук, профессор,
заместитель директора по науке Восточно-Сибирского филиала
Российского государственного университета правосудия,*

И. М. Егерев

*канд. юрид. наук
доцент кафедры уголовно-процессуального права
Восточно-Сибирского филиала Российского государственного
университета правосудия*

В статье рассматривается значение судебно-правовой реформы 1864 г. в процессе дифференциации уголовно-процессуальной формы производства в отношении несовершеннолетних. На основе анализа правовых норм, содержащихся в Уставе уголовного судопроизводства, осуществлено выделение групп особенностей производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних от десяти до семнадцати лет. Осуществлено сравнение указанных особенностей с нормами действующего уголовно-процессуального законодательства. Обосновывается вывод о том, что основы дифференцированной формы производства в отношении несовершеннолетних, которые были первоначально сформулированы в Уставе уголовного судопроизводства, нашли свое отражение и дальнейшее развитие в действующем российском законодательстве.

The article discusses the importance of the judicial reform of 1864, in the process of differentiation of the criminal procedural forms of production in the minors. Based on the analysis of legal norms contained in the Charter of the criminal proceedings carried out the selection of groups of features of criminal proceedings against a minor from ten to seventeen years. Carried out a comparison of these features with the norms of the criminal-procedural legislation. The conclusion is justified that the foundations of differentiated forms of production with respect to minors, which were originally formulated in the Charter of criminal justice, reflected and further development of the current Russian legislation.

Ключевые слова: производство в отношении несовершеннолетних, ювенальная юстиция, уголовное судопроизводство, досудебное производство, судебное производство, преступления несовершеннолетних.

Keywords: production in juvenile, juvenile justice, criminal justice, pre-trial proceedings, judicial proceedings, juvenile crime.

Осуществление судебно-правовой реформы началось с подписания 20 ноября 1864 г. Александром II Указа Правительствующему сенату, которым учреждались четыре важнейших законодательных акта: Устав уголовного судопроизводства, Учреждение судебных установлений, Устав гражданского судопроизводства, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Оценивая значение предложенных преобразований, можно уверенно утверждать, что в отечественном уголовно-

процессуальном законодательстве впервые были закреплены истинные демократические принципы и составительные начала российского уголовного судопроизводства, обозначены направления на защиту прав отдельных участников уголовного процесса. В результате принятия данных актов произошли следующие изменения, не потерявшие актуальности и в наши дни: суд был отделен от администрации, вводился гласный состязательный процесс, появились институт судебных следовате-

лей, адвокатура, суд присяжных, реорганизовывалась прокуратура, устанавливалась презумпция невиновности, принцип несменяемости судей и следователей. Подход, основанный на теории формальных доказательств, сменила свободная оценка доказательств.

Законодательные акты середины XIX в. положили начало формированию ряда важнейших правовых институтов. Так, в Уставе уголовного судопроизводства, по сути, зародился институт производства по делам в отношении несовершеннолетних. Появление особого порядка судопроизводства было продиктовано необходимостью особой правовой защиты несовершеннолетних, предопределенной особыми психофизиологическими и социальными характеристиками данных участников уголовного процесса. Фактически было осуществлено закрепление дифференциации уголовно-процессуальной формы производства в отношении несовершеннолетних, представляющей собой усложнение общего порядка уголовного судопроизводства вследствие предоставления усиленных гарантий обвиняемому.

В первоначальной редакции Устава уголовного судопроизводства положения, посвященные особенностям уголовного судопроизводства по преступлениям, совершенным несовершеннолетними, были немногочисленны. Существенные изменения в порядке производства в отношении несовершеннолетних были внесены Законом от 2 июня 1897 г. «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений об их наказуемости». Новые процессуальные правила были предусмотрены для производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних от десяти до семнадцати лет.

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод о том, что в нем нашло свое отражение большинство положений Устава уголовного судопроизводства, касающихся порядка производства по делам в отношении несовершеннолетних. Эти положения интересны и значимы и для современного уголовно-процессуального законодательства. Правовая защита несовершеннолетних предполагает необходимость выявления обстоятельств, связанных с условиями жизни и воспитания каждого несовершеннолетнего, состоянием его здоровья, другими фактическими данными, а также с

причинами совершения уголовно наказуемых деяний в целях постановления законного, обоснованного и справедливого приговора, принятия других предусмотренных законом мер для достижения максимального воспитательного воздействия судебного процесса в отношении несовершеннолетних¹.

В соответствии со ст. 420 УПК РФ производство по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, осуществляется в общем порядке, установленном ч. 2 и 3 УПК РФ, с изъятиями, предусмотренными гл. 50. В существующем на текущий момент порядке производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних можно выделить следующие группы особенностей, отличающих его от общего порядка:

1. Общие условия производства по делам несовершеннолетних;
2. Особенности досудебного производства по делам несовершеннолетних;
3. Особенности судебного производства по делам несовершеннолетних.

К общим условиям производства по делам несовершеннолетних можно отнести расширенный предмет доказывания и требования к составу участников.

При производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних наряду с основным предметом доказывания, обстоятельства которого закреплены в ст. 73 УПК РФ, в соответствии со ст. 421 УПК РФ дополнительно устанавливаются:

- 1) возраст несовершеннолетнего, число, месяц и год рождения;
- 2) условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности;
- 3) влияние на несовершеннолетних старших по возрасту лиц.

В соответствии с ч. 2 ст. 421 УПК РФ при наличии данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, устанавливается также, мог ли несовершеннолетний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

¹ Пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета. № 29. 11.02.2011.

Схожие положения были закреплены после судебной реформы 1864 г. В частности, ст. 759 Устава уголовного судопроизводства предписывала при постановлении приговора в обязательном порядке в отношении подсудимого, не достигшего во время совершения преступления возраста семнадцати лет, решать вопрос о том, действовал ли он с полным разумением. Законом от 2 июня 1897 г. отделение первой главы четвертой раздела второго книги второй было дополнено новым (пятым) подразделением под названием «Производство по делам о несовершеннолетних от десяти до семнадцати лет для разрешения вопроса о том, действовал ли обвиняемый во время совершения преступного деяния с разумением». Согласно вновь принятому порядку, если суд приходил к выводу, что преступное деяние совершено безумным либо сумасшедшим или в припадке умониступления либо совершенного беспамьятства, суд применял соответствующую предусмотренную меру.

Действующим уголовно-процессуальным законодательством предусмотрено обязательное участие при производстве по делу законных представителей несовершеннолетнего и защитника. В статье 426 УПК РФ отмечается, что законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого допускаются к участию в деле на основании постановления следователя, дознавателя с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого. Обязательное участие защитника по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, предусмотрено п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ.

В Уставе уголовного судопроизводства после изменений, внесенных Законом от 2 июня 1897 г., появились нормы, предусматривающие расширение круга участвующих лиц при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Вновь введенная ст. 62¹ закрепляла, что по делам несовершеннолетних от десяти до семнадцати лет о дне слушания дела извещались родители несовершеннолетнего обвиняемого или лица, на попечении которых он находился, если родители или указанные лица проживали в пределах территории окружного суда. При этом в повестке указывалось, что их явка необязательна и что им предоставляется право вместо себя прислать поверенного. Но в том случае, если наказание за преступление было связано с лишением

свободы (не ниже тюремного заключения), суду предоставлялось право требовать личного присутствия указанных выше лиц.

Родителям несовершеннолетнего обвиняемого, а также лицам, на попечении которых они находились, по окончании предварительного следствия предоставлялось право просить следователя о предоставлении следственного производства (материалов дела) и заявлять ходатайства о дополнении следствия.

Явившиеся на судебное разбирательство родители несовершеннолетних или лица, на попечении которых они находились, допускались к представлению объяснений. Родителям несовершеннолетним и лицам, на попечении которых они находились, предоставлялось право просить суд о вызове свидетелей и сведущих лиц.

По делам несовершеннолетних участие защитника стало обязательным. В случаях избрания защитника подсудимым или его родителями либо лицами, на попечении которых он находился, председатель суда самостоятельно назначал защитника и помимо просьбы об этом самого подсудимого или вышеуказанных лиц, защищавших его права. Эти же последствия были предусмотрены в случае неявки избранного защитника в судебное заседание.

Ст. 861 Устава уголовного судопроизводства закрепляла, что за несовершеннолетних, а также за иных лиц, лишенных возможности пользоваться своими правами, апелляционные отзывы могли быть поданы родителями, опекунами или теми лицами, у которых несовершеннолетние находятся на воспитании.

В соответствии с действующим порядком специфика производства по делам о преступлениях несовершеннолетних проявляется уже на начальной стадии уголовного процесса – стадии возбуждения уголовного дела. Несовершеннолетний может быть субъектом преступления лишь при условии достижения им возраста уголовной ответственности, соответственно, в случае недостижения такого возраста состав преступления будет отсутствовать. При этом согласно п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное – подлежит прекращению за отсутствием в деянии состава преступления. Особенности досудебного производства по делам несовершеннолетних также включают в себя особенности задержания и избрания мер пресечения в отношении несовершеннолет-

них, выделения дела в отдельное производство, вызова и допроса несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых.

Согласно требованиям Устава уголовного судопроизводства дела по обвинению несовершеннолетних с преступлениях, совершенных в соучастии с совершеннолетними, выделялись в особое производство и рассматривались отдельно, если по обстоятельствам дела это было возможным. Нововведения того исторического периода коснулись правил применения мер пресечения. Несовершеннолетние от десяти до семнадцати лет, в отношении которых, несмотря на их возраст, возникла необходимость применить меры пресечения уклонения от суда и следствия в виде взятия их под стражу, помещались в исправительные приюты или в колонии для несовершеннолетних либо отдавались под ответственный присмотр, с обязательством представить их следствию и суду, их родителям или лицам, на попечении которых они находились.

Производство в суде первой инстанции по делам о преступлениях несовершеннолетних, согласно требованиям действующего законодательства, осуществляется в соответствии с гл. 33–39 УПК РФ с учетом изъятий, предусмотренных гл. 50 УПК РФ.

В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 241 УПК РФ в случае рассмотрения уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими возраста шестнадцати лет, допускается закрытое судебное разбирательство на основании определения или постановления суда. Часть 1 ст. 429 УПК РФ закрепляет, что по ходатайству стороны, а также по собственной инициативе суд вправе принять решение

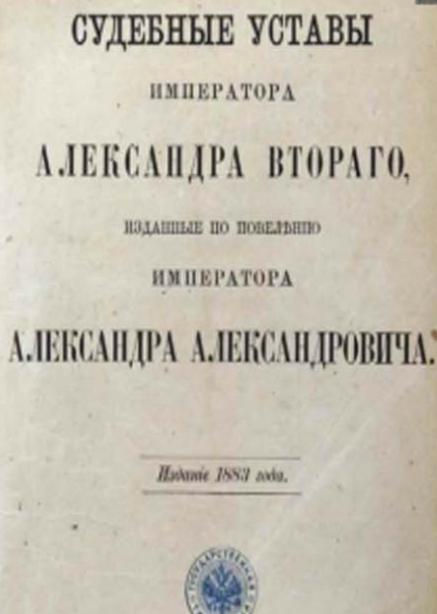
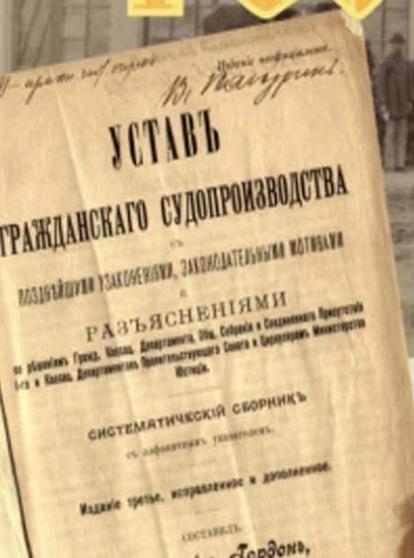
об удалении несовершеннолетнего подсудимого из зала судебного заседания на время исследования обстоятельств, которые могут оказать на него отрицательное воздействие.

Схожие правила были закреплены и в Уставе уголовного судопроизводства. В отношении несовершеннолетних уголовные дела могли рассматриваться в закрытом судебном заседании не только по тем категориям, которые напрямую предусматривали такой порядок по общей форме (к примеру, о проступках против прав семейных, об оскорблении женской чести), но и по иным – по усмотрению судьи. Несовершеннолетние могли быть удалены из зала судебных заседаний на время производства отдельных следственных действий и на время заключительных прений, по усмотрению суда.

Сопоставляя законодательные акты прошлого и современное уголовно-процессуальное законодательство, понимаешь очевидность утверждения, что уголовно-процессуальная форма, «аккумулируя в себе многовековой опыт производства по уголовным делам и обеспечивая точность, четкость, планомерность предварительного расследования и судебного разрешения уголовного дела... представляет собой наиболее надежно выверенное историей средство реализации назначения уголовного судопроизводства»¹. Таким образом, основы дифференцированной формы производства в отношении несовершеннолетних, которые были первоначально сформулированы в Уставе уголовного судопроизводства, нашли свое отражение и дальнейшее развитие в действующем российском законодательстве.

¹ Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России : учебное пособие. 5-е изд., перераб. и доп. М. : КНОРУС, 2008. С. 7.

150 ЛЕТ Великой Судебной Реформе 1864 года

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР II
ОТМЕНИЛ В 1861 ГОДУ КРЕПОСТНОЕ ПРАВО
В РОССИИ И ОСВОБОДИЛ МИЛЛИОНЫ КРЕСТЬЯН
ОТ МНОГОВЕКОВОГО РАБСТВА
ПРОВЕЛ ВОЕННУЮ И СУДЕБНУЮ РЕФОРМУ
ВВЕЛ СИСТЕМУ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
ГОРОДСКИЕ ДУМЫ И ЗЕМСКИЕ УПРАВЫ
ЗАВЕРШИЛ МНОГОЛЕТНЮЮ
КАВКАЗСКУЮ ВОЙНУ
ОСВОБОДИЛ СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ
ОТ ОСМАНСКОГО ИГА
ПОСЛЕ 1 МАРТА 1881 ГОДА

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 г. В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

JUDICIAL REFORM OF 1864 IN THE ARKHANGELSK PROVINCE

М. Г. Аверин

председатель Архангельского областного суда

В статье анализируется история проведения судебной реформы 1864 г., обозначены магистральные линии развития российского судопроизводства, дана характеристика проведения самой реформы на территории всей Российской империи, исследуется институт почетных мировых судей и требования, предъявляемые к ним, дана отдельная характеристика проведения судебной реформы 1864 г. в Архангельской губернии.

The article analyzes the history of judicial reform of 1864, marked main line of development of the Russian proceedings, the characteristic of the reform throughout the Russian Empire, explores the Institute Honorary world of judges and requirements placed upon them, given the individual characteristics of the judicial reform of 1864 in the Arkhangelsk province.

Ключевые слова: судебная реформа, судоустройство, судопроизводство, Устав уголовного судопроизводства, Архангельская губерния.

Keywords: judicial reform, judicial system, judiciary, Constitution of criminal justice, Arkhangelsk province.

20 ноября по старому стилю, или 3 декабря по новому, мы чтим памятный день в истории нашего государства, знаменательное событие в истории судебной власти. Сто пятьдесят лет назад российский император Александр II даровал своим подданным принципиально новый закон, сущностными идеями которого мы пользуемся до сих пор.

Авторами судебных уставов были обозначены четыре магистральные линии дальнейшего развития судопроизводства, со всей определенностью и на столетия вперед: 1) объединение судебного строя; 2) приближение суда к населению; 3) возможное упрощение судебной организации; 4) последовательное применение ко всем частям судоустройства начала государственного значения суда.

Новый суд затрагивал слишком много интересов, претендовавших на неприкосновенность. Общество было неоднородно по своим взглядам и убеждениям, да и вся сущность сословно-представительной монархии препятствовала последовательному осуществлению судебного реформирования, что и вылилось в итоге в процессы контрреформирования. Не все в новом судоустройстве было просчитано заранее. Да и вряд ли возможно было все предугадать. Достаточно вспомнить длительное решение вопроса об установлении размеров выплат нуждающимся присяжным заседателям

из крестьян, с тем чтобы предотвратить случаи, когда присяжные заседатели были вынуждены оставаться на ночлег в зале судебного заседания, а в перерывах между заседаниями наниматься на поденную работу, просить милостыню и т. д. Только по истечении нескольких десятилетий законом от 26 ноября 1913 г. все же было предусмотрено назначение присяжным заседателям суточных и путевых денег из государственной казны.

Центральная часть Российской империи уже после 1864 г. была целиком поглощена процессом перемен. В этой связи уместно привести высказывание Анатолия Федоровича Кони, который отмечал: «Все промахи (реформирования. – *Авт.*) тонули в общем и радостном подъеме духа, с которым первые судьи, подобно первым мировым посредникам, принялись за новое дело, видя в нем не простую службу, но занятие, облагораживающее жизнь и дающее ей особую цену...».

Судебная реформа, видоизменившись в процессе так называемой консервативной модернизации, нашла свое применение на северной земле лишь спустя десятилетия. Одним из первых вестников перемен оказалась мировая юстиция. Представляется, что столь долгое запаздывание во введении новых судебных институтов было связано со сложным преодолением кадровой и финансовой проблем, а также

предполагающейся, по расчетам государственных чиновников, низкой служебной нагрузкой на местных мировых судей, которая должна была составить разницу в 33 раза по сравнению со средней нагрузкой на столичного мирового судью. Тем не менее благодаря активной позиции архангельских губернаторов Н. П. Игнатьева и М. М. Кониара пятнадцать участковых и два добавочных мировых судьи были назначены Приказом по Министерству юстиции от 23 марта 1889 г. № 12 и приступили к исполнению своих обязанностей с 1 апреля 1889 г.

Кто были первые мировые судьи в Архангельской губернии? Особенностью приобретения ими правового статуса явилось отсутствие выборности. Предусматривался лишь единственный механизм – назначение министром юстиции сроком на три года с возможностью повторного переназначения. Имущественный ценз отсутствовал. Возрастной – старше 25 лет. Образование могло быть высшим или средним, приветствовался трехлетний стаж по направлению деятельности. Значительная часть мировых судей в Архангельской губернии по своему происхождению относилась к выходцам из других территорий Российской империи (все мировые судьи должны были быть русскими подданными). Часть из них не являлась коренными жителями по рождению, волею судеб оказавшись на севере, где они жили и работали до назначения. Этот фактор, несомненно, сказывался на механизме формирования социальных связей вновь назначенных мировых судей с местным населением и сроков приспособления их к местному укладу жизни. Вновь наделенные властными государственными полномочиями судьи по своему гражданскому статусу в сословной России чаще всего происходили из дворян и духовенства, были беспоместными или владели недвижимостью за пределами губернии. Уровень образования в основном был средним. Около трети из отправлявших в 1889 г. мировых судей правосудие имели высшее образование, причем только половина из этого числа – юридическое. Положительным моментом являлось то, что большая часть мировых судей до назначения трудилась в судебном ведомстве.

Особую роль играл институт почетных мировых судей. Они достойно представляли развивающуюся судебную власть на севере: архангельский губернатор, действительный

статский советник Сергей Дмитриевич Бибииков, архангельский городской голова, потомственный почетный гражданин Валентин Иванович Гувелякен, директор народных училищ Архангельской губернии, действительный статский советник Алексей Арсентьевич Островский; уездный врач Валентин Иванович Марциновский; потомственные почетные граждане – Николай Иосифович Шарвин, Адольф Францович Шольц, купец Егор Иванович Шергольдт.

Достойных исторической памяти мировых судей той, переломной эпохи, без сомнения, было много. Так, Иван Владиславович Галецкий, как и многие из мировых судей Архангельской губернии, был «не местным» – родился в г. Кирсанове Тамбовской губернии, учился в Петербургской военно-медицинской академии. За принадлежность к петербургской группе народовольцев и революционную деятельность был выслан под полицейский надзор в Пензу, а оттуда направлен в Архангельск. Здесь, будучи осужденным по законам Российской империи, трудился в Управлении строительства Архангельско-Вологодской железной дороги, участвовал в научных экспедициях по Северной Двине и на Соловки. После отбытия наказания на некоторое время вернулся в Пензу. Казалось бы, судьба предназначала ему расставание с северным краем. Но все оказалось иначе. Министр юстиции назначил Ивана Владиславовича на должность мирового судьи. Он вновь оказался в Архангельске. Видимо, бунтарский характер и поиск своего видения справедливости привели его к сотрудничеству с редакцией газеты «Архангельск», а также к избранию в первую Государственную Думу в 1906 г. Там он примкнул к группе «трудовиков». За участие в подписании «Выборгского воззвания» вновь был приговорен к трем месяцам тюрьмы. К сожалению, судьба бывшего мирового судьи Ивана Владиславовича Галецкого после его отъезда из Архангельска в Москву в 1916 г. пока не известна. Быть может, и там он не оказался в стороне от участия в активном переустройстве государственно-политической системы России.

После семилетнего, как бы сейчас сказали «пилотного», функционирования мировой юстиции, 29 января 1896 г. были утверждены Временные правила об устройстве судебной части и о порядке производства судебных дел в Архангельской губернии. Реализация данно-

го закона, бесспорно, стала заметным событием для истории северного края. Согласно положениям данного закона упразднялась Архангельская палата уголовного и гражданского суда, учреждался Архангельский окружной суд, апелляционной инстанцией для которого стала Московская судебная палата. 1 июля 1896 г., как описывали современники, при большом стечении жителей и гостей г. Архангельска, испытывающих невероятный душевный подъем, был отрыг Архангельский окружной суд. «Первое слово», согласно духу времени, было предоставлено епископу Архангельскому и Холмогорскому Преосвященному Иоанникию. С большим вниманием и одобрением были встречены рассуждения епископа о механизме вынесения правильного судебного решения, которые актуальны и в настоящее время: «Перед судьями должна быть открыта душа подсудимых, чтобы решение было безошибочным. По русской пословице: «чужая душа – потемки», где «днем надо быть с огнем», да и то не рассмотришь ее тайников и бесконечных изгибов. Что же мудреного, если и суд иногда ошибается? На нас лежит обязанность молиться лишь одному небесному Суду, да подаст он нашим судьям мудрость Соломонову, да и избавит их от участия в грехах чужих, то есть от ошибок в суждениях об этих грехах». Эти слова актуальны и в наше время. Сенатор Завадский произнес следующее: «... Здесь, в Архангельске, открывается суд, который имеет возможность отвечать нарождающимся потребностям экономической и гражданской жизни северного края, – суд, который по своим началам и по своей форме исследования истины может охранять личные и имущественные интересы жителей, может быть судом справедливым, то есть скорым и правым по всем делам, а по уголовным – сверх того, милостивым и воздающим каждому по делам его. Такой суд сам по себе есть залог спокойного и правильного развития экономической и гражданской жизни в подведомственном районе...».

О практической значимости открытия Архангельского окружного суда и масштабах празднования свидетельствовали следующие факты. Во время торжественного обеда, который организовал городской голова Вильгельм Гувелякен, произносились тосты за драгоценное здоровье Государя Императора и всего Царствующего дома, за здоровье министра юстиции статс-секретаря Н. В. Муравьева. В

этот же день сенатор Завадский отбыл в обратный путь, а вечером местным обществом трезвости было устроено бесплатное народное гуляние, во время которого играл оркестр Архангельского резервного батальона. На эту любезность со стороны общества трезвости 2 июля в 4 часа дня уже местные чины судебного ведомства дали ответный обед. Многочисленные мероприятия, связанные с открытием Архангельского окружного суда, происходили в течение недели и были со всей возможной тщательностью подготовлены. Все это свидетельствовало об ожидаемости данного события и открытия больших перспектив после его свершения.

Успех любых реформ во все времена заключался и заключается в наличии персональных предпосылок в возможности их продвижения. В этой связи заслуживает внимания личность первого председателя Архангельского окружного суда. Согласно формулярному списку о прохождении службы Александра Герасимовича Преснякова, он являлся выходцем из рода потомственных дворян Олонецкой губернии. Был рожден 12 августа 1853 г., имел православное вероисповедание. Окончил полный курс наук со степенью кандидата права Санкт-Петербургского университета. Приказом по ведомству министерства юстиции от 28 июня 1884 г. № 30 был назначен Членом Архангельских палат уголовного и гражданского суда. Для исполнения судебных обязанностей был командирован на мурманский берег в навигацию 1888 г. Следующими ступенями его служебной лестницы в формулярном списке значились: мировой судья 2 участка Шенкурского уезда, мировой судья 2 участка Архангельского уезда. За свои труды во благо правосудия Александр Герасимович был награжден орденами Св. Станислава 2-й, 1-й и 3-й степеней, Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 3-й и 4-й степеней, а также имел серебряную медаль в память царствования Александра III. Интересно заметить, что в действовавшей прежде государственной традиции за высочайше пожалованные ордена взималась особая плата в пользу казны. К примеру, за орден Св. Владимира 3-й степени А. Г. Преснякову необходимо было исполнить требования о внесении в пользу Капитула российских императорских и царских орденов 45 руб. (для сравнения: среднегодовой заработок с/х рабочего составлял в тот период 62 руб.). На момент открытия Архангельского окружного суда его

председателю было 42 года. Александру Герасимовичу Преснякову было предопределено судьбой занимать данный государственный пост самое продолжительное время по сравнению со всеми своими преемниками по замещаемой должности. Он замещал данную должность в течение шестнадцати лет, до 1912 г. Именно при его непосредственном участии судебная власть на севере стала приобретать подлинные властные черты – Закон постепенно входил в повседневную жизнь северян. Организация личной жизни первого председателя Архангельского окружного суда также оставила свой особенный исторический след – у него было 12 детей, некоторые из них продолжили путь отца в профессии, став судьями.

Непосредственно под руководством А. Г. Преснякова присяжные заседатели становились полноправными субъектами развивающихся пореформенных правоотношений. На основании Указа императора Николая II от 10 мая 1909 г. «О введении учреждения суда присяжных заседателей в Яренском и Усть-Сысольском уездах Вологодской губернии, в некоторых уездах Архангельской губернии...» образование суда с участием присяжных заседателей стало реальностью в Архангельском, Кемском, Мезенском, Онежском, Пинежском, Холмогорском, Шенкурском уездах. Уже 6 июня, того же, 1909 г. были созданы комиссии по составлению списков присяжных заседателей в каждом из перечисленных уездов под председательством местных мировых судей. К примеру, только за один 1912 г. в Архангельском окружном суде с участием присяжных заседателей было рассмотрено 200 уголовных дел, по которым 151 гражданин был осужден и 96 оправдано. Таким образом, суд с участием присяжных заседателей, несмотря на многочисленные организационные проблемы, действительно работал. Возрождение данного института судебной власти, гарантирующего участие народа в ее осуществлении, стало исторической преемственностью. Однако в силу действующего уголовно-процессуального закона количество дел с участием присяжных заседателей века нынешнего существенно меньше, чем в начальный период существования данного суда. За последние десять лет Архангельским областным судом с участием присяжных заседателей было рассмотрено 51 дело.

Пореформенное время, особенно кризисное начало XX в., было очень близко по духу нынешнему. Практическая реализация

взаимоотношений ветвей власти, главным образом – исполнительной и судебной, была полна функциональных переплетений. Необходимо было время, чтобы поменять всю систему работы. Вертикаль власти согласно «букве закона» судебных установлений формировалась крайне медленно. В качестве иллюстрации можно привести конкретный исторический факт, нашедший свое отражение в циркулярном письме старшего председателя московской судебной палаты, которое было адресовано председателю Архангельского окружного суда от 10 сентября 1914 г. (документу ровно 100 лет). Причем необходимо обратить внимание, что текст этого письма написан спустя 40 лет после введения уставов. Дословно цитируем часть текста письма, требующего от председателя Архангельского окружного суда предпринять конкретные меры по его реализации: «Государь Император... высочайше повелевает безотлагательно отобрать принудительным порядком, без уплаты денежного вознаграждения, все самодвижущиеся экипажи, принадлежащие австрийским поданным, проживающим в России, обратив эти машины на нужды войны». Очевидно, в то время, председателю Архангельского окружного суда еще был понятен механизм действий по исполнению вышеприведенных письменных указаний. Для века нынешнего, в том числе благодаря развитию идей реформы 1984 г., само появление подобного документа представляется невозможным. И в этом великая заслуга судебной реформы 1864 года, претворения ее идеи о сильной и независимой судебной власти, имеющей одно основное предназначение – осуществление правосудия.

Пророческими оказались слова А. Ф. Кони об огромном интересе потомков к судебной реформе 1864 г., которая отмежевала суду его собственную область и заставила действовать судьбу вместо прежнего административно-судебного чиновника. Судебные уставы трансформировались в узаконениях советского периода. И сейчас реформа 1864 г. дает основу для работы пытливого ума юриста. Даже если рассуждать о проблеме проблем – законодательной технике, в документах середины XIX в. есть чему поучиться. Празднование 150-летия судебных уставов 1864 г. является не только данью памяти о важнейшей вехе национальной истории, но и, несомненно, важным заданием для будущих многогранных правовых исследований.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 г. В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

JUDICIAL REFORM 1864 IN EASTERN SIBERIA

В. Г. Вишневский

канд. юрид. наук

доцент кафедры теории и истории государства и права

Иркутского юридического института

Российской правовой академии Министерства юстиции РФ

Судебная реформа 1864 г. была одной из самых буржуазных реформ середины XIX в. в Российской империи. Особое значение в этой реформе имели Основные положения переустройства судебной части в России 1862 г. Реализация реформы растянулась на 35 лет, но завершилась, по своему существу, в Восточной Сибири в 1897 г., когда Государственный совет 6 апреля 1896 г. признал необходимость ее проведения в Восточной Сибири на основе судебных уставов 1864 г.

The Judicial reform of 1864 was one of the most bourgeois reforms of the mid-nineteenth century in the Russian Empire. Of particular importance in this reform had a "Main provisions of the reorganization of the judicial part in Russia in 1862. The implementation of the reform lasted for 35 years, but ended in his being, in Eastern Siberia in 1897, when the State Council 06.04.1896 recognized the need for its implementation in Eastern Siberia on the basis of legal statutes" of 1864.

Ключевые слова: судебная реформа, основные положения, комиссия, судебная палата, окружной суд, судебные уставы, Иркутск, министр юстиции, Муравьев, Миловецкий, Зарудный, мировой судья.

Keywords: Judicial reform, main provisions, Commission, court of justice, district court, legal statutes, Irkutsk, Minister of justice, Muravyev, Milovatskii, Zarudny, magistrate judge.

Реформы второй половины XIX в. в России были вызваны объективной необходимостью, определенной как внутренними, так и внешними факторами развития Российской империи. Уже с начала XIX в. царское правительство не справлялось ни с одной из стоящих перед ним задач: ни в экономике, ни в политике, ни в идеологии. Крепостное право в этом ряду стояло на первом месте. В отмене крепостного права нуждались производительные силы общества во всех сферах его жизнедеятельности. В середине XIX в. эта реформа оказалась запоздалой, половинчатой и незавершенной. Следующая за ней судебная реформа и должна была обеспечить крестьянскую реформу. Уравнять всех граждан перед законом, что возможно было выполнить в процессе судебной практики, основанной на прогрессивных принципах буржуазного правосудия. И такие принципы были выработаны в Основных положениях преобразования судебной части в России 1862 г.

Судебная реформа началась в 1866 г. открытием Московской и Санкт-Петербургской судебных палат. Несмотря на это обстоятельство, сложилась устойчивая традиция говорить

именно о судебной реформе 1864 г. Не будем ломать исторически сложившейся традиции, а перейдем к событию, произошедшему двумя годами ранее. 29 сентября 1862 г. были утверждены Основные положения преобразования судебной части в России, которым следует уделить наше внимание. Содержание Основных положений дает нам основание полагать, что авторы, формулируя основные принципы и положения судостройства и судопроизводства, исходили из концепции общего блага, которая восходит к эпохе античности.

Разработанные комиссией принципы и положения были направлены на установление единообразного правового порядка в обществе. В связи с этим Основные положения должны были служить фундаментом не только для проведения судебной реформы, но и для создания новой правовой системы, нового юридического мировоззрения, формирования нового правового сознания и правовой культуры общества. Однако общественное сознание было столь глубоко деформировано идеологией феодального государства (дворянской), что преодолеть инерцию его мышления в XIX в. общество так и не смогло.

В наступившем XX в. Россия впала в другую крайность общественного развития. Революция 1917 г., сметая феодальную монархию, сословное деление общества, выплеснула с ними и дитя великой судебной реформы. Поэтому указанное выше предназначение Основных положений 1862 г., к сожалению, так и не получило своего развития и вместе с тем должной правовой оценки в российской юридической литературе.

Во-первых, с момента провозглашения Основных положений слишком много произошло изменений в общественном развитии. Сменились две исторические эпохи, два разных общественных и государственных устройств. Прошли две мировые войны, оставившие трагические последствия в нашей истории. Дважды менялась общественная мораль и правосознание общества, дважды менялось правовое профессиональное правосознание юристов. И, несмотря на все тяготы и трагические утраты, народ смог сберечь главное – культурное наследие русской цивилизации, ее великие духовные ценности, среди которых, что является для нас особенно важным и значимым, проведение великой судебной реформы 1864 г.

И во-вторых. Отдавая дань памяти началу великой судебной реформы, необходимо помнить о достойном ее завершении, которое произошло в Иркутске 2 июля 1897 г. открытием Иркутской судебной палаты и Иркутского окружного суда. Проведение судебной реформы в Восточной Сибири имело свои отличительные особенности: реформа осуществлялась на территории, почти равной половине территории всей Российской империи, при ее проведении не принимались во внимание действующие законы 70–90-х гг., так называемые законы «контрреформы». Иркутская судебная палата стала единственной палатой (из четырнадцати), учреждавшейся как суд первой апелляционной и кассационной инстанций (по делам мировой подсудности). В Восточной Сибири реформа была осуществлена лишь 33 года спустя, после ее начала в Центральной России. Таким образом, указанные особенности придали судебной реформе в Восточной Сибири самостоятельный характер, завершив собой великую судебную реформу на основе судебных уставов 1864 г.

Основные положения стали фундаментом не только для проведения судебной реформы,

не только для юридической науки и практики, не только для правового правосознания юристов профессионалов, но и для духовного, нравственного очищения всей нации от господствовавших столетия в российском правосудии волокиты и взяточничества, произвола и насилия, безграмотности судей и секретарей и других недостатков дореформенного суда.

Современники тех событий пережили глубокое духовное прозрение. Произошло возрождение правовых ценностей и их главных идей: свободы, равенства и справедливости. Это было время радужных надежд о новом общественном устройстве, о равенстве всех перед законом, о равенстве всех при заключении сделки и судебном процессе. Это было время торжества разума и воли русского человека, торжества российской юриспруденции, российской правовой мысли, воспринявшей все передовое у других народов, сохранив при этом свою национальную самобытность. И сегодня мы должны вспомнить всех тех, кто был непосредственно причастен к этому великому, эпохальному событию, создателей, основателей судебной реформы 1864 г.

Валерий Петрович Бутков, государственный секретарь, сумевший собрать замечательную плеяду выдающихся юристов: и. д. статс-секретарей С. И. Зарудного, Н. И. Стояновского, помощников статс-секретарей П. Н. Даневского и Д. П. Шубина, обер-прокурора Сената Н. А. Буцковского помощника обер-прокурора К. П. Победоносцева, московского губернского прокурора Д. А. Равинского, чиновников государственной канцелярии А. П. Плавского и А. П. Вилинбахова.

Бутков умело оттеснил от работы по подготовке судебной реформы председателя Государственного совета графа Блудова и чиновников канцелярии министерства юстиции. Он добился передачи «могучей кучке» юристов-профессионалов свободы действий по разработке основных актов для проведения судебной реформы. Разработанные ими документы отражали прогрессивные идеи, сформировавшие новое общественное мнение о правосудии в российском обществе как правосудии доступного, скорого и справедливого.

В короткое время (три месяца) комиссия представила Основные положения преобразования судебной части в России 1862 г., сыравшие решающую роль в проведении великой судебной реформы. В них были заложены

фундаментальные принципы, положения и идеи нового правосудия: осуществления правосудия только судом, гласность судебного разбирательства, устность, состязательность, сокращение судебных инстанций (до двух), отмена формальных доказательств, отделение судебной власти от административной и законодательной, равенство всех перед судом, несменяемость и независимость судей, единство судебной системы, вынесение судебного решения (приговора) на основании закона и внутреннего убеждения судьи, отмена института оставления в подозрении, учреждались институты присяжных поверенных, суды присяжных заседателей, мировые суды, Сенат объявлялся Верховным судом кассационной инстанции, руководил судебной практикой и утверждал нотариат. Поистине была выполнена грандиозная работа. Разработанные принципы и институты буржуазного правосудия стали достоянием российского общества, стали не только нормативной базой для составления судебных уставов, но и программным документом в формировании новой правовой идеологии.

В течение последующих 11 месяцев были составлены проекты судебных уставов: Учреждение судебных установлений, Устав гражданского судопроизводства, Устав уголовного судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

В. П. Бутков, передавая 22 ноября 1864 г. первый экземпляр судебных уставов С. И. Зарудному, указал, что «первый экземпляр по праву должен принадлежать С. И. Зарудному как лицу, которому новая судебная реформа в России более других обязана своим существованием». Именно С. И. Зарудный оказался душой и вдохновителем «могучей кучки» юристов, создателей как Основных положений, так и судебных уставов.

Мы не останавливаемся на трудностях, которые пришлось преодолевать служителям правосудия при открытии судебных палат и окружных судов. Только скажем, что первый министр юстиции Дмитрий Николаевич Замiatин при открытии первых судебных палат с честью и подобающим достоинством противостоял нападкам и давлению со стороны исполнительной власти и чиновничьего аппарата, не желавших мириться с новой судебной властью. Решительно и своевременно он отстаивал принятие обоснованных решений су-

да, а судей, выносивших такие решения, напротив, повышал в служебном положении.

Говоря о начале великой судебной реформы 1864 г., нужно напомнить об открытии Иркутской судебной палаты и Иркутского окружного суда 2 июля 1897 г., которые имели особое отношение к Основным положениям и судебным уставам.

Комитеты, комиссии, министерства, ведомства, Государственный совет и Сенат за 40 лет (1852–1892) так и не смогли выработать основ проведения судебной реформы в Сибири, которые соответствовали бы требованиям новой жизни, развитию демократических принципов правосудия.

Судебная реформа 1892 г. не внесла каких-либо изменений в судоустройство и судопроизводство в Восточной Сибири.

Сразу же после издания Учреждения местных судебных Установлений прежнего устройства в губерниях, управляемых по Особым губернским учреждениям 1892 г. назначается очередная комиссия для изучения положения судов в Сибири. Комиссия и должна была изучить и выявить реальное положение правосудия в Сибири. В состав комиссии вошли: товарищ министра юстиции Бутовский, бывший член консультации при министерстве юстиции Носов и член консультации М. П. Домерещиков. Бутовский осуществил проверку в Томской и Тобольской губерниях; Носов – в Иркутской губернии и Забайкальской области, а Домерещиков – в Приамурском крае. В 1894 г. комиссия закончила свою работу и представила собранные материалы в министерства юстиции.

1 января 1894 г. управление министерством юстиции было возложено на Николая Валерьяновича Муравьева, и продолжавшаяся долгие годы судебная реформа приобрела новый характер. Благодаря его деятельной натуре введение судебных уставов 1864 г. было осуществлено в течение четырех лет на всей территории Российской империи.

Карьера нового министра в качестве прокурора складывалась быстро и удачно. В 1870 г. по окончании университета он поступил в Московскую судебную палату кандидатом на судебные должности при московском прокуроре. Через два месяца он исполнял уже должность товарища прокурора Владимирского окружного суда. Обычно кандидаты первую половину года своей деятельности занимались

по гражданскому отделению, а вторую – по уголовному. Затем сдавали экзамены на должность старшего кандидата, и только после этого принималось решение о дальнейшей службе старшего кандидата. Муравьев оказался исключением из правил. Он сразу обратил на себя внимание своими познаниями в праве, энергичностью и целеустремленностью в осваиваемой профессии. В ноябре 1871 г. его направили товарищем прокурора Рязанского окружного суда. Но уже в 1873 г. он перевелся товарищем прокурора Московского окружного суда. В это время ярко проявились его ораторские таланты как прокурора. Обвинительные речи Николая Валерьяновича привлекли к себе внимание широкой публики. «Во время перерыва публика устраивала Муравьеву настоящую овацию. Прокурор был счастлив. Многие люди стали приходить в суд только затем, чтобы послушать талантливое обвинителя. Газеты пишут, что Муравьев стал цветом и надеждой прокуратуры»¹. Речь адвокатов, выступавших с ним в одном процессе, выглядели вялыми, скучными, неубедительными. Журналистка Е. И. Козминина писала: «Почти два дня длилась эта замечательная речь. Сильная и эффектная, она до такой степени захватывала внимание слушателя, что когда он яркими красками набрасывал какую-нибудь картину, так и казалось, что воочию видишь ее. Несомненно, что ни раньше, ни потом публике не удалось слышать ничего подобного. Массу прекрасных речей этого талантливого оратора слышали его современники, но по силе впечатления с речью по делу «валетов» не могла сравниться ни одна»². Наряду с активной практикой Муравьев читал лекции в Московском университете, публиковал статьи. 27 мая 1884 г. он был назначен прокурором Московской судебной палаты. В этой должности проявились его незаурядные способности как руководителя. Энергичный, он умело подбирал работников, тщательно организовывал деятельность аппарата, требовал точного и своевременного исполнения порученного дела, к работе относился не формально, а творчески и требовал подобного отношения к делу от своих подчиненных. «Не случайно лица, прошедшие его суровую школу, быстро продвига-

лись по службе, становились председателями судов, прокурорами палат и окружных судов»³. Особенно его организаторские таланты проявились в должности министра юстиции. До вступления его в эту должность (17.04.1894) судебные уставы Александра II не были еще введены в двадцати губерниях, в том числе в Сибири, Степном и Туркестанском краях и Закаспийской области.

Приступив к своим обязанностям, Николай Валерьянович развернул широкую программу по улучшению судебной части. С осени 1894 г. Муравьев начинает регулярные поездки по судебным округам. Он внимательно изучает фактическое положение дел в судах. Сначала он посетил судебную палату Варшавского судебного округа. Весной 1895 г. – судебные учреждения Кавказского округа, а осенью этого же года – судебные установления прибалтийских губерний. В первой половине 1896 г. Муравьев знакомится с Киевским и Одесским судебными округами. Эти длительные поездки, знакомство и беседы с должностными лицами, проверка множества деловых документов и отчетов дали министру богатый материал о действительном положении вещей на местах и позволили ему приступить к преобразованиям в самом министерстве.

С осени 1894 г. министр добился восстановления издания журнала «Министерство юстиции», упраздненного в 1870 г.

Министерство юстиции получает право дачи правовых заключений на все законопроекты, разрабатываемые министерствами и ведомствами, представляемые на рассмотрение Государственного совета.

Законом от 3 июля 1894 г. устанавливался новый порядок приведения к присяге присяжных заседателей не по каждому отдельному делу, а один раз на всю сессию их деятельности, что сохраняло время и устраняло бессмысленность увещевания духовного лица в святости присяги одним и тем же лицам и нередко в один и тот же день несколько раз.

Отменялся порядок командирования членов окружного суда на места для проверки докладов, которую стали осуществлять участковые мировые судьи, что снизило на 10–25 % суммы исков.

Циркуляром от 17 октября 1895 г. вводился новый порядок делопроизводства судебных

¹ Звягинцев А., Орлов Ю. Самые знаменитые юристы России. М., 2003, С. 244.

² Там же. С. 246.

³ Там же. С. 248.

мест. Сокращалось количество составляемых в канцелярии судов деловых бумаг. Отменялся формализм при составлении документов: запрещались повторы, добавления, не имеющие отношения к делу, различные вставки, не отвечающие требованиям закона. Председателям и прокурорам судебных мест предлагалось пересмотреть установившуюся практику в делопроизводстве и применять меры к упрощению и сокращению излишних формальностей в деловой переписке с судебными местами и частными лицами. 13 февраля 1895 г. издается высочайший указ о передаче министерству юстиции заведывание тюремной частью и пересылкой арестантов.

В ноябре 1895 г. при министерстве юстиции было открыто благотворительное общество, целью которого становилось оказание материальной помощи нуждающимся членам судебного сообщества. К 1 сентября 1896 г. денежные средства общества составляли 122 тыс. руб. Установленные оклады судьям за 30 лет до этого оставались неизменными, хотя за это время цены на многие товары значительно выросли, нередко судьбы находились в бедственном положении. Муравьев добился установления 250 новых добавочных окладов, которые и были распределены между 573 членами окружных судов из 1149.

Все изложенное выше показывает незаурядные организаторские способности Н. В. Муравьева. Он успевал одновременно заниматься многими вопросами управления министерством юстиции.

Вместе с тем Муравьев оставался достаточно противоречивой фигурой.

30 апреля 1894 г. в Государственном совете Муравьев выступил с докладом о пересмотре судебных уставов 1864 г. Признавая прогрессивность их принципов и основных положений, он отметил: «Это в сущности общепризнанные и наилучшие из до сих пор выработанных в цивилизованном мире ручательства того, что закон будет точно применен и что каждый из судящихся получит по заслугам»¹. Однако несколько ниже он тем не менее предложил пересмотреть судебные уставы как не отвечающие интересам новой жизни и пояснил, например, что несменяемость судей не согласовывается с основами государственного права. И действительно, государство все еще

остается феодальным, и следовательно, должно действовать феодальное право, а не буржуазное, в котором принцип несменяемости судей является естественным и необходимым условием правосудия. По мнению Муравьева, возникло противоречие в том, что феодальное правительство не обладает средствами немедленно устранить возникающий беспорядок в судах. Он имел в виду принцип несменяемости судей, который необходимо ограничить, так как судьбы, как и все подданные, должны подчиняться верховной воле монарха.

Возникшие противоречия в одной речи показывают перерождение талантливого прокурора в должности министра юстиции. Как министр-юрист Муравьев осуществил значительные улучшения деятельности судебных установлений. Именно он завершил судебную реформу 1864 г. введением на всей территории Российской империи судебных уставов императора Александра II, что уже является выдающимся вкладом в развитие правосудия и формирование правового пространства Российской империи.

Как законодатель-политик, автор проекта пересмотра судебных уставов 1864 г. он оказался в плену узкой сословной идеологии дворянства, направленной на сохранение прав и привилегий дворянства и отживающего феодального государственного устройства. В докладе 1894 г. противоречия Муравьева обнаружались с наибольшей очевидностью. С одной стороны, он признает принципы буржуазного права: суд должен быть гласный, процесс состязательный, должно соблюдаться равенство сторон в процессе, суд должен быть государственный, оценка доказательств осуществляться по свободному внутреннему убеждению судьбы. С другой стороны, независимость судьбы и его свободное волеизъявление все же должны зависеть от державной воли монарха: «Там, где нет ни политических партий, ни их вражды, влияющей на суд, а есть лишь государственное правосудие, отправляемое правительственными учреждениями от имени Императорского Величества, что может там быть острого и циничного признать и ясно, прямо выразить, что и судьбы наравне со всеми верноподданными слугами отечества подлежат в том или ином направлении действию непосредственного усмотрения Самодержавной власти, и что, вместе с тем, правительство должно всегда иметь возможность быстро водворить в суде

¹ Звягинцев А., Орлов Ю. С. 474.

нарушенный порядок или избавиться от недостойных деятелей»¹.

Таким образом, независимость судей как принцип буржуазного права неприемлем в российской жизни, ибо судьбы наравне со всеми верноподданными слугами подлежат усмотрению самодержавной власти.

По мысли Муравьева, судьбы – это верноподданные слуги, от которых в случае необходимости можно избавиться. Министр усиливает мысль об ограничении независимости судей тем, что в утвердительной форме говорит о пересмотре и «исправлении» принципа независимости судей. Здесь мы видим Николая Валерьяновича полной своей противоположностью в том, что он говорил о великом значении судебных уставов 1864 г. и о принципах буржуазного права, на которых они основаны. К этому времени его либеральные взгляды начинают меняться и он постепенно превращается в яркого реакционера, достойного представителя господствующего класса феодалов.

Но в начале своей деятельности, в качестве министра юстиции, Николай Валерьянович еще оставался на позициях строителя единого правового пространства Российской империи.

К 1894 г. даже в Центральной России не везде была осуществлена судебная реформа. Судебные уставы Александра II не действовали в Архангельской, Олонецкой, Оренбургской, Уфимской губерниях и в пяти уездах Вологодской губернии. При этом в Олонецкой, Оренбургской и Уфимской губерниях вопрос о полном введении судебных уставов был решен в 1892 г. Однако только в мае и июне 1894 г. судебные уставы были введены там, когда министром юстиции стал Н. В. Муравьев. Таким образом, новые судебные установления оставалось открыть в Архангельской губернии, северо-восточной части Вологодской и на окраинах Российской империи: Сибири, Туркестане, Степном крае и Закаспийской области.

Муравьев разработал подробный план по введению Уставов Александра II в действие на всей территории империи.

Осенью 1894 г. была организована новая комиссия под председательством товарища министра, сенатора, тайного советника П. М. Бутовского для составления предложений об улучшении судебной части в губерниях

и областях Сибири на основании материалов, собранных в период 1892–1894 гг. В комиссию вошли представители от всех заинтересованных министерств: внутренних дел – А. С. Стишинский, финансов – М. Д. Дмитриев, императорского двора – М. И. Струков, земледелия и государственных имуществ – П. П. Маскальский, путей сообщения – А. Д. Арбузов, военного – А. А. Милютин, юстиции – В. Р. Завадский, Н. Э. Шмеман, С. С. Манухин, М. П. Домерещиков, И. В. Мешанинов, Ф. А. Пель, Н. И. Харизаменов, С. Г. Коваленский, А. Н. Лубенцов.

Рассмотрев представленные материалы, собранные П. М. Бутовским, Носовым и Домерещиковым, комиссия пришла к заключению, что без решительных преобразований системы сибирских судов и прежнего судопроизводства невозможно успешно завершить судебные преобразования в Сибири.

К концу 1895 г. комиссия составила проект Временных правил об устройстве судебной части в губерниях и областях Сибири, который был направлен для согласования в соответствующие министерства. После незначительных изменений министерство юстиции в феврале 1896 г. внесло проект на рассмотрение Государственного совета.

6 апреля 1896 г. Н. В. Муравьев представил доклад в Государственном совете в заседании соединенных департаментов законов, государственной экономии и гражданских и духовных дел, который был прямо противоположным докладу от 30 апреля 1894 г. Доклад Муравьева был глубоко продуманным, правильно спланированным, последовательным, представленные в нем факты красноречивы и произнесены с убедительной аргументацией, эмоционально и в то же время математически точно. На этот раз Муравьев выступил в большей степени юристом-профессионалом, энергичным сторонником уставов 1864 г. Он открыто показал отрицательные стороны сибирского правосудия: «...судебная часть в сибирских губерниях и областях находится в самом неудовлетворительном, поистине безотрадном состоянии. Она осталась далеко позади неудержимо развивающихся жизненных потребностей этого великого края, его положение близко к бессудию и несправедливости и совершенно не соответствует достоинству правительственной власти»².

¹ Муравьев Н. В. Из прошлой деятельности. Речи и сообщения. СПб., 1900. Т. 2. С. 481.

² Муравьев Н. В. Указ. соч. С. 390.

Упрек, брошенный правительству, он подчеркнул словами, сказанными императором: «...правительство до сих пор почти ничего не сделало для удовлетворения потребностям этого богатого, но запущенного края»¹.

В докладе были отражены те мысли о сибирском правосудии, которые высказывались ранее Миловецким, Вагиным, Анучиным, Игнатьевым, Клоповым и др. По существу, доклад государственного деятеля-юриста был наполнен жизненной правдой о сибирском правосудии, критикой грабительской политики правительства, открыто высказанной в Государственном совете и ставшей блестящей защитой интересов сибирского края.

Как опытный оратор, Муравьев начал свою речь с утверждения, что нет нужды в пространных доказательствах о необходимости распространения на Сибирь судебного преобразования. Однако далее он и приступил к доказательствам, рисуя общую картину произвола и бесправия в сибирском обществе, лишенного элементарных прав и свобод и защиты своих интересов: «Сибирь поразительно ушла вперед и ныне она настоятельно требует преобразованного суда»². Говоря о попытках правительства осуществить судебные улучшения в 80-х гг., он не без иронии заметил, что в Восточной Сибири не удалось достичь ощутимых перемен: «...заплаты не обновили изношенной одежды. Здравый смысл и практический опыт и добросовестное наблюдение над сибирскою действительностью с неотразимою убедительностью показали, что постепенно улучшать и исправлять старые сибирские суды бесцельно, что это значило бы тратить даром людей и деньги и что единственный разумный выход из настоящего положения заключается в решительном преобразовании судебных установлений по типу, принятому для всей империи, по началам и системе судебных Уставов»³.

Ранее проведение судебной реформы в Сибири всегда встречало те или иные трудности: финансовые, политические, неразвитость населения и др., теперь же «...министерство юстиции уже не только не встречает непреодолимых трудностей в применении судебной реформы к возрождению Сибири, но призна-

ет эту меру делом первостепенной, вполне назревшей, неотложной государственной надобности»⁴. Здесь мы видим, что Николай Валерьянович смог преодолеть узость дворянской идеологии, убедительно обосновав необходимость смены грабительской политики правительства по отношению к Сибири, провозгласив покровительственную, протекционистскую политику развивающейся Сибири. Он предложил отделить власть судебную от административной, приблизить суд к населению, изъять из ведения полиции следственное производство, установить принципы доступности, быстроты и простоты судопроизводства, его гласности, устности и состязательности. «По моему мнению, одним из главных вопросов, проектированного для Сибирского судопроизводства, является учреждение единоличных судей, подвижных и близких к населению»⁵.

В этой речи мы видим Муравьева не как представителя дворянского сословия, а как юриста – профессионала, стоящего на прогрессивных позициях передовой идеологии буржуазного правосудия. Противоречие, высказанное им в двух речах, говорит о сложности этой натуры, в которой ярко отразились имевшиеся противоречия общественного развития России конца XIX в. В одной речи он выступает как юрист, а в другой – как чиновник-дворянин. Это можно подтвердить еще одним примером. В 1891 г. вышло третье издание «Руководства для волостных судов в местностях, где учреждены земские участковые начальники», составленного Н. В. Муравьевым. В нем автор стоит на позициях сословного суда, в котором власть судебная соединена с властью административной: «Ближайшее начальство над волостным судом составляют в уезде – земский участковый начальник, уездный съезд и уездный предводитель дворянства, а высшее начальство по губернии – губернское присутствие и губернатор»⁶. Земский начальник осуществляет надзор за волостными судами своего участка, утверждает судей в должности, налагает на них взыскания, временно может отстранить судей от должности, ставит вопрос об их увольнении и привлечении к уголовной ответственности. Из этого руко-

⁴ Там же. С. 393.

⁵ Там же. С. 395.

⁶ *Муравьев Н. В.* Руководство для волостных судов в местностях, где учреждены земские участковые начальники. М., 1891. С. 9.

¹ *Муравьев Н. В.* Из прошлой деятельности ... С. 391.

² Там же. С. 392.

³ Там же.

дства видно, что Муравьев считал волостные суды лучшей формой правосудия на местах. В своей речи от 6 апреля 1896 г. он отмечает, что в комиссии министерства юстиции стоял вопрос о введении в Сибири земских начальников и дает аргументированное обоснование невозможности применения их в Сибири: «Министерство юстиции полагает, что устройство в Сибири местного суда путем безраздельного вручения его земским начальникам повредило бы всему делу судебного преобразования»¹.

В Центральной России земские начальники являются представителями дворянского сословия, олицетворяющего в его глазах и честь, и достоинство, и благородство, и образованность. В Сибири же главное лицо – это чиновник, «который при малом служебном уровне и цензе, вдалеке от начальства, соединит в своем лице и попечителя, и начальника, и единственного в местности судью. Безошибочно можно предсказать, что со всеми этими обязанностями он не справится»².

В своей речи он нередко прибегает к образным выражениям, которые помогают сделать наглядней высказанную мысль: «Ведь близкая к народу власть не тем полезна и сильна, какой мундир на ее носителе, и не тем, что она в широких размерах может все: и распорядиться, и решать, и пресекать, и наказывать, а тем, что точно определенные ее обязанности действительно выполнимы в пределах средней человеческой возможности, что она внушает общее к себе доверие, что распоряжения ее разумны, закономерны и небесконтрольны»³.

Сибирь – это огромные расстояния, бездорожье, значительная отдаленность населенных пунктов от центров, поэтому именно для Сибири соответствует пословица «До Бога высоко, до Царя далеко», говорит в своей речи Муравьев.

Министр юстиции коснулся еще нескольких проблем сибирского правосудия, зависящего от особенностей региона. Это отдаленность края от центральной России с неизмеримо большими расстояниями между городами, малочисленность населения, неразвитость экономики и действие обычаев инородцев.

Во-первых, в Восточной Сибири имелись такие отдаленные места, добраться до которых составляло большие трудности: Анадырь, Уссурийск, Нарымский край, острова Тихого океана и др., «...куда лишь изредка докатывается волна экономического оборота, в таких местностях нельзя, очевидно, утверждать постоянных судебных органов, однако учреждать в них временные судебные участки, периодически посещаемые разъездными судьями. Таким образом, новый суд все-таки приблизится к сибирским тундрам и тайгам, но он, по крайней мере, не будет ими поглощен и сведен к нулю»⁴.

Малочисленность населения, неразвитость экономики и большие расстояния привели к необходимости совместить в одном лице две должности: судьи и следователя. Комиссия министерства юстиции и Муравьев ссылались на кавказский опыт: «При этом совмещении в одном лице судьи и следователя вовсе не грозит в Сибири теми теоретическими трудностями, которые, не вдаваясь вглубь вопроса, обыкновенно выставляют против такого совместительства»⁵. Однако на практике стали встречаться случаи с обратным результатом. Нередко судьи не имели возможности успешно осуществлять функции и судьи, и следователя, и нотариуса.

Мировой судья Нижнеудинской округи Иркутского окружного суда Н. Н. Большаков «...пришел к выводу, что созданный для губерний и областей Сибири институт мировых судей не в состоянии осуществлять возложенных на него функций»⁶. 29 октября 1897 г. он подал прошение об отставке. Старший председатель Иркутской судебной палаты Кастринот-Скандерберг пытался удержать его в должности мирового судьи, однако Большаков не изменил своего решения и был уволен в отставку.

Это, конечно, редкий случай, но впоследствии достаточно часто в отчетах мировых судей эта проблема звучала вновь и вновь. И наконец, особенность инородческих судов, которые сложились на основе обычного права. «Положение об инородцах» М. М. Сперанского продолжало еще действовать, но оно уже

⁴ Там же. С. 402.

⁵ *Муравьев Н. В.* Из прошлой деятельности. Речь и сообщения. С. 398.

⁶ Административно-судебная система Восточной Сибири конца XIX – начала XX века в лицах и документах: материалы к энциклопедии. Иркутск, 2004. С. 73.

¹ *Муравьев Н. В.* Из прошлой деятельности. Речь и сообщения. В 2 т. Т. 2. СПб, 1900. С. 398.

² Там же.

³ Там же. С. 397.

мало отвечало новым общественным отношениям. «Полная реорганизация народного суда внутри инородческих племен, требующая предварительного соображения и многих местных справок, есть дело для будущего»¹, – говорит Муравьев. В последней части своей речи министр рассматривает проблему штатов судебных деятелей. Нехватка правоведов все еще давала о себе знать в России. В связи с этим министерство юстиции добивалось открытия юридического факультета в Томском университете, «и тогда Сибирь получит свой центр юридического образования»². Кроме того, Н. В. Муравьев говорит об установлении повышенных окладов, подъемных и проездных деньгах, о периодическом увеличении окладов, пенсий, о повышениях в должностях.

Речь его, спокойно начатая, все более усиливалась. Он использовал широкую гамму приемов ораторского искусства, что говорит о глубоком понимании стоявшей перед ним проблемы введения судебных уставов 1864 г. в Сибирь. Она напоминала речь адвоката, в которой факты подвергаются исследованию с использованием метафор, исторических сравнений, убедительностью логических построений, эмоционально окрашенной аргументацией. Конец речи особенно отличался своей убедительностью, эмоциональностью и возвышенностью стиля: «По справедливости следует признать, что чуть не со времен Ермака, в далекой смене столетий, Сибирь неизменно отставала от всех культурных успехов и приобретений покорившей ее Руси и, многое давая ей, взамен получала лишь одну печаль: Сибирь отдавала свои обильные естественные богатства и драгоценности, свои обширные пространства для заселения, а получала только ссылку, каторгу, подонки нашего общества, отбросы наших деловых порядков. Теперь для Сибири началась новая жизнь, настали дни могучего развития и обновления. Скоро из края в край ее прорежет, на славу России и нашего времени, величайший в мире железнодорожный путь, этот реальный соединитель человечества, знаменующий для него блага цивилизации и прогресса. По глубокому мо-

ему убеждению настала пора в числе этих благ принести в Сибирь и благо правосудия»³.

8 мая 1896 г. рассматриваемый законопроект обсуждался общим собранием Государственного совета в Москве, и, сделав в нем некоторые исправления, Государственный совет высказал мнение о применении судебных уставов в губерниях и областях Сибири.

11 мая 1896 г. была сделана выписка из журналов соединенных департаментов и Общего собрания мнения Государственного совета. По рассмотрении представления министра юстиции об устройстве судебной части в губерниях и областях Сибири мнением Государственного совета были положены проекты:

I

1. Временных правил о применении судебных уставов в губерниях и областях Сибири.
2. Временных штатов судебных установлений в губерниях и областях Сибири.
3. Временного дополнительного штата Казанской судебной палаты.
4. Расписания окружных судов по округам Казанской и Иркутской судебных палат направить на утверждение императора.

II

Мнением Государственного совета в Сибири были учреждены по опекунским делам присутствия. Председателем присутствий избирается один член местного окружного суда на общем собрании отделений.

Делопроизводство присутствий осуществляется в канцеляриях окружных судов.

В III отделе положения о словесной расправе кочевых и бродячих инородцев исковые дела осуществляются в окружных судах после рассмотрения их во всех степенях словесной расправы (ст. 75, 80, 81 Положения об инородцах). Дела такие рассматриваются на основании Свода законов (т. XVI, ч. 2, изд. 1892 г.) с соблюдением правил и положения о судопроизводстве гражданском. Решения окружных судов обжалованию не подлежат.

С открытием новых судебных установлений упразднялись губернские и окружные суды. Председатели и прокуроры дореформенных судов, если они не получали назначений, оставались за штатом на общем основании⁴.

¹ Административно-судебная система ... С. 403.

² Там же. С. 404.

³ Административно-судебная система Восточной Сибири конца XIX начала XX века в лицах и документах: материалы к энциклопедии. Иркутск, 2004. С. 406.

⁴ По ведомству Министерства юстиции // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1896. № 6. С. 32.

В VIII отделе определялся срок введения новых судебных установлений – со второй половины 1897 г.

В отделе IX определялся порядок открытия новых судебных установлений.

В отделах XII и XIII определялся порядок финансирования на 1897 и 1898 гг.

На содержание старых судов первой половины 1897 г. выделялось 306 970 руб., на введение новых выделялось 600 000 руб. и на содержание их во второй половине 1897 г. – 511 850 руб.

Наконец, в отделе XIV министру юстиции давалось право представить кандидатуры на должности старшего председателя и прокурора Иркутской судебной палаты в 1896 г. и обнародовать настоящие узаконения.

13 мая 1896 г. император утвердил Мнение Государственного совета: «Быть по сему».

15 мая 1896 г. император Николай II издал указ «Высочайший рескрипт на имя министра юстиции Н. В. Муравьева», которым он возложил на министра проведение всех необходимых мер для открытия новых судебных установлений в Сибири.

Наконец, министр юстиции Н. В. Муравьев в сопровождении многочисленного штата чиновников министерства юстиции 13 июня 1897 г. выехал из Санкт-Петербурга в Иркутск для осуществления торжественного открытия новых судебных учреждений в Восточной Сибири. В дороге они почти нигде не задерживались, останавливались главным образом для ночного отдыха. Иногда по пути министр пользовался возможностью познакомиться и переговорить с судьями местных судов и расспросить их о сложных вопросах их деятельности.

В Иркутск министр юстиции прибыл 29 июня 1897 г. в 20 часов, и на пристани Немчинова его встречали с хлебом и солью.

За несколько дней до открытия судебных установлений здание суда было украшено цветами, флагами и транспарантами. С утра 2 июля у здания суда собрался народ. С 11 часов стали появляться должностные лица, приглашенные на открытие судебных установлений. В 12 часов в здании суда собрались все прибывшие чиновники министерства юстиции. Генерал-губернатор А. Д. Горемыкин, архиепископ Иркутский и Верхотенский высокопреосвященный Тихон и епископ Евсевий со-

провождали министра юстиции и директоров 1-го и 2-го департаментов.

Войдя в зал суда, высокопреосвященный архиепископ Тихон обратился к собравшимся со следующими словами: «Милостивые государи и братья, нашей стране дается ныне реформенный суд, и мы собрались сюда на открытие новых судебных установлений личным распоряжением его высокопревосходительства господина министра юстиции. Страна наша, как страна изгнания для преступников, несет на себе тяжелое иго ссыльно-каторжного элемента, в нравственной атмосфере сибирского народонаселения пороки и разного рода злодеяния этого элемента очень ощутительно дают о себе знать, неблагоприятно отражаясь на всех сторонах жизни его: нравственно-религиозной, экономической, семейно-общественной. Ввиду этих обстоятельств сибирской страны вам, почтенные судьи, предстоит нелегкий труд, потребны могучие силы и уменье, чтобы справиться со своею задачею – творить скорый и правый суд, чтобы держать людей, склонных к нарушению законов, в пределах законности.

Верховный Судья всего мира, Бог, дал суд на земле царям, а через них и судьям. Суд же Божий есть суд праведный и нелицеприятный; у Него нет ни богатого, ни бедного, ни великого, ни малого, нет знатного и незнатного, но все в равном достоинстве, всякому воздает Он по делам его и по начинаниям сердца его – есть суд строгий и непреклонный, есть суд милостивый и милосердный, который, наказуя грешников, щадит в нем человека. Таков суд должен быть на земле в руках поставленных судей. В благотворной судебной деятельности мало иметь юридическое образование, опытность, выработанную практикой, – надобно еще иметь и влагать душу, иметь ум, просвещенный светом разума, совесть добрую призванных сюда судей, чтобы проходили они свое служение свято и праведно к пользе доброго нам отечества. Аминь»¹.

Вдохновенная речь Тихона была проникнута знанием сибирской жизни, глубоким пониманием права, точным знанием целей и задач правосудия и назначения его для общественного развития. В краткой речи своей архи-

¹ По ведомству Министерства юстиции // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1897. № 8. С. 121–122.

епископ сумел раскрыть существо нового буржуазного правосудия.

После этого министр юстиции обратился к присутствующим с речью, которую начал словами: «Всемиловейший государь просил меня объявить, что настал для Сибири великий, знаменитый день – день повсеместного введения в ней новых судов, образуемых по Судебным Уставам Императора Александра II. Долго ждала Сибирь этого дня, давно стремилась она к благам обновленного для всех единого правосудия»¹.

В Восточной Сибири к концу XIX в. старый дореформенный суд и обычное право инородцев еще господствовали на всем ее пространстве, что значительно тормозило развитие производительных сил общества, социальных и культурных связей и других отношений развивающейся Сибири. Министр юстиции продолжал: «...расширяющийся в Сибири промышленный и торговый обмен, наше поступательное цивилизаторское движение с запада на восток отныне по великому сибирскому пути – все вызывает и соответствующую закономерную и действительную охрану права благоустроенным и скорым судом. Без нее невозможна и беспорядочна бы была новая жизнь, уже зарождавшаяся на сибирском пространстве»².

Речь Муравьева захватывает слушателя и держит его внимание до конца. Нарисованные им образы и картины поражают своей правдивостью, простотой и убедительностью: «Холодны сибирские зимы, непроходимы снега, еще пустыньны горы, беспредельна тайга, – но среди них живут и работают люди, заслуживающие охраны, не лишённые прирожденного права на правду и милость»³.

В своей речи Муравьев остается на позициях передовых правовых идей. Ниже приводится небольшой ее фрагмент, характеризующий Муравьева как выдающегося юриста.

«Современным формам суда соответствуют и высокие начала судебного производства. Обеспечивая полное раскрытие судебной истины, они представляют итог того, до чего в течение целых столетий додумалось человечество в области правосудия. Суд совершается

устно, т. е. судьи видят перед собою живых людей, слышат живую речь, судят по непосредственным личным своим впечатлениям, а не по мертвым бумагам, которые так часто бывают слепы и глухи к живой правде. Суд творится публично, открыто, на виду у всех, на глазах у общества и не с неограниченным, как бы едва терпимым допущением посторонних слушателей и зрителей, а с тою широкою, обычною гласностью, которая, составляя основную черту новой юстиции, вошла в плоть и кровь ее, предполагая не одно только удовлетворение любопытства или любознательности, на свободное обсуждение, критику. Сбросив оковы феодализма и письменности, выведенный на свежий воздух из мрака и духоты канцелярии, новый суд не столько разыскивает, сколько со спокойствием беспристрастности разрешает без ухищрений, по закону и убеждению, происходящий перед ними правомерный суд двух равноправных сторон: обвинителя и обвиняемого, истца и ответчика. Всякий считается правым и честным, пока противное не будет доказано тем, кто ищет или обвиняет. Из столкновения фактов и мнений добывается истина, но всякое в ней сомнение толкуется не в сторону подозрения или взыскания, а в пользу правоты и невинности. Суд ведает по делам, не по лицам; перед ним равны сильный и слабый, богатый и бедный; суд воздает каждому должное, но помнит, что кому много дано, с того много и взыщется. Суд признает в каждом, перед ним предстоящим, его человеческую и гражданскую личность, его неотъемлемые права. Даже карая и взыскивая, суд бережет человека, а не угнетает и не унижает его. И самый закон прилагается новым судом не как механическое сухое воздействие на людей, а как благотворная сила, вносящая в общежитие мир, покой и порядок. Общественная жизнь и частное личное существование должны сделаться легче при новом суде. Он зорко стоит на страже их интересов, молчаливый и незаметный при соблюдении прав, грозный при его нарушении. Все эти главенствующие очертания вводимого здесь нового суда – все эти положения простые, почти азбучные, но их впервые в их целостности провозглашает в Сибири властный голос закона, и им держится лучшее гражданское достоинство человека – уверенность в своем законном пра-

¹ *Муравьев Н. В.* Из прошлой деятельности. Речи и общения. СПб., 1900. В 2 т. Т. 2. С. 407.

² Там же. С. 408.

³ *Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г.* Призванные отечеством. Российские прокуроры 1722–1917 гг. М., 1997. С. 418.

ве, действительная защита от всякого на него посягательства»¹.

Сегодня одной из важнейших задач проводимой судебной реформы также является приближение суда к народу, к человеку. Сделать его доступным и равным, восстановить доверие народа к суду и законности. Общественный интерес, интерес личности, да и сама личность становятся центром действия правосудия, формирующего порядок социального бытия, при котором только и возможна жизнь цивилизованного человека.

Далее Муравьев обратился непосредственно к тем, кто и должен был создать этот новый порядок в Сибири, с отеческим наставлением и предупреждением о той ответственности, которая ложится на судей Иркутской судебной палаты перед обществом и гражданином: «Но я все-таки считаю нужным указать судебным чинам, что они и суд их существуют для общества, граждан, а не обратно; что доверие и уважение населения приобретается только терпением и внимательностью ко всякому обстоятельству, ко всякой надобности, как бы маловажно оно не оказалось; что для суда ничтожных дел нет, а есть только дела простые и сложные, ясные и запутанные, правовые и не правовые. И еще скажу я сибирским судебным деятелям, что если суд их не будет скор, а действия в одно и то же время осмотрительны и решительны, то трудно рассчитывать на успех; нужно заставить Сибирь забыть о былой волоките, от которой она страдала, не менее, чем от неправды»².

В своей речи Муравьев не просто наставляет и поучает судей, он говорит о жизненной правде и мудрости безыскусно и свободно, в речи нет напряжения или показного любования. Правовая мысль министра не расходится с требованиями жизни, а совпадает с ней.

Завершает свою речь Николай Валерьянович словами: «От господ судей Иркутской судебной палаты и окружных судов ее огромного округа будет зависеть так поставить и суд, и судебный надзор, чтобы потерпевшие и обиженные находили в суде оплот и прибежище, а не тяготу или бремя, чтобы виновные и обидчики в самой каре закона встречали справедливое воздаяние, а не жестокою мсть»³.

Сказанная им речь сто с лишним лет тому назад и сегодня звучит современно. Неслучайно, будучи еще товарищем прокурора Московского окружного суда, он прославился своим выступлениями и считался лучшим обвинителем. «После его речей выступления защитников, особенно из молодых, выглядели бледно и бесцветно. Даже адвокаты вынуждены были признать, что речь обвинителя произвела изумительное впечатление. Она настолько ошеломила, что нужно было приложить немало усилий, чтобы прийти в себя, отбросить увлечение и пыл фантазии и призвать на помощь холодную силу разума»⁴.

Талантливый и блистательный А. Ф. Кони, обладавший даром слова, назвал Н. В. Муравьева – «говорящий публично судья».

Окончив свою речь, Муравьев объявил по высочайшему повелению закрытыми судебные учреждения прежнего устройства и открытие новых судебных установлений в Восточной Сибири. После этого была снята завеса с мраморной доски, вделанной в одну из стен здания суда, и присутствующие увидели на доске золотую надпись: «Повелением Императора Николая II Иркутские судебные установления открыты 2-го июля 1897 года Министром юстиции статс-секретарем Муравьевым»⁵.

¹ *Муравьев Н. В.* Из прошлой деятельности. Речи и сообщения. С. 418.

² Там же. С. 414.

³ Там же. С. 415.

⁴ *Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г.* Указ. соч. С. 514.

⁵ Иркутский Адрес-календарь на 1897–98 гг. Иркутск, 1897. С. 140.

150 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЕ

150 YEARS OF THE GREAT JUDICIAL REFORM

Н. Г. Кулик

*первый заместитель директора Восточно-Сибирского филиала
Российского государственного университета правосудия,
заслуженный юрист Российской Федерации
первый квалификационный класс судьи,
судья в почетной отставке,
член координационного совета международного «Союза юристов»,
председатель Иркутской областной общественной
организации «Союз юристов»*

В статье проанализированы истоки судебной реформы, проведенной Александром II в 1864 г., дана характеристика подготовительной работы над судебными уставами, исследуются основные идеи, составившие концепцию судебной реформы и судебных уставов: Учреждения судебных установлений; Устава уголовного судопроизводства; Устава гражданского судопроизводства; Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Проанализированы основные положения уголовного и гражданского судопроизводства, дана характеристика судебной системы и судебного рассмотрения.

The article analyzes the origins of judicial reforms of Alexander II in 1864, the characteristic of the preparatory work on the judicial charters, examines the major ideas that formed the concept of judicial reform and Judicial statutes: the Establishment of courts of justice; of the Statute of criminal proceedings; Statute of civil procedure; Statute of the sentences imposed by the magistrates; the main provisions of the criminal and civil proceedings, the characteristic of the judicial system and judicial review.

Ключевые слова: судебная реформа, судоустройство, судопроизводство, Устав уголовного судопроизводства, состязательность, суд присяжных.

Keywords: judicial reform, judicial system, judiciary, Constitution of criminal justice, competition, trial by jury.

Предисловие

Исторические эпохи воспитывают и призывают к управлению государством, как правило, людей выдающегося ума и воли, одержимых грандиозными общественными идеями. И по-разному складываются их судьбы. Одни навсегда оставляют след в памяти народной, другие – становятся представителями и выразителями тех начал, которые, даже не осуществленные до конца, оказывают благотворное влияние на последующую общественную жизнь.

Великая судебная реформа началась задолго до принятия уставов 1864 г.

Многим знаменито начало XIX в.: новым и последним дворцовым переворотом; всеобщим недовольством дворянства; неправдами и угнетением везде и во всем, в том числе и в правосудии; господством безнаказанности сверху донизу. Безграничная власть помещика над крестьянином была своего рода узаконенным бесправием.

Приход Александра I и его план государственного преобразования так и не был приве-

ден в жизнь полностью, несмотря на убеждения М. М. Сперанского (человека просвещенного, интеллектуала и философа) ввести новую систему государственного правления, фундаментальные и непременные законы, гарантирующие прогрессивное развитие страны.

М. М. Сперанский шаг за шагом подводил царя к необходимости безотлагательных реформ. Он предлагал сконцентрировать законодательную власть в новом органе – Государственной Думе, исполнительную передать министрам, а судебную – Сенату. Вскоре великий реформатор попадает в царскую немилость, и далее ссылка, другая ссылка – Сибирь.

С приходом Николая I немного происходит преобразований в империи. Первоочередной, точнее в числе первоочередных задач его царствования, была необходимость кодификации законов. На отсутствие должного порядка в законодательстве указывали в своих показаниях и декабристы. Но сам Николай I главную цель кодификации видел в том, чтобы она, не вводя никаких новшеств, упорядочила бы рос-

сийское законодательство и тем самым обеспечила более четкую, твердую основу российского абсолютизма. Для решения этой задачи Николаем I был назначен М. М. Сперанский, хотя отношение царя к нему было сдержанным.

Это был грандиозный труд. Сам Николай I назвал его монументальным.

19 января 1833 г. состоялось заседание Государственного совета, посвященное обсуждению свода законов. При открытии заседания большую речь произнес император Николай I (потом М. М. Сперанский вспоминал: «Государь говорил умно, как профессор»).

Окончив говорить, Николай I подозвал М. М. Сперанского и возложил на него снятую с себя ленту ордена Андрея Первозванного, а несколько позже М. М. Сперанский награждается орденом Белого Орла за составление свода военных постановлений.

Занимаясь кодификацией законов, Сперанский столкнулся с необходимостью подготовки компетентных юристов, и именно им фактически было положено начало специальному юридическому образованию в России. В 1828 г. М. М. Сперанский представил императору записку о введении в университетах специальности российского законоведения (в то время изучали преимущественно римское право). Уместно отметить и то, что в 1834 г. Николай I поручил М. М. Сперанскому преподавание основ права наследнику престола Александру Николаевичу, будущему Александру II, который впитал идеи гения добра, человека редкого природного благородства.

С 1 января 1835 г. на всей территории Российской империи вступают в действие 56 томов Полного собрания законов Российской империи и 15 томов свода законов Российской империи. Управление из требуемого рода учреждений, законодательных и судебных, получает свое развитие.

В этом же году по предложению Сперанского было основано Императорское училище правоведения, в котором продолжали обучение учащиеся Царскосельского лицея. Из училища вышли видные правоведы, которые стали профессорами в российских университетах. Именно воспитанники этого училища подготовили и провели судебную реформу 1864 г.

В царствование Николая I, уже в первый год со всей остротой вырисовался крестьянский вопрос, который нашел свое разрешение только с приходом на трон Александра II в 1861 г.

Судебная реформа 1864 г.

23 октября 1861 г. Александр II, вернувшись из Ливадии, заслушав доклад Государственного секретаря Владимира Петровича Буткова по выработке законов о судостроительстве и судопроизводстве, утвердил Указ «Основные положения преобразования судебной части в России», который определял последовательность разработки и рассмотрения документов будущей судебной реформы.

В первую очередь подлежали разработке главные начала судопроизводства и судостроительства. Во вторую очередь – подготовка судебных уставов.

Участие в работе Государственной канцелярии, которой проводилась эта работа, приняли выдающиеся ученые, юристы России: С. И. Зарудный, К. П. Победоносцев, В. И. Бутков, Н. И. Стояновский, Д. Н. Замятин, Д. А. Ровинский, Н. А. Буцковский, А. Н. Плавский и др.

Опубликованные Основные положения судебной реформы впервые широко обсуждались в обществе. Вскоре под руководством Буткова Комиссия приступила к разработке судебных уставов. В декабре 1863 г. В. П. Бутков официально направил министру юстиции Д. Н. Замятину проекты судебных уставов. В соответствии с высочайшим повелением министерство юстиции должно было представить свои замечания по этим проектам в Государственный совет.

Рассмотрение проектов судебных уставов и замечаний на них в Государственном совете закончилось 2 октября 1864 г. и в начале ноября были одобрены общим собранием Совета.

20 ноября 1864 года последовал высочайший указ, в котором отмечалось: «Рассмотрев сии проекты, Мы находим, что они вполне соответствуют желанию Нашему водворить в России суд скорый, правый, милостивый, равный всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем действий всех и каждого, от высшего до низшего». Призвав за благо утвердить:

1. Учреждение судебных установлений;
2. Устав уголовного судопроизводства;
3. Устав гражданского судопроизводства;
4. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями».

Император на подлинном собственноручно написал: «Быть по сему». Это было начало великой судебной реформы.

В области судопроизводства судебные уставы провозгласили самостоятельность судебной власти, заменили прежнее начало сословного построения суда судом присяжных заседателей. Судебная реформа 1864 г. впервые в России вводила гласный, бессловесный и независимый от административной власти суд, основанный на принципе состязательности сторон. Были учреждены институты следователей, адвокатуры, присяжных заседателей, определявших виновность или невиновность подсудимого.

Реформа разделяла империю на судебные округа, вводила два вида судов: мировые и общие. Для рассмотрения дел в апелляции собирався съезд мировых судей. Общие суды состояли из двух инстанций: окружного суда и судебной палаты. Окружные суды рассматривали серьезные гражданские иски и уголовные дела с участием присяжных заседателей. Судебные палаты являлись судами первой инстанции для политических и государственных дел, а также апелляционной инстанцией по делам окружного суда.

Председатели и члены окружных судов и судебных палат утверждались императором, а мировые судьи – Сенатом.

Сенат был высшей кассационной инстанцией и мог отменять любое решение судов.

Основы судопроизводства

Согласно Учреждению судебных установлений (это закон о судопроизводстве) судебная власть принадлежала мировым судьям, съездам мировых судей, окружным судам, судебным палатам и Сенату. Мировые судьи рассматривали дела единолично. Они находились при мировом округе (уездном, городском), делившемся на несколько участков. В мировом округе состояли также почетные мировые судьи, вместе они образовывали высшую инстанцию – съезд мировых судей.

В окружной суд входили председатель и члены суда. Учреждался окружной суд на несколько уездов. Судебная палата учреждалась в округах, объединяла несколько губерний и областей (по особому распоряжению).

Судебная палата состояла из департаментов, включавших председателей и членов департамента. Сенат, как высший кассационный

суд, располагал такими департаментами по уголовным и гражданским делам.

Прокурорский надзор осуществляли обер-прокуроры, прокуроры и их товарищи под строгим контролем министра юстиции как генерал-прокурора.

Основные положения

уголовного судопроизводства

Общие правила основных положений уголовного судопроизводства (УУС) устанавливали обязательность административной власти принимать, в установленном законом порядке, меры предупреждения и пресечения преступлений и проступков:

«Никто не может быть наказан за преступления или проступки, подлежащие ведомству судебных мест, не быв присужден к наказанию приговором надлежащего суда, вошедшим в законную силу» (ст. 1 и 14 УУС 1864 г.).

– Преследование виновных может быть начато не иначе, как по жалобам частных лиц.

– Власть обвинительная отделяется от судебной.

– Заседания суда, кроме случаев, именно указанных в законе, происходят публично.

– Приговор может быть только или осуждающий, или оправдывающий подсудимого. Оставление в подозрении не допускается (ст. 771).

Несмотря на вводимый бессловесный суд (различие подсудности по сословиям отменялось ст. 200–230 УУС), тем не менее для крестьян сохранялся особый (волостной) суд, что было отступлением от принципа всеобщности и что подтверждает нерешимость власти полностью изолировать суды от влияния сословных интересов.

– Согласно основным положениям уголовного судопроизводства мировым судьям были подсудны дела:

1) о менее важных преступлениях и проступках, за которые предусматривались такие виды наказания, как:

- выговоры, замечания и внушения;

- денежные взыскания, высшая мера которых не превосходила 300 руб.;

- арест (до 3 месяцев) или заменяющий оный наказание;

2) дела о тех преступлениях и проступках, о коих производство начиналось не иначе, как

по жалобам лиц обиженных или потерпевших вред, могли быть прекращены примирением;

3) дела о краже, мошенничестве, лесных порубках, присвоении найденных вещей и других преступлениях сего рода, совершенных лицами, подлежащими за эти противозаконные деяния заключению в рабочем доме.

– Ведомству окружного суда подлежали дела о всех преступлениях и проступках, не подсудных мировым судьям (ст. 200 УУС).

– Ведомству Судебной палаты подлежали:

1) дела по отзывам и протестам против приговоров окружного суда;

2) вчиняемые в палате по особенному порядку судопроизводства дела: а) о преступлениях государственных; б) о преступлениях и проступках по службе (ст. 204, 241–243 УУС).

– Кассационные департаменты Правительствующего сената ведали:

1) рассмотрением дел по жалобам и протестам на явное нарушение, при постановлении окончательных приговоров, прямого смысла законов;

2) по просьбам и представлениям о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам приговоров, вошедших в законную силу;

3) по делам о преступлениях и проступках по службе, которые именно предоставлены рассмотрению департаментов в особом порядке судопроизводства (ст. 204, 910–912, 1075 УУС).

Мировой судья, приступая к рассмотрению подведомственных ему дел о преступлениях и проступках, обязан был принять меры по примирению сторон, а в случае неуспеха в том постановлял приговор, основывая оный только на тех доказательствах, которые указаны сторонами.

Определяя меру наказания виновным, мировой судья имел право уменьшить наказание одной или двумя степенями, если преступления или проступок учинены в первый раз.

Приговоры, меры наказания, по которым определялись как внушение, замечание, выговор, денежные взыскания не свыше 15 руб. с одного лица и арест до трех дней или заменяющие оные наказания, считались окончательными и обжалованию не подлежали.

Дела по отзывам на неоконченные приговоры мировых судей рассматривались Съездом мировых судей.

Окончательные приговоры мировых судей приводились в исполнение по их же распоряжению.

Судопроизводство в общих судах включало в себя пять самостоятельных стадий процессуальных действий:

1) дознание и предварительное следствие;

2) предание подозреваемого суду и прекращение следствия;

3) производство дел в окружных судах;

4) производство дел, решаемых с участием присяжных заседателей;

5) порядок обжалования решений и рассмотрения дел в высших инстанциях.

Дознание проводилось только полицией, которая состояла в непосредственной зависимости от прокурора и уведомляла его о всех дознаниях, переданных ими судебным следователям.

Судебный следователь о всяком начатом им следствии доводил до сведения прокурора.

Постоянный надзор за производством следствия осуществлял исключительно прокурор.

Суд входил в рассмотрение порядка производства следствия только по жалобам частных лиц, по представлениям следователей и по предположениям прокуроров. Предварительное следствие, которое следователь признавал оконченным, представлялось им прокурору окружного суда. Если прокурор окружного суда, по рассмотрению следствия, находил, что подозреваемый должен быть предан суду, то он составлял акт обвинения, направляя дело в окружной суд.

Если дело подлежало разрешению с участием присяжных заседателей, то акт обвинения (как и мнение о прекращении дела) и самое следствие предоставлялись прокурором окружного суда, прокурору палаты, который принимал решение со своим заключением.

В случае прекращения следствия освобожденный от следствия не мог быть по тому же делу предан суду без особого определения палаты.

Дела по обвинению в таких преступлениях и проступках, которые влекли за собой заключение в крепости или смирительном доме без ограничения прав и преимуществ, заключение в тюрьме и другие менее тяжкие наказания, рассматривались в окружных судах без участия присяжных заседателей.

Судебное заседание начиналось с оглашения обвинительного акта (заключения).

Представленные доказательства предварительным следствием проверялись и дополнялись в суде. Сведущие люди и свидетели прежде допроса приводились к присяге в заседа-

нии суда по установленному вероисповеданию каждого из них обряду. Прокурору, как обвинителю, противопоставлялся защитник подсудимого.

Прения на суде состояли из:

- а) обвинительной речи прокурора;
- б) объяснений отыскивающего вознаграждения за вред или убытки или его поверенного и из защиты, произносимой самим обвиняемым или его защитником.

Члены суда (а в делах, решаемых с участием присяжных заседателей, и они последние) могли требовать разъяснений, а прокурор представить устно те объяснения, кои он признавал нужными еще добавить; но последнее слово в прениях на суде принадлежало всегда обвиняемому или его защитнику.

По окончании прений председатель суда излагал вкратце существо дела и представленные в пользу и против обвиняемого доказательства.

Постановлению приговора предшествовало рассмотрение вопросов о:

- а) действительности события;
- б) виновности-невиновности;
- в) вознаграждении за вред, нанесенный преступлением или проступком.

Пред разрешением вопроса о применении законов о наказаниях суд выслушивал замечания прокурора и объяснение подсудимого или его защитника.

Суд определял наказание в точном соответствии с законом, но ему представлялось право по обстоятельствам уменьшить вину подсудимого, смягчить наказание, а если в законе нет степени, ниже назначенной, перейти к ближайшему роду наказания, а также ходатайствовать пред Императорским Величеством о помиловании преступника, признаваемого достойным Монаршеского милосердия.

Приговор оглашался немедленно в публичном заседании суда.

Протокол приговора по подписании членами суда объявлялся подсудимому, и с сего времени исчислялся срок на обжалование приговора.

Судопроизводство

с участием присяжных заседателей

Дела о преступлениях и проступках, влекущих за собою наказания, соединенные с лишением всех прав состояния, а также всех или некоторых прав и преимуществ, судебные

места рассматривают не иначе, как с участием присяжных заседателей (ст. 201 УУС).

К началу заседания приглашалось столько присяжных, чтобы из общего числа 30 после отводов оставалось не менее 18 (12 основных и 6 запасных).

Списки присяжных заседателей предъявлялись прокурору и подсудимому. Присяжные заседатели могли быть отведены как прокурором, так и подсудимым без оглашения причин отвода.

Прокурор мог отвести не более 6 присяжных, столько же подсудимый (подсудимые, если их несколько).

Из оставшихся 18 не отведенных назначались по жребию для решения дела 12, которые избирали из своей среды старшего.

Назначенные по жребию заседатели приводились к присяге в правдивом и внимательном исполнении своих обязанностей; причем приводящее к присяге духовное лицо объясняло им важность сих обязанностей.

По окончании прений в суде и по изложении существа дела председатель суда объяснял присяжным заседателям правила о силе доказательств, остерегаться всякого увлечения в обвинении или оправдании подсудимого.

Председатель вручал старшему присяжному заседателю письменные вопросы.

Вынося свой вердикт, присяжные заседатели к своим ответам на вопросы могли присовокупить и то, что подсудимый по обстоятельствам дела заслуживает снисхождения. В случае равенства голосов присяжных заседателей преимущество отдавалось тому мнению, которое оправдывало подсудимого.

В случаях особенной важности суд мог ходатайствовать о помиловании преступника (ст. 828 УУС).

Приговор, постановленный с участием присяжных заседателей, считался окончательным.

Правительствующий сенат в качестве Верховного кассационного суда мог обжаловать такой приговор только в случае:

- 1) нарушения существенных форм и обрядов судопроизводства;
- 2) явного нарушения прямого смысла закона и его толкования;
- 3) по вновь открывшимся обстоятельствам.

Изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства устанавливались по делам:

- о преступлениях против веры;

- по государственным преступлениям и по службе;

- по делам смешанной подсудности, по гражданской, военной, духовной.

Основные положения гражданского судопроизводства

Отцы судебных уставов 1864 г. прекрасно понимали, что без истины правосудие не может быть правым и справедливым.

Поэтому не только в уголовном, но и в гражданском судопроизводстве мы сталкиваемся с неизменными правилами: «Суд есть достижение правды, и решение суда будет только тогда справедливо, когда судьбы при возникающем сомнении относительно факта могут сами лично или посредством заключения экспертов убедиться в действительности события, к которому они должны приложить закон, и разрешить предмет спора на основании не формальной, но либеральной истины».

В целях торжества истины и справедливости в правосудии был решен в уставах вопрос о введении в судопроизводство состязательно-го начала.

Гражданские дела, подсудные мировому судье, рассматривались единолично судьей.

Явка сторон, как правило, исключала подготовку дела к судебному разбирательству.

Предлагалось истцу изложить обстоятельства дела, требования, после этого заслушивался ответчик. Особенностью разбирательства было то, что мировой судья обязан был принимать меры для примирения сторон и только в случае неуспеха приступал к вынесению судебного решения, когда находил, что дело достаточно объяснено.

Решения по делам с ценою иска выше 30 руб. могли обжаловаться в апелляционном порядке.

Решение, вынесенное по совести, но противоречащее закону, подлежало отмене. Во всех случаях решение оглашалось публично. Министр юстиции Д. Н. Замятин в своем ежегодном отчете писал: «Простота мирового разбирательства, полная гласность и отсутствие обременительных формальностей вызвало всеобщее к мировому институту доверие»; «В особенности простой народ, найдя в мировом суде суд скорый и справедливый для мелких своих интересов, не перестает благословлять Верховного Законодателя за дарование России

суда, столь близкого народу и вполне соответствующего его потребностям».

В Уставе гражданского судопроизводства были сохранены прежние правила апелляционного производства, согласно которым в апелляционной жалобе запрещалось предъявлять требования, которые не были предъявлены в суде первой инстанции, но разрешалось представлять новые доказательства.

И еще одним существенным отличием являлось то, что в обязанность апелляционного суда вменялось окончательное решение дела, без возврата в суд первой инстанции.

Соблюдение данного порядка не могло быть полностью реализованным, так как соблюдение указанного порядка вело к нарушению принципа рассмотрения гражданских дел в двух судебных инстанциях.

В общем, оценивая гражданское судопроизводство реформы 1864 г., необходимо отметить, что реформа максимально способствовала развитию правоприменительной практики в рамках вовлечения (теперь уже свободных) крестьян в гражданский оборот, уделяя особое внимание мировым судьям.

Особенности Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, – гуманность, демократизм и простота применения, отмена телесных наказаний для женщин, клеймения и применения розог.

Уставом устанавливалась ответственность за самые легкие уголовные преступления, рассматривались земскими судами, максимальная мера наказания предусматривалась не выше одного года тюремного заключения.

Заключение

Изучая уставы 1864 г., постоянно сталкиваясь с мыслью о том, каким высоким уровнем общей правовой культуры обладали служители Фемиды того времени, а ее результаты более ощутимы и значимы, чем результаты современной реформы, что вызывает гордость за тех, кто стоял у руля.

Суд присяжных – самая здоровая и удавшаяся часть судебной реформы 1864 г., верх человеческой мысли.

Настоящая реформа, скажем честно, подтянулась. Ее концепция осталась в XX в. А в этом и заключается главное двух российских судебных реформ.

ПЕРЕСТРОЙКА УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 1930-х гг.

THE RESTRUCTURING OF THE CRIMINAL LEGISLATION
IN THE 1930S

В. Ю. Титов

канд. ист. наук, доцент

эксперт по культурным ценностям Россохранкультуры

В статье раскрывается итог архивного исследования по вопросам репрессий в 1930-х гг. на местах. Рассматривается историческая роль А. Я. Вышинского.

The article reveals the result of archival research on repression in the 1930s. Examines the historical role of A. Y. Vyshinsky.

Ключевые слова: судебные доказательства, репрессии, приговор.

Keywords: forensic evidence, repression, sentence.

В 1930-х гг. СНК и ЦК столкнулись с парадоксальной ситуацией: советские суды на местах перестали в своих решениях опираться на законы, а руководствовались только мифическим «пролетарским чутьем». В этом словосочетании заключался социальный корень всех жалоб, поскольку «пролетарское чутье» позволяло не соблюдать законы тем «ответственным» товарищам, которые обладали партбилетом или были сотрудниками ОГПУ. Такая опасная для советского государства тенденция привела к росту авторитета КНК и местных советов, что достаточно объективно показывают данные газетных публикаций и материалы собраний трудовых коллективов (табл. 1).

Например, в январе 1930 г. на собрании граждан деревни Костылевой Красногорского сельсовета Уральской области, на котором присутствовали представители 49 домохозяйств (35 мужчин и 15 женщин), люди возмущались наглостью партийных работников, копавшихся в прошлом односельчан и на этом основании выдвигавших требования выселения «нежелательных элементов». Вместо выселения собрание постановило предать народному суду и местному совету тех, чье прошлое считалось «неблагополучным», но самих людей считать «социально неопасными»¹.

Аналогичные тенденции подметил крупный исследователь прессы 1930-х гг. – М. Гус. В книге «Информация в газете (опыт практических пособий)» М. Гус проанализировал печатную информацию провинциальных СМИ, таких как астраханская газета «Коммунист» (ле-

то 1928 г.), «Нижегородская коммуна», «Уральский рабочий» (1929 г.), «Брянский рабочий», «Красноярский рабочий», «Власть труда» (Иркутск, 1930 г.). На основе данных прессы автор сделал заключение, что на страницах газет интересы и жалобы рядовых граждан подавлялись задачами «партийной жизни». Этот процесс выхолащивал уважение у советской общественности к партии и к социалистическому закону, а сами партийные товарищи интересовались социально острыми проблемами случайно².

В 1939 г. главк Дальгосрыбтреста чуть не попал под репрессии на том единственном основании, что из 14 человек, работавших в нем, ни один не имел отношения к партийно-массовой работе, а в самом главке не проводились политинформации. А в обиходе использовались словосочетания дореволюционной России³.

Факт игнорирования советского законодательства со стороны партийных организаций, что давал о себе знать лексический багаж слов региональных руководителей, подчеркнули авторы сборника «Против буржуазной контрбанды в языкознании»⁴.

² Гус. М. Информация в газете (опыт практических пособий). ГИС. М – Л., 1930. С. 28–35.

³ ГАПК, ф.1, оп. 1, л. 837, л. 77–82.

⁴ Против буржуазной контрбанды в языкознании : сб. Бригады ГАИМК. Л., 1932. С. 29.

¹ ГААОСО, ф. 1, оп. 2, л. 19855, л. 62 – 63.

Таблица 1

Характеристика уровня игнорирования судебных решений в 1933 – 1939 гг., в выражении условного процентного коэффициента, составленная на основе жалоб поступивших в Наркомат Госконтроля и крайкомы ВПК (б)

Виды игнорирования судебных решений и судов	Игнорирование решений судов со стороны представителей местных руководителей, %	Игнорирование решений судов со стороны представителей советских учреждений на местах, %
Революционное чутье	25	40
Протест против спецов	25	30
Протест против «бывших»	25	30
Итого	75	100

В конце 1930-х гг. на совершенно возмутительную зависимость советских судов от мнения партийных и комсомольских секретарей жаловались жители всего Приморья¹. Несколькими годами ранее надзор заключался в рассмотрении и опротестовании перед Президиумом ЦИК СССР постановлений, решений и приговоров Верховных судов союзных республик в случае их расхождения с общесоюзными законами. Постепенно в 1930-х гг. Верховный суд СССР стал рассматривать все случаи, когда законодательство вступало в противоречие с народнохозяйственными аспектами развития экономики во всех регионах страны. Для этих целей в 1931 г. при Верховном суде была создана надзорная тройка, преобразованная в 1934 г. в судебно-надзорную коллегию².

По мере усугубления репрессий в Союзе усиливалась роль Верховного суда, а с 1938 г. председатель Верховного суда и прокурор Советского Союза получили беспрепятственное право истребовать любое дело из любого суда и вносить по этому делу любой протест в установленном законом порядке. Через эту схему с конца 1930-х гг. проходило наибольшее количество дел, связанных с жалобами граждан и учреждений на несправедливые решения местных судов и парторганизаций³. Усиление роли Верховного суда является периодом полной перестройки советской юстиции, которая

претерпела ряд очень серьезных изменений благодаря личной инициативе А. Я. Вышинского.

С приходом на пост заместителя прокурора, а затем и прокурора СССР Андрея Януаревича Вышинского в советской юстиции началась настоящая перестройка, которая, собственно, так и была названа самим Вышинским. Перестраивали систему восприятия советскими людьми судопроизводства. Эта перестройка продолжалась на протяжении всего периода репрессии 1930-х гг. Ее цель – заставить людей исполнять закон. Таковую политику правительство намеренно продолжало даже в 1937 г.

В самом конце 1933 г., выступая с докладом на собрании Московской коллегии защитников (так тогда назывались адвокаты), Вышинский следующим образом охарактеризовал сложившуюся ситуацию: советская юстиция недооценивает роль, место и значение советской защиты на данном этапе нашего социалистического строительства. Притесняя защитника, местные партийные руководители раскручивали, по мнению Вышинского, маховик репрессий. «К сожалению, у нас немало защитников, – говорил Вышинский, – которые не хотят ни с кем ссориться и очень хотят понравиться прокурорам, с которыми они имеют дело, рассуждая так – «как бы потом чего не вышло», если не понравиться»⁴.

Вторым важнейшим аспектом потери доверия советского общества к суду были сами партийные органы, которые часто смотрели на защитников как на пособников преступления⁵. Вышинский не скрывал, что и эта сторона поведения так же вредна, как и заискивание перед прокурором, которого за глаза презирали, а заодно и всю советскую юриспруденцию. Защитник должен помнить: «зал суда является лабораторией, где формируется общественное мнение, где, иначе говоря, складываются отношения, которые, смыкаясь за стенами судебного зала с другими общественно-политическими отношениями, вырастают в определенную политическую силу»⁶.

Иными словами, Вышинский свалил всю вину за негативное отношение общества к органам юстиции на неумелую работу защиты, на отсутствие понимания в обществе того, что

¹ Там же. Д. 826, л. 138–139.

² Вторая сессия Верховного Совета СССР. Статистический отчет. М., 1938. С. 782.

³ ГАРФ, ф. Р-9474, оп. 2, историческая справка к описи.

⁴ Вышинский А. Я. Революционная законность и задачи Советской защиты. М., 1934. С. 29.

⁵ Там же. С. 32.

⁶ Там же. С. 34.

репрессия – не наказание, а «лаборатория» по перековке неблагонадежных людей в новых, преданных делу социализма.

С этих позиций Вышинский уже в следующем, 1934 г. вслед за Сталиным назвал советский суд «орудием борьбы за искоренение всех мелкобуржуазных, индивидуалистических пережитков», что, естественно, было возможно, но только через продолжение диктатуры пролетариата¹. Воспитательные начала советского судопроизводства определили мотивы политики репрессии. Например, «выносить на публичный суд не столько ради строгого наказания, но ради публичной огласки и разрушения всеобщего убеждения в ненаказуемости виновных»². Все общество должно наконец осознать, что виновный перед советской властью, где бы он ни находился, будет наказан и расстрелян. Это последнее слово Вышинский не забывал вставлять во все свои публичные выступления. Понятие расстрела, применяемого к каждому из обвиняемых по Особенной части УК РСФСР, формировало в общественном мнении ту необходимую для сталинской власти ситуацию, при которой сомнения в необходимости репрессий в народе не возникали. Только так можно было развить в обществе привычку беспрекословно подчиняться строжайшей дисциплине.

Беспрекословность советского общества перед авторитетом государства позволяла рассчитывать, что любой гражданин, уличенный органами в дурных мыслях, сразу же сознается в виновности, как только ему предъявят обвинения. Это в итоге делало невозможным организацию каких-либо легальных оппозиций и протестов со стороны граждан, направленных против государства. Такую идею Вышинский апробировал на многих своих процессах 1930-х гг., но опубликовал это позже, развив до солидного академического тома «Теория судебных доказательств в советском праве»³. Все известные на тот период времени советские юристы после подобных высказываний Вышинского сочли ниже своего достоинства продолжать знакомства с Андреем Януарьевичем.

¹ Вышинский А. Я. Марксистско-ленинское учение о суде и советская судебная система. Очерк второй. М., 1934. С. 35.

² Там же. С. 36.

³ Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1946. 248 с.

Развенчание роли Пашуканиса и Стучка для советской юриспруденции составило основу всей теоретической базы перестройки Вышинского и объяснения роли жалобы в системе государственного строительства. В работе «Вопросы теории государства и права» Вышинский писал, что все россияне подвержены симпатиям к правотроцкистскому блоку, кроме товарища Сталина. Вот как Вышинский описал эту сторону общественного мнения. Для следствия не так важны свидетельства прямого соглашения между соучастниками, куда интересней выглядят факты так называемого подстрекательства всего общества. Ведь многие россияне, жившие в эпоху 1930-х гг., родились еще при царском режиме и придерживались различной правовой и политической ориентации. В связи с этим подсудимый мог не знать, что является соучастником. Главное, что он имел согласный с заговорщиками умысел и думал так, как, например, Бухарин. Такую мысль Вышинский, по его же собственным словам, почерпнул в статье И. В. Сталина «Вопросы ленинизма»⁴.

Эту же мысль Вышинский повторил через несколько лет 16 июля 1938 г. на Первом всесоюзном совещании по вопросам науки права и государства. Уже в 1938 г. он потребовал судить не только за так называемую аналогичную мысль, но и за отсутствие доносов в обществе на тех своих членов, которые могли бы высказывать протестные или оппозиционные настроения в отношении Кремля⁵.

Вышинский не сомневался, что при подобном подходе во время репрессий может погибнуть из-за допущенных судебных ошибок определенное число людей. Он признал такой факт, однако заявил, что в переходный период у правительства нет морального права жалеть кого-то, а есть необходимость усилить работу репрессивных органов и наладить госконтроль за каждым.

Вышинский не был одинок, его поддерживало большинство крестьян и рабочих, заявлявших на общих собраниях о необходимости решительной борьбы с «оппортунистами». Вот пример, подтверждающий факт протестных настроений против «оппортунистического инакомыслия». В июле 1937 г. общее собрание

⁴ Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 113.

⁵ Там же. С. 61.

деревни Яр Тугулымского района Челябинской области осудило трудопоселенца Шмонина Родиона Филиповича за то, что он говорил: «Все кулаки скоро домой придут снова и будут работать как раньше. Сейчас они все на ответственных постах будут, ими дорожат и платят дорого, так как они этого стоят». На собрании люди одобрительно кивали при словах, касающихся возвращения кулаков. В тот же самый момент они начинали высказывать неодобрение в адрес Шмонина, когда он утверждал, что кулак «над всеми нами будет, потому что так раньше было»¹. По данным КСК, процент обвинений в «оппортунизме» на общих собраниях возрастал, когда у разбираемого товарища начинали спрашивать о его прошлой жизни: в черноземных областях на 40 %, на Урале на 60 %, в Сибири и на Дальнем Востоке на 30 %².

Такие крайние меры оправдывались смыслом перестройки, начатой приблизительно с 1929 г. Четкое определение этой политики прозвучало десятью годами позже в речи Сталина на собрании Академии наук 20 декабря 1939 г. В своей речи, получившей позже название «Вопросы государства и права в трудах товарища Сталина», Вышинский назвал перестройку советской юриспруденции методом преодоления мелкобуржуазного оппортунистического начала в рабочем движении. От послушных советов к аппарату управления – вот такой путь избрал Сталин и для своей перестройки, и для репрессий.

Первую и, пожалуй, главную проблему советской юстиции Вышинский видел в недопонимании у своих коллег фактора принуждения как одного из направлений диктатуры пролетариата. Из-за этого Вышинский разошелся во мнениях со Стучком, который считал, что при социализме не принуждение, а только сознательная добрая воля трудящихся станет созидательным направлением юстиции³.

Спор касался не только теоретических, но также практических вопросов: Вышинский предлагал все социальные конфликты «отдать на откуп» рассмотрению партийным инстанциям, в то время как идеи сторонников Стучки, в которые Вышинский записал Д. Б. Рязанова,

Н. В. Крыленко, ассоциировались с усилением роли советов в вопросах социального регулирования конфликтов. Советы должны были, руководствуясь принципами справедливости, решать спорные, а порой протестные ситуации, возникавшие между партийными и общественными организациями, между государством и личностью⁴.

Такой аргумент Вышинский называл совершенно нелогичным, поскольку Ленин (в советские годы ссылки на него было достаточно, чтобы доказать недоказуемое) считал, что государство есть принуждение, а социализм достижим только при государственном регулировании. «Недопонимание роли принуждения превращало советское общество в пособников воров и вредителей в общественном хозяйстве», – писал Сталин в работе «Вопросы ленинизма»⁵. Ссылка на работу Сталина полностью (для того периода времени) защищала Вышинского от какой-либо критики.

Утверждение Стучки о советском праве как о части мирового гражданского права, регулирующего сферы производства и обмена на пути к коммунизму, Вышинский не стал подвергать осуждению. Сделал только замечание, что такие взгляды близки к теории врага и отщепенца Родины Пашуканиса⁶.

Пашуканис стремился разделить советское право на две части: «гражданское» – для отношений между государственными органами и частными лицами и для отношений между частными лицами между собой; «хозяйственное» – регулирование взаимоотношений внутри государства для учреждений, предприятий и колхозов. Опираясь на слова Сталина о социализме как «совмещении индивидуальных интересов с интересами коллектива», Вышинский в середине 1930-х гг. дал уничтожительную характеристику такой правовой разграниченности Пашуканиса.

Итак, главными постулатами социализма в правовой сфере Вышинский считал принуждение (репрессии) и всеобщую коллективизацию как форму отрицания любой частной собственности, любого индивидуализма. Проведение репрессивной политики выглядит как

¹ ГААОСО, ф. 1, оп. 2, л. 97.

² ГАРФ, ф. Р – 7511, оп. 1, л. 75, л. 9–11.

³ Стучка П. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М., 1931. С. 24.

⁴ Титов В. Ю. Протест «сермяжности» и репрессивное мнение у россиян в 1920-х годах. Иркутск, 2006.

⁵ Сталин И. Вопросы ленинизма. С. 509.

⁶ Вышинский А. Я. К положению на фронте Правовой теории. М., 1937. С. 11.

перестройка не только функций государства, но и общественного мнения в целом. В частности, в такой канве следует рассматривать закон от 7 августа 1932 г. об охране общественной социалистической собственности. Подводя итоги работы юстиции с момента принятия этого закона, журнал «За социалистическую законность» привел такие слова Сталина: «Социалистический уклад является безраздельно господствующей, единственно командующей силой»¹.

Охрана общественной собственности предполагала жесточайшее усиление репрессий даже не для того, чтобы сократить число хищений, а для того, чтобы увеличить процент осужденных минимум на 10 лет. Только так, по мнению журнала, можно было победить классово опасный элемент. По РСФСР благодаря закону от 7 августа 1932 г. было осуждено на 20 % больше, чем в предыдущем году². Уже упоминавшийся нами Н. В. Крыленко в своем выступлении тоже не скупился на хвалебные отзывы в адрес этого закона. Жесткость мер он объяснял достаточно стандартно – необходимостью переходного времени. Интерес представляют его слова о предполагаемых результатах вообще всей репрессивной политики. Перестройка даже не в области экономики, «а в области сознания»³. За отправную точку такой, не боимся сказать, бесчеловечной перестройки Крыленко брал отчет Сталина на XVII партсъезде: от частнохозяйственного капитализма к государственному социализму, а затем к социализму. Место главного творца в этом отводилось не только грозному и репрессивному законодательству, но и рабочему контролю. Такому контролю ЦК ВКП(б) придавал силу противовеса, по идее сдерживающего недопустимую в советском государстве практику произвольного ареста, процветавшую в первой половине 1930-х гг.

Второй виток репрессий начался с января 1937 г., когда народный комиссар юстиции Крыленко и прокурор СССР Вышинский подписали циркуляр, разрешавший контрреволюционные преступления рассматривать без

участия обвинения и защиты. В конце 1937 г. и на протяжении всего 1938 г. проходили так называемые маскировочные репрессии: расстрел на местах всех тех, кто попадался под скорую руку карательным органам. За счет этого создавался эффект всеобщего вражеского окружения внутри страны. Как и прежде, репрессии объяснялись их необходимостью для развития революции в стране. Для этого создавалось специальное общественное мнение, позволяющее людям верить обвинениям. Это убеждение собиралось из разных составных: культового, почти обожествляющего отношения к вождю, негативной реакции на интеллигенцию, отождествляемую с дворянами, помещиками и прочими шпионами капиталистических держав. В этой ситуации, когда все верили, что Сталин «все знает и не может ошибаться», люди были готовы оговорить не только своих друзей и сослуживцев, но самих себя (табл. 2).

Таблица 2
Интерпретация политики репрессий
в жалобах советских граждан
(в условном процентном коэффициенте)

Виды интерпретации понятия «репрессия» в жалобах и обращениях советских граждан	Источники анализа жалоб		
	Пресса	РГАСПИ и ГАРФ	Региональные архивы
Репрессия – необходимость социалистического строительства	100	40	60
Репрессия – временные перегибы на местах	100	100	100
Репрессия – несправедливость, творимая на местах	100	менее 20	более 80
Репрессия – нарушение закона	-	-	60

Репрессии начинают ассоциироваться в общественном мнении с закономерностью социалистического строя. Постепенно их применение становится необходимой частью любых государственных преобразований.

¹ Шляпочников А. Охрана общественной (социалистической) собственности // За социалистическую законность. 1935. №1. С. 14.

² Там же.

³ Крыленко Н. В. Практика применения закона от 7 августа 1932 г. // За социалистическую законность. 1934. № 6. С. 2.

ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРОВЕДЕНИЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 г. CONDITIONS AND CARRING OUT OF JUDICIAL REFORM IN 1864

Г. А. Цыкунов

*д-р исторических наук,
профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
Байкальского государственного университета экономики и права*

Рассматриваются политические и социально-экономические предпосылки судебной реформы 1864 г. в контексте Великих реформ. Освещается ход подготовки реформы судебной системы, особенности ее реализации, влияния на государственно-правовое развитие России.

The author reviews political and socioeconomic conditions of the Judicial reform in 1864, in the context of the Great reforms. The article covers the initiation of the judicial system reform, the specifics of its realization and influence on state legal development of Russia.

Ключевые слова: крепостное право, судебная реформа, судебные уставы, мировые суды.

Keywords: serfdom law, judicial reform, judicial statute, magistrate court.

В истории российских модернизаций реформы 1860–1870-х гг. занимают особое место, продолжают оставаться объектом научных исследований и современных споров о модернизационных путях России. Избранный вариант модернизации позволил провести фундаментальные политические и социально-экономические преобразования, избежать революционных потрясений, гражданской войны. Представленные в ходе реформ критерии обеспечили радикальный характер преобразований, исключающий возвращение к старым порядкам. Выверенный концептуальный подход к реформам, создание редакционных комиссий для разработки проектов законодательных актов, проявление политической воли, как и многое другое, представляют интерес и для современной теории и практики.

К середине XIX в. в российском обществе наблюдался всеобщий кризис, вызванный взаимосвязанными политическими, экономическими, социальными проблемами. Институциональному и экономическому развитию страны препятствовал крепостнический строй, который подчинил себе все сферы российского общества. Среди развитых стран Россия была самой большой по территории и населению. В 1850 г. численность населения составляла 75 млн чел., что было равно населению Франции, Германии и Англии, вместе взятых. Подавляющую часть населения (около 88 %) составляли сельские жители¹. Большинство

обрабатываемых земель находилось в собственности помещичьих имений, большинство из которых применяли барщину, а в нечерноземной полосе преобладала оброчная система в виде денежной и натуральной оплаты. Из-за уплаты высоких налогов (не менее четверти собранного хлеба) подрывалось также натуральное крестьянское хозяйство. Несмотря на проникновение в помещичьи хозяйства товарно-денежных отношений, они продолжали развиваться не за счет вложения капитала, а за счет усиления эксплуатации крестьян.

Крестьянская реформа 1861 г. внесла коренные изменения в общественный и экономический строй, открыла широкий путь развитию капитализма в России. Главным содержанием реформы была отмена крепостного состояния, как официально именовалось право помещика на крестьян. Последние объявлялись лично свободными и становились юридическими лицами, что позволяло им покупать землю, имущество, заключать различные сделки. Важное значение имело изменение юридического отношения крестьян к земле. Крестьяне имели земельные наделы де-факто, но не имели земли де-юре. По реформе бывшие помещичьи крестьяне объявлялись категорией крестьян-собственников, становились собственниками выделяемых им наделов, хотя и с целым рядом обременительных условий (заключением уставных грамот, выкупной операции).

Отмена крепостного права, изменившая общественный строй России, определила необходимость проведения других буржуазных

¹ Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 18.

реформ: местного самоуправления, военной, финансовой, в области просвещения. В ряду Великих реформ особое место занимает судебная реформа, в которой наиболее полно отразились буржуазные принципы. Становление судебной системы на Руси охватывает значительный исторический период и завершается лишь во времена создания Русского централизованного государства. Отличительной чертой российского судопроизводства являлась зависимость судов от органов государственной власти. Это определило традиционное презрение российского самодержавия к судебным функциям. Об этом очень достоверно высказался американский историк Р. С. Уортман: «Чем сильнее желал монарх осчастливить Россию благом правосудия, тем решительнее старался умалить роль судей»¹.

Недоверие Петра I к российскому суду основывалось на убеждении, что судьи действуют вопреки установленным правилам и нарушают монаршую волю. Император делал ставку на дворянство, формируя из них государственный аппарат, в том числе судебский корпус. Особым преимуществом пользовались отставные офицеры, которыми в основном укомплектовывались надворные суды. Однако высшие должности в юстиц-коллегии и Сенате занимали преимущественно влиятельные и богатые дворяне, воспользовавшись своими связями с императорским домом. О пренебрежительном отношении российских монархов к праву говорит и тот факт, что в огромной стране до XIX в. в учебных заведениях не было самостоятельных юридических отделений. Первая попытка введения систематического юридического образования в 1806 г. в лице Высшего училища правоведения закончилось полным провалом, когда через три года была приостановлена учебная деятельность. И только согласно Университетскому уставу 1835 г. преподавание права стало одной из главных функций российских университетов.

В первой половине XIX в. существующая в России судебная реформа была приспособлена к защите привилегий и интересов господствующей политической элиты. Важные судебные места, которые были пожалованы в

основном за военную службу, занимали дворяне. Для данного судебского корпуса главной задачей считалось подогнать правовые нормы к желаниям привилегированных граждан. Превратившийся почти полностью в судебное учреждение Сенат страдал симптомами болезни всех российских учреждений, когда специализация функций не сопровождалась специализацией кадров, их выполнявших. В 1850-х гг. образовательный уровень сенаторов оставался низким: три четверти сенаторов не имело высшего образования и никогда не обучалось хотя бы сколько-нибудь юриспруденции².

Высшими судебными инстанциями в губерниях были уголовная и гражданская палаты. Введение указа об экзаменах привело к уменьшению доли бывших военных, способствовало исчезновению практики назначения офицеров на должности в губернских судах. Одновременно министерство юстиции усиливает контроль над кадровыми назначениями в губернских палатах на должности председателей судов, товарищей председателя и прокуроров, секретарей палат. В то же время центральные учреждения не смогли изменить положение в низших судебных инстанциях — уездных судах. Служба в уездных судах считалась бесперспективной из-за удаленности от центров общественной и культурной жизни. Нехватка уездных судей отмечалась даже в губерниях с дворянскими собраниями. А большинство судей в уездах без дворянских собраний было представлено губернскими чиновниками, которые выслужились из канцелярских должностей.

Таким образом, основной задачей дореформенного суда являлась защита самодержавной власти, интересов правительственной администрации, а не прав основной массы населения. Запутанной и сложной оставалась сама структура судебной власти, где существовали специальные суды — военные, духовные, коммерческие, совестные и прочие. Нагромождение процедурных норм в системе письменных формальных доказательств в конечном счете запутывало, а не ускоряло отправление правосудия. Недовольство состоянием судебных институтов проявлялось во всех слоях российского общества. В середине XIX в. назрела острая необходимость в судебной реформе как одном из направлений грядущей модернизации России.

¹ Уортман Р. С. Властители и судьи: Развитие правового сознания в императорской России / авторизов. перевод с английского М. Д. Долбилова при участии Ф. Л. Севостьянова. М., : Новое литературное обозрение, 2004. С. 56.

² Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 37.

Важную роль в подготовке судебной реформы сыграла многосторонняя деятельность выдающегося государственного деятеля и ученого М. М. Сперанского, который предложил широкую программу реформирования судебной системы – от утверждения системы выборных учреждений и судов, мирового суда, кодекса законов до оформления правового государства. Можно предположить, что прочитанные М. М. Сперанским лекции о праве будущему императору Александру II подвигли последнего на проведение коренных перемен в судебной системе.

Начало непосредственной подготовки к судебной реформе связано с управляющим Вторым отделением собственной Его Императорского Величества Канцелярии Д. Н. Блудова, который подал императору записку, предлагающую значительные изменения судебных порядков. В ответ Александр II велел представить в Государственный совет предложения по усовершенствованию судебной системы, касающиеся прежде всего гражданского судопроизводства. Проект судебной реформы Д. Н. Блудова предусматривал гласный и частично устный характер судопроизводства, право на юридическую защиту, но сам судебный процесс не предусматривал состязательного характера. Суды по-прежнему оставались в ведении исполнительной власти и под надзором губернаторов. Большую часть губернских и уездных судей предлагалось избирать из дворян, с учетом лишь образовательного или профессионального ценза. Также не предусматривалось введение суда присяжных. После длительного обсуждения проекта Д. Н. Блудова в Государственном совете на него был наложен запрет. Его единственным реализованным предложением стало изъятие следствия из ведения полиции и создание института судебных следователей, подчинявшихся палатам уголовного суда.

Окончательный вариант подготовки программы судебной реформы осуществлялся в Государственной канцелярии, где была создана специальная комиссия под руководством статс-секретаря С. И. Зарудного. В нее вошли помощники статс-секретарей П. А. Даневский, Д. Б. Шубин, обер-прокурор Сената Н. А. Буцковский, помощник обер-прокурора Сената К. П. Победоносцев, московский губернский прокурор Д. Н. Ровинский и др. Причем каждый из членов комиссии проводил разработку

отдельной отрасли законодательства, проекты которых совместно обсуждались и вносились в «Соображения» Государственной канцелярии. С. И. Зарудный являлся не только руководителем комиссии, но и главным идеологом судебной реформы. Он выезжал за границу для изучения европейских судебных учреждений, привлекал внимание отечественных юристов к вопросам европейских теорий и институтов права. Помимо С. И. Зарудного следует отметить П. П. Победоносцева, который доказывал, что только система словесного и публичного судопроизводства позволит сформировать новый корпус судей¹.

Предварительный проект судебной реформы многократно обсуждался в Соединенных департаментах Государственного совета, а после рассмотрения Общим собранием был представлен Александру II. Утвержденные императором 29 сентября 1862 г. Основные положения преобразования судебной части в России стали концептуальной основой для разработки новых судебных уставов. Авторы основных положений учитывали, что дарование гражданских прав населению разовьет юридические отношения между помещиками и крестьянами, породит множество столкновений, которые могут быть устранены только судом. В связи с этим старые уездные суды не могли бы справиться с этой проблемой. Поэтому предполагалось создать специальный орган — мировой суд, который бы регулировал споры между крестьянами, выходящими из крепостной зависимости, и помещиками.

В Основных положениях были закреплены такие новые институты, как: отделение суда от администрации, а именно отделение судебной власти от исполнительной, административной и законодательной в уголовном судопроизводстве, а в гражданском — отделение власти судебной от обвинительной; выборный всесословный мировой суд; закрепление принципа несменяемости судей; учреждение института присяжных заседателей в окружных судах; введение института адвокатуры и др.²

Для разработки новых судебных уставов Государственным советом была образована

¹ Уортман Р. С. Указ. соч. С. 422.

² Николюкин С. В. Влияние реформ 60–70-х гг. XIX в. на развитие мировых судов в России (теоретико-правовой анализ) // Право и государство: теория и практика. 2013. № 1. С. 108.

комиссия под председательством государственного секретаря Д. П. Буткова. Комиссия разделялась на три отделения: отделение судопроизводства возглавлял А. М. Плавский, отделение уголовного судопроизводства — Н. А. Буцковский, отделение гражданского судопроизводства — С. И. Заруцкий. Второе Отделение собственной Его Величества Канцелярии занималось разработкой законодательства о судопроизводстве в мировых судах. Большой вклад в подготовку новых уставов внес товарищ министра юстиции Д. И. Замятин. Не будучи юристом по образованию, он сумел создать коллектив единомышленников, всячески поощрял в министерстве коллективное обсуждение правовых проблем.

В конце 1863 г. комиссия завершила все работы и внесла законопроекты на окончательное рассмотрение в Соединенные департаменты. В марте — июне 1864 г. законопроекты рассматривались департаментами, а затем Общим собранием Государственного совета. Новые судебные уставы состояли из четырех основных законодательных актов: Учреждения судебных установлений; Устава уголовного судопроизводства; Устава гражданского судопроизводства; Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. 20 ноября 1864 г. император Александр II подписал Указ Правительствующему сенату, утвердивший новые судебные уставы.

Для организационного проведения судебной реформы в октябре 1865 г. было утверждено Положение о введении в действие судебных уставов, которое предусматривало планомерное введение предписаний новых уставов. Реализация реформы началась в 1866 г. с созданием новых судов в Санкт-Петербурге, Московской, Новгородской, Псковской, Владимирской, Калужской, Рязанской, Тверской, Ярославской губерниях. Открытие первых судов в Санкт-Петербурге и Москве сопровождалось торжественными мероприятиями с участием министра юстиции Д. Н. Замятина. С 1866 по 1880 г. новые судебные уставы были распространены, полностью или частично, на 54 губернии и области Российской империи.

В 1897 г. новые суды были созданы в Сибири: в Иркутской, Енисейской, Тобольской и Томской губерниях, Забайкальской, Якутской, Амурской, Камчатской, Приморской, Сахалинской областях. Относительно Сибири был разработан проект Правил о применении су-

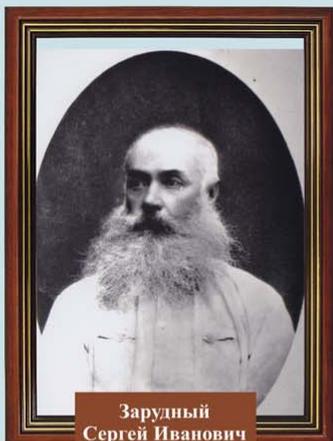
дебных уставов к губерниям и областям Сибири, где были предусмотрены существенные изменения в судопроизводстве. Это было вызвано обширностью сибирских территорий, отсутствием устроенных транспортных путей, что не позволяло в полной мере осуществлять правосудие. Главной задачей судебной реформы в Сибири являлось образование мировых судов. Поэтому в Сибири не были введены суд присяжных и суд сословных представителей, а мировые судьи назначались правительством.

В Российской империи насчитывалось немало краев и губерний, где судебная реформа осуществлялась не в полном объеме. Так, на Кавказе, в Прибалтике, Царстве Польском, Туркестанском крае, Архангельской губернии, Закаспийской области не вводились суды присяжных, мировые судьи не выбирались, а назначались. Судебная реформа официально проходила до специального указа (1899 г.) императора Николая II о ее окончании, хотя ее еще пытались реализовать в начале XX в.

При проведении реформы возникла сложная задача — обеспечение новых судов квалифицированными кадрами. Российские университеты только начинали подготовку профессиональных юристов. Поэтому в первые послереформенные годы судьи комплектовались опытными кадрами, переводимыми из губерний со старыми судами, а затем кандидатами, выросшими уже в новых судах. Разумеется, имелось немало случаев, когда на должности судей назначались лица, не имеющие юридического образования, судебного опыта, безупречной репутации, Министерство юстиции покрывало основные расходы, сопряженные с введением в действие новых уставов, создавало необходимые условия для материальной заинтересованности службы в российских судах.

Таким образом, судебная реформа 1864 г. открыла новую эпоху в российском судопроизводстве. Сформированная судебная система, введенные уголовный и гражданский процессы не уступали аналогичным стандартам западных стран. Реализация реформы способствовала модернизации России в ее ответственный исторический период.

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ ВЕЛИКОЙ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА

Зарудный
Сергей Иванович
1821-1887

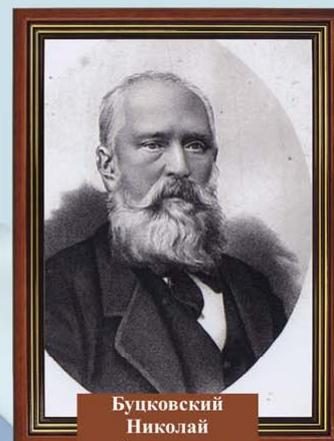
Стояновский
Николай
Иванович
1820-1900

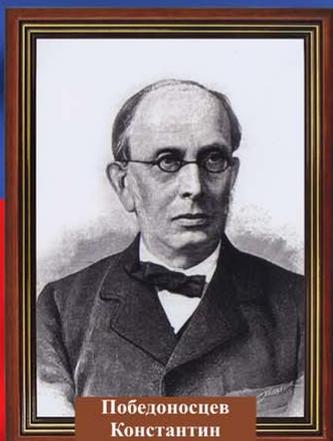
Ровинский
Дмитрий
Александрович
1824-1895

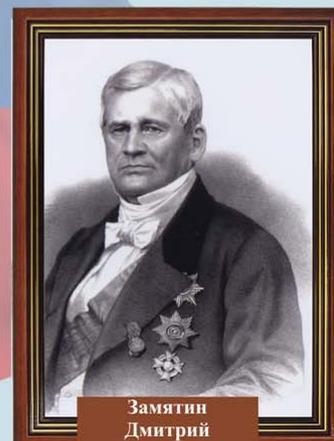
Александр II
1818-1881

Буцковский
Николай
Андреевич
1811-1873

Победоносцев
Константин
Петрович
1827-1907

Замятин
Дмитрий
Николаевич
1805-1881

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРОКУРОРА ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКИХ СУДЕБНЫХ РЕФОРМ

THE DEVELOPMENT OF THE LEGAL STATUS OF THE PROSECUTOR DURING THE GREAT JUDICIAL REFORMS

С. В. Корнакова

канд. юрид. наук, доцент

*ведущий доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
Байкальского государственного университета экономики и права*

Статья посвящена историческому аспекту формирования процессуального статуса прокурора в российском уголовном судопроизводстве. Отмечается, что по Уставу уголовного судопроизводства 1964 г. прокурор был значимой процессуальной фигурой, наделенной властными полномочиями, анализ которых позволяет сделать вывод о том, что реформированная в 1864 г. прокуратура, как и в настоящее время, осуществляла и функцию надзора, и производную от него функцию возбуждения уголовного преследования.

The article is devoted to the historical aspects of the formation of the procedural status of the Prosecutor in the Russian criminal proceedings. It is noted that according to the Charter of criminal proceedings, 1964, the Prosecutor was significant procedural shape, empowered, the analysis of which leads to the conclusion that the reformed in 1864, the Prosecutor's office, as at present, carried out the oversight function, and derived from it the function of criminal prosecution.

Ключевые слова: Устав уголовного судопроизводства, прокурор, полномочия прокурора в уголовном процессе.

Keywords: The Charter of criminal proceedings, the Prosecutor, the powers of the Prosecutor in criminal proceedings.

Еще Лейбниц указал на ту громадную пользу, какую может оказать юридическим и политическим дисциплинам историческое исследование. Он же установил так называемый «закон континуитета исторических явлений, в силу коего настоящее заключает в себе зачатки будущего, а с другой стороны, может быть познано лишь путем основательного изучения прошлого»¹.

В связи с этим проблема усвоения уроков исторического прошлого, в том числе опыта российской прокуратуры, остается в числе актуальных и существенно влияет на развитие России, поскольку история становления орга-

нов прокуратуры России – это, по существу, история укрепления российского государства.

Образование российской прокуратуры как официального государственного надзорного органа берет свое начало с 1722 г., когда Петр I издал Указ, согласно которому учреждалась должность генерал-прокурора, непосредственно подчиняющегося императору². Предназначением этого особого государственного образования – «ока государева» в делах надзора за законом – являлось пресечение в самом зародыше всякого зла, грозившего успеху новых созданий императора.

Тем не менее следует отметить, что задолго до создания прокуратуры, еще 15 ноября 1715 г., Петр I наделил правами надзора от-

¹ Горбунов А. Методологические основы дисциплин, изучающих деятельность государства: Исторический очерк немецкой литературы. I. Часть историческая. М.: Типография Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К, 1906. С. 73-74.

² Градовский А. Д. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. СПб.: Типография Ивана Бочкарева, 1866. С. 209.

дельных должностных лиц, учредив именованным указом должность «генерального ревизора и надзирателя указов». А. Х. Казарина в связи с этим пишет: «Собственно, прокурорскому надзору в современном его понимании предшествовало несколько видов специальной деятельности. Некоторые черты надзорного органа в XVII в. имели Челобитный приказ, Приказ приказных дел, Приказ, что на сильных челом бьют (1619–1639 гг.), фискалы, генерал-ревизоры, обер-секретарь Сената и др. В литературе фискалы нередко рассматриваются как непосредственные предшественники прокуроров, а сам институт фискалитета – как прообраз российской прокуратуры. Однако это мнение разделяют далеко не все. Действительно, фискалитет возник на 10 лет раньше прокуратуры и имел с ней некоторые общие черты. Главное же отличие состояло в методах работы, поскольку фискалитет действовал в основном тайно. Однако фискалитет, соединяя в себе одновременно черты полицейского сыска и некоторые черты гласного надзора, слишком медленно справлялся с поставленными задачами. Эта двойственность мешала достижению задуманного результата. Нетерпение власти вылилось в попытку трансформировать фискалитет и учредить новые должности генерал-ревизоров, обер-секретарей Сената и др. Жизнь, однако, подталкивала Петра I к созданию органа всеобщего надзора, т. е. надзора за теми, кто сам создавался для контроля»¹.

Петр I, по свидетельствам историков, лично разрабатывал законопроект по созданию прокуратуры. С. М. Казанцев отмечал, что прокуратура как государственный институт хотя и получила французское название, но не повторила существенных ее черт, а в первую очередь была продуктом творчества Петра I, который привнес в российскую модель элементы немецких фискалов, шведских омбудсменов и отдельные функции французской прокуратуры². Петр Великий, не копируя ни один из зарубежных образцов, сам тщательно разработал документы об учреждении россий-

ской прокуратуры – постоянного надежного органа надзора, наделенного правом силой закона влиять на ход и эффективное решение государственных дел. Выдающаяся заслуга Петра I заключалась в том, что он впервые в России создал органы, специально предназначенные для контроля и надзора за соблюдением законов.

После смерти Петра Великого значение надзора и престиж прокуроров был заметно подорван. Верховный Тайный совет, вершивший государственные дела при императрице Екатерине Первой и императоре Петре Втором, упразднил должность генерал-прокурора и прокуроров надзорных судов. В большинстве коллегий также были упразднены должности прокуроров³.

Возрождение прокуратуры произошло при императрице Анне. Ее указом в октябре 1730 г. были восстановлены должности генерал-прокурора и прокуроров коллегий и надзорных судов. Причины этого решения разъяснились в самом указе: «...в государственных делах слабое чинится управление и челобитчики по делам своим справедливого и скорого решения так, как указы повелевают, получить не могут и бедные от сильных утесняемы, обиды и разорения претерпевают»⁴.

Впоследствии прокуратура получила ряд полномочий, повысивших эффективность и действенность надзора. Так, во времена Екатерины Великой прокурорский надзор наполнился новым содержанием, «комиссия о составлении проекта нового уложения» 1767 г. высказала новое воззрение на задачу прокурорской деятельности – впервые было четко заявлено, что преследованием от имени государства за совершенные преступления должна заниматься прокуратура.

Следует отметить, что прокурорская система, сформировавшаяся при Екатерине II, практически в неизменном виде функционировала до середины XIX столетия. Вообще многие юридические понятия и принципы, в том числе касающиеся органов прокуратуры, которые заложила в свои законодательные акты императрица, будут использованы спустя сто лет – во времена великих судебных ре-

¹ Казарина А. Х. Общий надзор как родоначальник прокурорско-надзорной деятельности в России // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2008. № 1 (3). С. 5

² Казанцев С. М. История царской прокуратуры. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1983. С. 36; Сухарев А. Я. Историческая судьба российской прокуратуры. Научно-публицистический очерк. М. : Норма, 2000. С. 5.

³ История государства и права России : учебник для вузов / отв. ред. С. А. Чибиряев. М. : Былина, 2000. С. 65.

⁴ Толстая А. П. История государства и права России : учебник для вузов. М. : Юстицинформ, 2007. С. 144.

форм, ознаменовавших новый этап в развитии прокурорской системы, связанный с реформами уголовного и гражданского судопроизводства.

В Учреждениях судебных установлений 1864 г. прокурорскому надзору был посвящен раздел третий, озаглавленный «О лицах прокурорского надзора»¹. Суть реорганизации прокуратуры в соответствии с основными принципами судебной реформы 1864 г. состояла в возложении на прокурора функций поддержания государственного обвинения в суде и в таком усилении надзора за дознанием и следствием, который фактически превращал прокуроров в руководителей предварительного расследования.

И. Я. Фойницкий в этой связи отмечал, что деятельность прокуратуры по содержанию распадалась на законоохранительную и обвинительную. Главное назначение прокуратуры — охранять правительственный интерес применения законов, точного и согласного с разумом их. При этом И. Я. Фойницкий указывал на то, что в деятельности прокуратуры преимущественное значение имеет обвинительная сторона, несмотря на чрезвычайно широкий объем заботы по охранению закона².

Судебная реформа 1864 г. серьезно изменила процессуальный статус прокурора в уголовном судопроизводстве: «Прокурор возбуждает уголовное преследование, руководит полицейским дознанием, наблюдает за предварительным следствием, участвует в предании суду, протестует против неправильных судебных приговоров и определений и исполняет те из них, которые вошли в законную силу»³.

Законодатель наделил прокурора полномочиями принимать объявления и жалобы от частных лиц. К прокурору могли обращаться все частные лица с сообщениями о различных происшествиях, содержащих в себе признаки преступления. По Уставу уголовного судопроизводства (далее — УУС) к заявлениям пострада-

вших прокурору не предъявлялось никаких требований. В отличие от заявлений, представляемых следователю, поэтому население чаще использовало их.

На основании имевшихся у прокурора сведений он возбуждал уголовное преследование. Право возбуждения уголовного преследования принадлежало прокурору только по делам, преследуемым в публичном порядке. При этом прокурор не был единственным участником процесса, наделенным функцией уголовного преследования. Однако, как указывал Н. В. Муравьев, прокурор признавался главным органом уголовного преследования⁴.

По верному мнению А. Квачевского, одним из первых представившего научное исследование российского уголовного судопроизводства на основе УУС 1864 г., российский законодатель не хотел ограничить судебное преследование исключительно правом на них прокуроров. «Он руководствовался практическими соображениями и находил, что при наших огромных расстояниях и недостаточных средствах сообщения, исключительное право чинов прокурорского надзора на уголовное преследование повело бы во многих случаях к безнаказанности, так как во время переписки о возбуждении преследования и начатии следствия могли бы изгладиться или быть скрыты следы и доказательства преступления»⁵.

Деятельность прокуроров была направлена на то, чтобы совершенное преступление не осталось необнаруженным, нераскрытым, а виновный в нем не избежал заслуженного наказания. Именно с этого момента, как отмечается в научных исследованиях, преимущественной направленностью деятельности прокуратуры стало участие в уголовном судопроизводстве, осуществление надзора за производством предварительного расследования. Согласно ст. 278 УУС «прокуроры и их товарищи предварительных следствий сами не производили, но давали только предложения о том Судебным Следователям и наблюдали посто-

¹ Учреждение судебных установлений: Свод законов, правил, распоряжений и разъяснений, относящихся до учреждения судебных установлений и судебного управления / сост. С. Г. Громачевский. СПб. : Изд-е кн. маг. Н. К. Мартынова, 1897. С. 88–96.

² См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. 4-е изд. СПб. : Тип. т-ва «Общественная Польза», 1912. Т. 1. С. 530, 533.

³ Муравьев Н. В. Общие основания прокурорской деятельности по уголовным делам // Дореволюционные юристы о прокуроре. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. С. 128.

⁴ См.: Муравьев Н. В. Указ.соч. С. 376.

⁵ См.: Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство. В 3 т. СПб. : Тип. Ф. С. Сущинского, 1866. Т. 1. С. 81.

янно за производством сих следствий»¹. Вместе с тем на прокурора возлагалась обязанность по надзору за деятельностью полицейских чинов по «обнаружению и первоначальному исследованию» преступлений (ст. 250–261 УУС), а также за исполнением поручений, даваемых им на основании ст. 271 и 312 УУС. В связи с этим А. Квачевский отмечал, что «успех чинов полиции в деятельности по обнаружению и преследованию преступлений немислим без непосредственного подчинения их прокурорскому надзору: без такого подчинения прокурор поручал бы одно, а полиция делала бы другое, и вместо пользы открытию преступлений они вредили бы ему. По мнению автора, нет никакого сомнения, что из всех дел, лежащих на полиции, – самое важное – обнаружение преступлений... Как по важности этой деятельности полиции, так и по личной ответственности за преследование преступлений, прокурорский надзор должен был строго следить, чтобы не проходили безнаказанно равнодушие, невнимание к обязанностям по дознанию, розыску и следствию, он и вынужден следить, чтобы послаблением чинов полиции не дать повода к обвинениям самого прокурорского надзора»².

При этом УУС наделял прокурора властными надзорными полномочиями за судебным следователем: следователь не мог отказаться от исполнения требований прокурора, касающихся исследования обстоятельств дела и собирания доказательств (ст. 281, 282 УУС); прокурор определял, произведено ли следствие с достаточной полнотой, и мог обратиться к дознанию (ст. 512 УУС).

По производству дознаний «полицейские чины» были поставлены в непосредственную зависимость не от полицейского начальства, а от прокурора. Обвинительная власть прокурора в досудебном производстве должна была сводиться главным образом к наблюдению за тем, чтобы не было случаев сокрытия от судебной власти деяний, имеющих характер преступления. Прокурор обязан был следить за тем, чтобы ни одно преступление не оставалось негласным. Прокурор являлся не стороной и не

начальством, не руководителем, а лишь блюстителем законности и справедливости³.

В связи с этим нельзя согласиться с выводами ученых о том, что после 1864 г. прокуроры стали осуществлять только обвинительную функцию в судах, а также о том, что уголовное преследование в результате судебной реформы 1864 г. становится основной функцией прокуратуры⁴. В этот период основным направлением деятельности прокурора, определяющим его статус в досудебном производстве по уголовным делам, было наблюдение за производством предварительного следствия, т. е. надзор, а возбуждение уголовного преследования являлось дополнительной по отношению к надзору функцией.

Таким образом, реформированная в 1864 г. прокуратура, как и в настоящее время, осуществляла и функцию надзора, и производную от него функцию возбуждения уголовного преследования. Судебная реформа способствовала формированию прокурорского надзора как важнейшего средства обеспечения законности уголовно-процессуальной деятельности.

Таким образом, правовой статус прокурора на протяжении веков неоднократно изменялся, но в то же время, какие бы изменения ни происходили, функция участия прокурора в уголовном судопроизводстве всегда сохранялась. При этом исторически обусловлено приоритетное направление участия прокурора в уголовном процессе, каким является обеспечение законности.

¹ Устав уголовного судопроизводства: Систематический комментарий / под общ. ред. М. Н. Гернета. Вып. III. Ст. 249–594. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1914. С. 611.

² Квачевский А. Указ. соч. С. 316, 333.

³ Устав уголовного судопроизводства. С. 584.

⁴ Мухин А. М. Процессуальная деятельность прокурора при разбирательстве уголовных дел в суде первой инстанции. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 10.

МИРОВАЯ ЮСТИЦИЯ – ВАЖНАЯ ЧАСТЬ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

GLOBAL JUSTICE IS AN IMPORTANT PART OF THE JUDICIAL SYSTEM: HISTORY AND MODERNITY

Л. Г. Корнюшина

заместитель председателя Иркутского областного суда

В статье проанализировано значение судебных уставов 1864 г. для судебной системы России; дано описание истории создания современного института мировых судей в Иркутской области, представлен образ мировой юстиции как первого звена судебной системы; исследовано современное положение мировой юстиции и изменения, проявившиеся в появлении новых технологий, в формировании стабильного и квалифицированного кадрового состава участков мировых судей, деятельность которого направлена на доступность правосудия, эффективность, гласность и открытость судебной системы.

The article analyzes the importance of the Judicial statutes of 1864 for the judicial system of Russia; describes the history of the modern institution of justices of the peace in the Irkutsk region, presents the image of a world of justice as the first level of the judicial system; the article explores the current state of the world of justice and the changes manifested in the emergence of new technologies, the formation of a stable and qualified personnel plots magistrates, whose activities are focused on access to justice, efficiency, openness and transparency of the judicial system.

Ключевые слова: судебная реформа, судостроительство, судопроизводство, мировая юстиция, мировой суд, состязательность.

Keywords: judicial reform, judicial system, judiciary, global justice, world court, the adversary system.

Судебная реформа 1864 г. стала знаковым событием для России. В ноябре 1864 г. Александр II утвердил новые судебные уставы. С этого момента в Российской империи впервые устанавливались либеральные принципы судостроительства и судопроизводства: осуществление правосудия только судом, независимость судов и судей, отделение судебной власти от обвинительной, несменяемость судей, бессловность суда (равенство всех перед судом), состязательность, самостоятельность судей, гласность и устность судопроизводства.

Данной отечественной судебной реформе в ноябре исполняется 150 лет.

Реформа стала одной из самых действенных в истории страны. Она по праву является самой прогрессивной во всех судебных преобразованиях, поскольку реализация принципа верховенства власти невозможна без судебной власти.

Благодаря этой реформе сегодня суд в полной мере работает над защитой прав россиян. Это один из самых объективных органов власти, куда можно обратиться за помощью и получить честную оценку ситуации.

Этот процесс заложил основы для работы современной судебной системы, которая нахо-

дится в постоянном развитии, а ее формирование продолжается. Недавний пример — объединение высших судов.

Говоря о судебной реформе России, нельзя не сказать о мировой юстиции, поскольку за время своего существования институт мировых судей стал ее важной частью.

Впервые он был введен в результате реформы Александра II и произвел коренной переворот в области старых судебных учреждений России и процессуального порядка. С введением судебных уставов 1864 г. появилось деление судов в России на учреждения общие и мировые с установлением трех инстанций: первой, апелляционной и кассационной, а мировые судьи получили независимость.

На основании судебных уставов 1864 г. судебная власть принадлежала мировым судьям, съездам мировых судей, окружным судам, судебным палатам и Правительствующему сенату в качестве высшего кассационного суда. Особую роль в осуществлении правосудия того времени играл мировой судья — центральная фигура в концепции реформ 1864 г.

Однако в советский период истории России, когда судебная система страны была подвергнута кардинальной трансформации, миро-

вым судьям в ней места не нашлось. И окончательно мировые судьи были упразднены со всей царской системой суда Декретом о суде от 24 ноября 1917 года № 1.

И только спустя 80 лет институт мировых судей возродился.

Официально этот институт в послереволюционной России упоминается в Концепции судебной реформы, одобренной Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. Присвоение судьям названия мировых имело цель показать историческую преемственность и одновременно повысить доверие граждан к новому звену судебной системы. Первоначально предполагалось, что мировые судьи будут подразделены на две категории: участковые (территориальные) и специализированные (следственные, пенитенциарные и др.), первые из которых станут разрешать уголовные, гражданские дела, дела об административных правонарушениях, вторые – осуществлять контрольные функции там, где под угрозу ставятся свободы и права человека. Однако впоследствии предлагаемое «деление» мировых судей и упрощенный порядок судебного рассмотрения ими дел законодательно не были закреплены.

17 декабря 1998 г. в рамках судебной реформы был принят Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации», и поэтому эта дата – значимое событие, наполненное огромным смыслом и содержанием, за ней стоит история воссоздания существовавшей в России XIX в. мировой юстиции.

С принятием Федерального закона от 29 декабря 1999 г. № 218-ФЗ «Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации» был дан старт возрождению этого института в российских регионах.

История создания современного института мировых судей в Иркутской области официально начинается 6 января 2000 г.

Как все новое, этот институт своим появлением поставил ряд вопросов, ответы на которые находились постепенно, а некоторые решаются до сих пор. Основные усилия были направлены на формирование нормативной и материально-технической базы для скорейшего введения судебных участков. Колоссальная организационная работа была проведена в короткие сроки. Первое назначение мировых судей в Приангарье состоялось 27 июня 2001 г.

Главной целью восстановления данного института являлось, с одной стороны, повышение доступа граждан к правосудию как наиболее эффективному и универсальному способу защиты своих прав и законных интересов, а с другой – максимальное приближение суда к населению.

Сегодня правосудие мировыми судьями в Иркутской области отправляется на 135 судебных участках. Многие мировые судьи служат закону с самого основания мировой юстиции в регионе, некоторые начали свое служение Фемиде относительно недавно, но всех их объединяет одно – утверждение справедливости и законности.

Анализ деятельности мировых судей Иркутской области позволяет сделать вывод, что институт мировых судей сыграл положительную роль в становлении судебной власти региона. За более чем десятилетний период работы данный институт доказал свою состоятельность и способность решать задачи, которые ставились при его создании.

Сегодня на мировых судей ложится основная тяжесть работы по решению множества проблем, требующих вмешательства Фемиды в жизненно важные сферы: семейные, имущественные, своевременную выплату заработной платы и многое другое. И, что немаловажно, с особым акцентом на примирительные процедуры, на заключение мировых соглашений.

Одной из главных проблем остается чрезвычайно высокая нагрузка мировых судей региона и их аппарата, сегодня она достигает в среднем 268 дел в месяц, при среднем показателе в России 186 дел в месяц. Однако на многих судебных участках мировые судьи ежемесячно рассматривают от 300 до 450 и более дел и материалов. На некоторых судебных участках нагрузка достигает свыше 500 дел в месяц (судебные участки № 7, 119, 64, 94, 50, 106).

Из общего количества всех рассмотренных судами дел более 70 % рассмотрено мировыми судьями. Так, за 9 месяцев 2014 г. мировыми судьями рассмотрено 267 289 дел, из них 6 649 уголовных, 212 272 – гражданских и 48 368 дел об административных правонарушениях.

Если говорить о качестве отправления правосудия мировыми судьями, то на сегодня оно составляет 75 % по уголовным делам и 91 % по рассмотрению гражданских дел.

Со 100-процентным качеством отправления правосудия отработали по уголовным делам – более 40, по гражданским делам – более 80 мировых судей.

Безусловно, ныне существующий критерий эффективности правосудия, заключающийся в установлении числа ошибок, допускаемых судами, не может быть единственным критерием оценки их работы, хотя он, в первую очередь, характеризует ее качество.

Вместе с тем актуальным, к примеру, является и неукоснительное соблюдение мировыми судьями процессуальных сроков рассмотрения дел, в том числе в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации.

Несмотря на колоссальную нагрузку, с нарушением установленных сроков мировыми судьями рассмотрено всего 0,3 % дел.

За все время существования мировой юстиции в Иркутской области многое изменилось. Появились новые технологии, сформирован стабильный и квалифицированный кадровый состав участков мировых судей. Сегодня можно говорить о том, что этот институт уже перерос вчерашние требования. Его деятельность направлена на доступность правосудия, эффективность, гласность и открытость системы.

Мировая юстиция сегодня – один из самых востребованных институтов правосудия. То количество дел, которое рассматривают мировые судьи ежедневно, и показатели качества их работы свидетельствуют об этом.

Вместе с тем предстоит решить еще множество задач, чтобы мировые судьи области могли осуществлять независимое, компетент-

ное и качественное правосудие в современных цивилизованных условиях, достойных высокой миссии судебной власти субъекта Российской Федерации.

Кроме того, в ближайшем будущем необходимо продолжить работу по усовершенствованию мировой юстиции в области. Она должна стать в центре заботы и всеобщего внимания судебского сообщества, правительства Иркутской области, министерства юстиции, Законодательного Собрания региона.

Сегодня российское право переживает период активного роста. Современное судопроизводство предполагает не только повсеместное внедрение информационных технологий, но и интеллектуальный аспект развития правосудия, который подразумевает под собой морально-этические качества всего судебского корпуса. Несмотря на все технические нововведения в судебной системе, главным в осуществлении правосудия остается опыт судьи, его знания, человеческие качества. Судейское сообщество нуждается в людях, сочетающих в себе новое правопонимание и правоприменение, способность заслужить уважение граждан при любом исходе дела.

Поэтому деятельность мировой юстиции не только сложная, но ответственная и необходимая работа. Именно представители мировой юстиции, как первое звено судебной системы, стоят лицом к людям, к тем, в чьих интересах они трудятся и принимают непростые решения.

Избрать своей профессией отправление правосудия и восстановление справедливости дано не каждому! И мировые судьи Иркутской области соответствуют этому благородному образу!

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУДЕЙ – УРОКИ ИСТОРИИ

DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF JUDGES – HISTORY LESSONS

С. Л. Морозов

канд. юрид. наук

судья Иркутского областного суда, председатель

Квалификационной коллегии судей Иркутской области

В статье представлен сравнительный анализ отдельных норм о дисциплинарной ответственности судей, действовавших в годы великой судебной реформы 1864 г. и действующих в настоящее время. Установлено, что эти нормы остаются актуальными и имеют потенциал к развитию.

The comparative analysis of separate norms on a disciplinary responsibility of the judges acting in the years of Great judicial reform of 1864 and acting now is presented in article. It is established that these norms remain actual and have potential to development.

Ключевые слова: судьи, дисциплинарная ответственность, судебная власть.

Keywords: judges, disciplinary responsibility, judicial authority.

Первая статья закона «О статусе судей в Российской Федерации» озаглавлена следующим образом: «Судьи – носители судебной власти». Какие именно качества и в каком приоритете определяют носителя судебной власти, с учетом очевидного, что он должен удовлетворять самым высоким требованиям? Этот вопрос всегда актуален и для теоретиков, исследующих судебную деятельность с научной точки зрения, и для реформаторов, которые непосредственно модернизируют третью ветвь власти, и для самих членов судейского сообщества.

В обществе сформировался стереотип, состоящий в отождествлении судебной власти с судом, судебной системой, а то и личностью судей¹. Старая поговорка «Не суда бойся, бойся судьи!» не могла появиться на пустом месте. И хотя судьи – лишь потенциальные носители судебной власти, институты которой базируются на объективных естественных законах, требующих обязательного правильного применения, нельзя отрицать, что качественное правосудие определяется в решающей степени отношением самих судей к своему делу.

Обеспечивать правильное отношение к своим обязанностям призваны отбор кандида-

тов в судьи и меры ответственности за допускаемые нарушения.

Знания об эволюции взглядов на меры ответственности судей помогает правильно оценить их современное состояние и нереализованный потенциал, пути дальнейшего совершенствования.

Многоаспектный характер ответственности включает юридическую ответственность, которая в свою очередь подразделяется на уголовную, гражданско-правовую и дисциплинарную ее разновидности. Так сложилось, что дисциплинарная ответственность – наиболее применяемый вид юридической ответственности судей, поэтому она является предметом нашего внимания.

В российской истории одним из великих достижений, задавшим векторы развития разных сфер общественной жизни, заслуженно считается великая судебная реформа 1864 г.

Сущность тех перемен прекрасно резюмирована в известном пояснительном Указе Императора Александра II Правительствующему сенату от 20 ноября того же года, сопровождавшем судебные уставы. В нем указывалось на цель судебной реформы – «водворить в России суд скорый, правый, милостливый, равный для всех». Как средства для этого «возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе то уважение к закону, без коего невоз-

¹Колоколов Н. А. Судебная власть как общеправовой феномен : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С.5.

можно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем всех и каждого»¹.

Сам же термин «судебная власть» был в России законодательно закреплен также судебными уставами.²

Сегодня, когда на новом витке общественных представлений о судебной власти в России осуществляется другая ее реформа, полезно оглянуться на опыт 150-летней давности.

С этой точки зрения интерес представляет работа историка и юриста Г. А. Джаншиева «Основы судебной реформы», опубликованная в 1891 г. и посвященная 25-летию судебных уставов. «Основы судебной реформы» содержит анализ происходивших в 1864 г. процессов, а также последовавших за ними так называемых контрреформ – законов 1884–1889 гг.

Многие затронутые автором вопросы пересекаются с проблемами наших дней. При этом, являясь защитником основ судебной реформы, Г. А. Джаншиев со сторонниками, например М. Н. Катковым, никогда не утверждал, что судебные уставы так совершенны, что не подлежат изменению. И возможность, и законность, и даже необходимость их изменения им не оспаривалась. Все его чаяния сводились к тому, в каком направлении должны быть производимы эти дополнения, чтобы новый суд мог плодотворно функционировать.

Одной из коренных основ судебной реформы являлась несменяемость судей – важнейшая гарантия независимого суда, обеспечивающего и возвышение судебной власти, и уважение к закону. При этом возвышение судебной власти понимается как отделение от власти административной, или, как ее сейчас называют, исполнительной. Даже такие перемены считались радикальными. Хотя тезис о необходимости независимости судебной власти в современном понимании, конечно, намного шире.

Согласно Учреждению судебных установлений от 20 ноября 1864 г. вопросы об ответственности судей передавались на обсуждение Высшего дисциплинарного присутствия Правительствующего сената по предложению министра юстиции. Порядок, основания и виды

ответственности судей были предусмотрены ст. 261–296 этого документа.³

Касаясь их, Г. А. Джаншиев критически отмечает, что положения о дисциплинарном присутствии и те нормы дисциплинарного кодекса, помещенные в Уложении о наказаниях, а также в Уставах о службе гражданской, хотя и предписывали некоторые правила поведения для судей, однако фактически были бесполезны, поскольку не могли повлиять на истребление существовавших пороков. Устав чрезвычайно устарел, существуют ст. 723, запрещающая безбожное жительство, пьянство, ложь и обман и предписывающая добродетели и похвальное любочестие, что имеет не больше значения, чем постановление ст. 185 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, коею запрещается всем и каждому пьянство. Другой недостаток Устава – неполнота, поскольку он не предусматривает некоторых служебных проступков, например, замаскированного участия судей в направлении или даже ведении дел, прямого или косвенного давления на судей-товарищей и прочих проявлений кумовства. Затем и частная жизнь судьи изъята вовсе из-под контроля дисциплинарного суда (присутствия). Пьяница, развратник, состоящий должником судья едва ли может внушить населению должное уважение и, без сомнения, роняет носимое им звание.⁴

Автор видит, что, как бы ни был подробен дисциплинарный кодекс, он не может предусмотреть всех действий и упущений судей, компрометирующих достоинство судьи, в связи с чем приходится предоставить дисциплинарному суду некоторый простор в определении состава проступков, совершение которых роняет достоинство судьи. В этом, однако, кроется и весьма важная опасность для интересов правосудия, поскольку в случае неправильных действий этого дисциплинарного органа независимость и несменяемость судей сведется к нулю. Решение данной проблемы в свою очередь заключается в гарантиях, предоставляемых дисциплинарным судом, которые должны быть не ослаблены, а увеличены против обыкновенных судебных гарантий.

¹Хрестоматия по истории отечественного государства и права: X век – 1917 год. М.: Зерцало, 1998. С.299.

²Кландров М. И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты. М.: Норма, 2011. С.36.

³Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. / отв. ред. А. В. Наумов. М.: Мысль, 2003. Т. 3: От Свода законов к судебной реформе 1864 г. С.424–428.

⁴Джаншиев Г. А. Основы судебной реформы: сборник статей. М.: Статут; РАП, 2004. С.128–129.

Вернемся в наши дни и увидим, что подобные вопросы к регламентации поведения судей, особенно вне стен суда, привели к созданию органов судейского сообщества и наделению их полномочиями, касающимися регуляции процессов внутри судебной системы, установлению общих процедур их деятельности. Почти одновременно с этим приняты корпоративные правила поведения – сначала Кодекс чести судьи, трансформировавшийся затем в Кодекс судейской этики. В его последнем виде Кодекс судейской этики утвержден в декабре 2012 г. VIII Всероссийским съездом судей, при этом стал более объемным, вместо 13 статей в него включены 24.

Наряду с общими правилами поведения, устанавливающими, например, что деятельность по отправлению правосудия является для судьи приоритетной, Кодекс предписывает, что судья не должен осуществлять никакой деятельности, которая могла бы поставить под сомнение его независимость и беспристрастность и приводить к конфликту интересов. Судья должен работать добросовестно, не использовать служебное положение в личных интересах, в том числе при обращении в госорганы. Кодекс стал указывать на некоторые более частные, но также универсальные случаи. Например: судья не должен поддаваться влиянию со стороны, в том числе критическому обсуждению его деятельности; о непроцессуальных обращениях судья должен информировать председателя суда и органы судейского сообщества; в ситуациях, угрожающих конфликтом интересов, связанных не только с самими судьями, но и с членами их семей, судья должен отказаться от рассмотрения дела; судья должен способствовать профессионально грамотному освещению в средствах массовой информации работы суда и судей, однако проявлять осмотрительность, не давая комментариев по существу не рассмотренных до конца дел. Вместе с тем понятно, что создать правила поведения под каждый конкретный случай невозможно, поэтому в указанном Кодексе появилась рекомендация для судей обращаться в комиссию по этике Совета судей за разъяснениями.

Как видно, аналогии с работой Г. А. Джанишева вполне осязаемы и поэтому они вызывают те же мысли о путях преодоления проблем, что высказывались более века назад.

С одной стороны, не следует ограничивать дисциплинарный орган в отнесении тех или иных действий к понятию дисциплинарного проступка судьи.

Как отмечает председатель Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации Н. В. Тимошин, дисциплинарная ответственность в новейшей российской истории стала делом органов судейского сообщества, что является свидетельством и одним из условий достижения независимости судебной власти и судьи. Развитие этого правового института – в повышении гибкости применения ответственности, укреплении самостоятельности квалификационных коллегий судей как органов судейского самоуправления в применении норм об ответственности. Например, судья совершил служебный подлог, фальсифицировал доказательства по уголовному делу и вынес обвинительный приговор в отношении невиновного лица. Это, в сущности, преступление. Но к уголовной ответственности он не был привлечен, да и срок давности привлечения к дисциплинарной ответственности истек. Если по совести, разве может такой судья оставаться в судейском сообществе? Надо дать право квалификационным коллегиям глубоко, аргументированно принимать решения в таких исключительных случаях¹.

Похожую позицию занимает В. В. Кузнецов, который также полагает, что сроки давности привлечения судьи к дисциплинарной ответственности необходимы, но должны быть установлены с момента обнаружения проступка, и они должны быть дифференцированы в зависимости от характера нарушения, наступивших последствий. Хотя законодательно могут быть также установлены основания, по которым к некоторым проступкам сроки давности неприменимы.²

Нельзя не заметить, что федеральный законодатель недавним изменением ст. 12.1 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» в редакции Федерального закона № 179-ФЗ от 2 июля 2013 г. частично высказанные выше предложения о сроке давности реализо-

¹ Интервью с председателем ВККС РФ Н. В. Тимошиным // Журнал «Судья». № 6. 2013. С.6.

² На вопросы редакции отвечает В. В. Кузнецов, член Президиума Верховного Суда РФ // Журнал «Судья». № 6. 2013. С.10.

вал¹. По действующему положению решение о наложении на судью дисциплинарного взыскания не может быть принято по истечении шести месяцев со дня выявления дисциплинарного проступка, за исключением периода временной нетрудоспособности судьи, нахождения его в отпуске и времени проведения служебной проверки, и по истечении двух лет со дня совершения дисциплинарного проступка. Однако эти новеллы никак не исключают возможности дальнейшего совершенствования норм о дисциплинарной ответственности.

С другой стороны, вышеизложенные позиции подчеркивают, что процедурные гарантии производства в дисциплинарном органе должны быть очень высокими. Необходимость этого подтверждается историей.

В свое время судебная реформа натолкнулась на контрреформу, которая выражалась не только через усиление ответственности судей и расширение круга действий, подлежащих ведению дисциплинарного суда, но и через учреждение новых органов дисциплины.

По сравнению с уставами Александра II, которыми предусматривалось, что судьи могли за действия, прямо предусмотренные законом, подвергаться только предостережениям, но и то подобные дела рассматривались в нескольких инстанциях, по желанию участвовал защитник, допускалась гласность

Проблемы дисциплинарного суда конца XIX в., по мнению Г. А. Джаншиева, заключались в следующем. Разбирательство уже могло окончиться удалением судьи от должности, но не это главное. Опасность в том, что при этом дела рассматриваются только в одной инстанции, защита не допускается абсолютно и гласность изгнана. Таким образом, гарантии правосудия дисциплинарного суда уменьшились обратно пропорционально предоставленным ему обширным, почти ничем не ограниченным полномочиям, и краеугольный камень нового судебного строя – судебская независимость и несменяемость – стал не таким твердым. Новый закон расширил пределы круга действий судей, подпадающих под юрисдикцию дисциплинарного суда таким образом, что «...дальше идти некуда». Министр юстиции

мог передать на обсуждение дисциплинарного суда поступки судей, если усмотрит, что судья совершил такие служебные упущения, которые, по своему значению и многократности, свидетельствуют о несоответствии судьи занимаемому им положению или о явном с его стороны пренебрежении к своим обязанностям; или судья позволил себе вне службы такие противоправные нравственности или предосудительные поступки, которые хотя и не имели последствием привлечение его к уголовной ответственности, но, будучи несовместны с достоинством судейского звания и получив огласку, лишают совершившего их судью необходимых для сего звания доверия и уважения. Помимо того, что вообще была усилена власть прокуратуры по надзору, министру юстиции (он же генерал-прокурор) впервые предоставлено право непосредственного проявления дисциплинарной власти над судьями всех степеней и рангов. Учреждена новая полуправительственная коллегия с неограниченным правом перевода судей из одного округа в другой и даже удаления от должности, чем был нанесен тяжелый удар коренным основам судебных уставов. Имелись и другие нововведения, касающиеся дисциплинарного судопроизводства. До судебной реформы не было судей – юристов в настоящем смысле слова: это были агенты министерства юстиции, обязанные по первому его приказанию делаться то криминалистами, то цивилистами. Судебная реформа, отдавая должное место юридической науке, поставила дело так, что для правильного отправления правосудия стали нужны специалисты по гражданскому или уголовному праву и процессу. С большим трудом, но стали формироваться такие специалисты. В период контрреформ специалисты признаются излишними, и предъявляется запрос на всезнающих людей, члены окружных судов уже могут быть перемещены из одного отделения в другое. Подобное перемещение части членов из гражданских отделений в уголовные и обратно даже рекомендуется новым законом².

К чему это приводит? Г. А. Джаншиев сокрушается, что, читая новый закон, можно подумать, что речь идет о студентах, кандидатах на судебные должности, которым небесполезно ознакомиться с гражданским и уголовным процессом, а не о сформировавшемся специа-

¹О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»: федер. закон от 2 июля 2013 г. № 179-ФЗ // Российская газета. 2013. 5 июля. Федеральный выпуск № 6121.

²Джаншиев Г. А. Указ. соч. С. 130–131.

листе, члене окружного суда. Мало-мальски знакомому с современным состоянием юридической науки известно, что юристу необходимо, в интересах плодотворности своих занятий, сосредоточиться, специализироваться. Многие специалисты, стяжавшие почетную известность своими солидными познаниями в области гражданского или уголовного права, будут поставлены в очень затруднительное положение, когда по воле случая и помимо их желания придется переменить род специальности. Не без сожаления Г. А. Джаншиев замечает, что судьи с легким юридическим багажом, без сомнения, не будут жаловаться на неудобства нового закона и будут считать себя одинаково годными как для гражданского, так и для уголовного отделений. Едва ли правосудие много выиграет, если придется пользоваться по преимуществу услугами судей с таким уровнем юридического развития.¹

Несмотря на общий не обнадеживающий тон работы Г. А. Джаншиева, напешдшего немало пороков в системе дисциплинарного производства в отношении судей в конце XIX в. вопреки завоеваниям 1864 г., следует отметить, что факты привлечения судей к дисциплинарной ответственности были большой редкостью.

За 20 лет с 1885 по 1905 г. Высшее дисциплинарное присутствие Сената рассмотрело 345 дел, в среднем по 15 дел в год; при этом в период с 1886 по 1894 г. было отстранено от должности за предосудительный образ действий всего двое судей².

Для сравнения следует сказать, что в наши дни количество судей, привлеченных к дисциплинарной ответственности, в десятки раз больше. Так, например, за период с 2010 по 2012 г. предупреждены 590 судей и досрочно прекращены полномочия 104 судей, отказано в привлечении к дисциплинарной ответственности 162 судей³.

Может ли это говорить о том, что гарантии несменяемости и независимости судей как носителей судебной власти в наше время сла-

бее, чем в годы великой судебной реформы, когда фактически они впервые утвердились? Вряд ли и прежде всего потому, что правовые нормы, гарантирующие несменяемость и независимость судей, в наше время присутствуют уже в ряде законов и закреплены в Конституции РФ⁴. В любом случае этот вопрос требует анализа.

Нельзя забывать, что после 1864 г. реформа все-таки подверглась ревизии. К этому привели многие факторы, и не только субъективные. В области дисциплинарной ответственности в государстве возникла потребность в отдельных случаях реагировать на нарушения со стороны судей, вплоть до отрешения от должности.

Вновь такая ситуация повторилась через сотню с небольшим лет. В девяностые годы XX в. и до 2001 г. отсутствовали нормы о дисциплинарной ответственности судей. Со временем стало очевидно необходимость в применении мер воспитательной направленности и так называемых карательных мер к судьям. В связи с этим законом были введены дисциплинарные взыскания соответственно в виде предупреждения и в виде досрочного прекращения полномочий судьи, а с 2013 г. также и в виде замечания.

Закон «О статусе судей в Российской Федерации» закрепляет очень широкие гарантии независимости за судьями⁵. Фактически дано определение понятиям несменяемости, неприкосновенности, включая особый порядок возбуждения уголовного дела, решение вопроса о привлечении судьи к административной ответственности, недопустимость задержания, особый порядок избрания меры пресечения. Однако и требования к судьям постепенно предъявляются все более и более жесткие, вызванные пониманием, что гарантии не имеют персонализированного характера по отношению к личностям, занимающим судебские должности, не являются личными привилегиями, а предоставляются носителям судебной власти, т. е. по большому счету гарантии пре-

¹ Джаншиев Г. А. Там же. С. 131.

² Яковлев А. Э. Становление и виды юридической ответственности судей в России XV–XIX веков : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

³ См.: Анализ практики. Обзор результатов деятельности за 2010, 2011, 2012 гг. [Электронный ресурс]. Официальный сайт ВККС РФ: [сайт]. URL: <http://www.vkks.ru/category/8/> (дата обращения: 02.11.2014)

⁴ См.: Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

⁵ См.: О статусе судей в Российской Федерации : Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1. [Электронный ресурс]. Официальный сайт Российской газеты: URL: <http://www.rg.ru/1992/07/29/status-site-dok.html> <http://www.rg.ru/1992/07/29/status-site-dok.html> (дата обращения: 02.11.2014)

доставляются судебной власти как институту. Сам этот институт должен иметь возможность избавляться от своих пороков без внешнего воздействия.

Международное и Европейское сообщества, стараясь всемерно поднять авторитет судебной власти и укрепить независимость судейского корпуса, предусматривают дисциплинарное воздействие на судей именно в интересах охранения судебной власти. Возможность привлечения судьи к дисциплинарной ответственности содержится и в Основных принципах независимости судебных органов, одобренных резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН № 40/32 от 29 ноября 1985 г. и № 40/146 от 13 декабря 1985 г., и в Рекомендациях Комитета министров Совета Европы от 13 октября 1994 г., и в Европейской хартии о статусе судей от 8–10 июля 1998 г.¹ Оценивая гарантии неприкосновенности судей, следует подчеркнуть, что основная их цель – не защищать судей, а ограждать их от произвола тех, кто раздражен принимаемыми ими в соответствии с законом судебными решениями².

Трудно не согласиться с мнением М. И. Клеандрова, что было бы преждевременно считать, что судебная власть сегодня в нашей стране по-настоящему сильная, эффективная и во всем устраивающая граждан России. Поскольку общественная потребность в справедливом, доступном и эффективном правосудии полностью не удовлетворена, значит, судебная реформа не может считаться завершенной, а следовательно, развитие судебной власти в России, ее структур и ее носителей продолжается³.

В этой связи нельзя отделить защиту независимости судебной власти как системы в целом и защиту судей как носителей этой власти. Когда же судьи выполняют свои обязанности неэффективно и ненадлежащим образом или когда имеют место дисциплинарные нарушения, должны приниматься все необходимые меры, не наносящие ущерба независимости судебных органов.

Важным является вопрос о том, по какому пути развивать нормы о дисциплинарной ответственности судей. Обращение к историческому опыту принятия судебных уставов 1864 г. показывает, что успех преобразований основывался во многом на том, что главные начала признавались в то время, во-первых, наукою и, во-вторых, опытом европейских государств. Причем речь шла не о подражании либо заимствовании, а как следует из записки одного из авторов реформы Н. А. Буцковского, а о «... разумном применении общих начал, выработанных юридическою наукою»⁴.

Такой же подход следует применять и к реформированию дисциплинарной ответственности как в ее материальном, так и процессуальном или процедурном аспектах. В настоящее время впервые в российском законодательстве возникла ситуация, когда вопрос о дисциплинарной ответственности судей разрешается органом судейского сообщества – квалификационной коллегией судей. Однако глубинная правовая природа деятельности данного органа судейского сообщества пока еще не выявлена. Как отмечает М. И. Клеандров, научных статей и исследований по данной тематике явно недостаточно⁵. Аналогичной позиции придерживается В. В. Кузнецов, который считает, что квалификационная коллегия судей является достаточно новым в историческом масштабе явлением. Очевидно, что оно нуждается в анализе, изучении средствами юридической науки⁶.

¹ См.: Основные принципы, касающиеся независимости судебных органов. [Электронный ресурс]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=361 (дата обращения: 02.11.2014)

² Правосудие в современном мире : монография / под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. М. : Норма. Инфра-М, 2012. С.161–162.

³ Клеандров М. И. Указ. соч. С.44.

⁴ Джанишев Г. А. Указ. соч. С. 56–57.

⁵ Квалификационные коллегии судей: вчера, сегодня, завтра : сборник статей. М. : ВККС РФ, 2012. С. 64.

⁶ Квалификационные коллегии судей: вчера, сегодня, завтра. С. 33.

Кутин Н.Г.

Степанов Л.В., Мельникова Н.И.

Новокорнев Н.С., Кутин Н.Г., Аллатов Б.К.

Колодицина Н.Ю.,
Красильникова Л.И.,
Ушачева О.В.,
Дроздовская Н.В.

Зуева Л.М., Кутин Н.Г.

Степанов А.С., Новокорнев Н.С.

Концерт, посвященный 150-летию судебной реформы

ПРЕДИСЛОВИЕ К РЕЧАМ Н. В. МУРАВЬЕВА

В. Г. Вишневский

канд. юрид. наук

доцент кафедры теории и истории государства и права

Иркутского юридического института

Российской правовой академии Министерства юстиции РФ

После утверждения Основных положений преобразования судебной части в России 1862 г. и принятия судебных уставов 1864 г. начинается очень трудная борьба по реализации провозглашенных в этих актах идей в реальной действительности. Сама судебная реформа начинается с момента открытия Московской и Санкт-Петербургской судебных палат в 1866 г.

Открытие первых палат осуществлялось под непосредственным наблюдением и участием министра юстиции Д. И. Замятина. Он сам подбирал судей, проводил с ними частые беседы. Разъяснял статус судьи, его роль в формировании общественного мнения о новом судеустройстве и судопроизводстве, целей и задач правосудия. Он раскрывал смысл и значение нового правового мышления, формирования отношений, основанных на праве, создания юридического мировоззрения в России. Представители исполнительной власти (губернаторы) нередко писали жалобы министру юстиции на принимаемые судьями решения. Замятин сам проводил расследование таких дел и, если убеждался в правоте судебного решения, повышал такого судью в служебном положении.

С начала 70-х гг. правительство медленно начинает восстанавливать дореформенные порядки. Исполнительная власть добивается усиления власти губернаторов, создаются специальные суды, тормозится процесс открытия советов присяжных поверенных, ограничивается компетенция суда присяжных, мировых судей. Однако все это происходит без определенной программы, хаотично, нервно, с чувством враждебной неприязни к новым судам. Поэтому, строго говоря, назвать это движение

«контрреформой» нельзя. Но само это движение имело все же единство, направленное на возрождение дореформенного правосудия, дореформенных порядков с правами и привилегиями дворянского сословия.

На этом неблагоприятном фоне отношения к судебным уставам в 1894 г. на пост министра юстиции назначается Н. В. Муравьев. Потомственный дворянин, сторонник дворянской идеологии, юрист, обладавший высокой правовой профессиональной культурой. Муравьев 30 апреля 1894 г. выступил перед Государственным советом с предложением о пересмотре судебных уставов. Однако в этом же году новая комиссия под председательством товарища министра, сенатора П. М. Бутовского, назначенная для составления предложений об улучшении судебной части в губерниях и областях Сибири, пришла к заключению о том, что без решительных преобразований системы сибирских судов и прежнего судопроизводства невозможно успешно завершить судебную реформу в Сибири.

К концу 1895 г. комиссия составила проект Временных правил об устройстве судебной части в губерниях и областях Сибири, который был направлен для согласования в соответствующие министерства. После незначительных изменений министерство юстиции в феврале 1896 г. внесло проект на рассмотрение Государственного совета.

Министр юстиции Н. В. Муравьев 6 апреля 1896 г. представил доклад в Государственном совете в заседании соединенных департаментов законов, государственной экономики и гражданских и духовных дел, который оказался прямо противоположным докладу от 30 апреля 1894 г. Доклад Муравьева был глубоко продуман

манным, последовательным, представленные в нем факты красноречивы и произнесены с убедительной аргументацией, эмоционально и в то же время математически точно. На этот раз Муравьев выступает в большей степени юристом-профессионалом, энергичным сторонником уставов 1864 г., а не дворянином-чиновником, стремящимся сохранить привилегированное положение своего сословия любыми средствами.

В докладе были отражены те мысли о сибирском правосудии, которые высказывались ранее Миловецким, Вагиным, Анучиным, Игнатьевым, Клоповым и др. По существу, доклад государственного деятеля-юриста был наполнен жизненной правдой о сибирском правосудии, критикой грабительской политики правительства, открыто высказанной в Государственном совете и ставшей блестящей защитой интересов сибирского края.

Министр юстиции Н. В. Муравьев 2 июля 1867 г. произнес речь уже при открытии Ир-

кутской судебной палаты и Иркутского окружного суда. В своей речи Николай Валерианович проводит глубокий анализ новому правосудию, раскрывает смысл и значение его в новых условиях общественного развития. Муравьев раскрывает необходимость в смене юридического мышления, в формировании нового юридического мировоззрения, направленных на защиту интересов человека независимо от его социального и имущественного положения или сословной принадлежности.

Сказанные им речи были близки и напоминали творческий характер деятельности римских юристов, провозглашавших и утверждавших требования постоянно меняющейся жизни общества, возникавших новых прав и свобод человека и гражданина.

Ниже приводятся две речи министра юстиции Н. В. Муравьева сказанные им в защиту новых идей правосудия: свободы, равенства и справедливости.

II.

**Рѣчь при открытіи новыхъ судебныхъ установленій въ Иркутскѣ,
2 іюля 1897 г. ¹⁾.**

2 іюля 1897 г. на торжествѣ открытія Иркутскихъ судебной палаты и окружного суда, въ присутствіи высокопреосвященнаго Тихона, архіепископа Иркутскаго и Верхотурскаго, Иркутскаго генераль-губернатора, генераль-отъ-инфантеріи Горемыкина, другихъ мѣстныхъ властей, прибывшихъ въ Иркутскъ чиновъ судебного вѣдомства и многочисленныхъ приглашенныхъ лицъ, министръ юстиціи произнесъ слѣдующую рѣчь:

Всемиловѣйшій Государь прислалъ меня объявить, что насталъ для Сибири великій, знаменательный день — день повсемѣстнаго введенія въ ней новыхъ судовъ, образуемыхъ по Судебнымъ Уставамъ Императора Александра II. Долго ждала Сибирь этого дня, давно стремилась она къ благамъ обновленнаго, для всѣхъ одинаго правосудія. Еще въ половинѣ прошлаго вѣка иркутскій депутатъ, Алексѣй Сибиряковъ, заявлялъ въ Екатерининской комиссіи о сочиненіи уложенія, что „нигдѣ такъ не потребны люди добрыхъ качествъ по производству судовъ и слѣдствій и всякихъ этого рода дѣлъ, какъ въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ столицъ“, и, затѣмъ, ярко очертивъ тогдашніе сибирскіе судебные непорядки, убѣдительно выставлялъ причины, по которымъ „надлежитъ взирать на дальнія страны и располагать, чтобы и въ нихъ царствовало такое же правосудіе, какъ и въ городахъ столичныхъ“. Съ тѣхъ поръ, въ нескончаемой смѣнѣ годовъ и событій, тянется рядъ попытокъ къ устроению

¹⁾ Журналъ Министерства Юстиціи 1897 г., Сентябрь.

правовой жизни Сибири и длится неустанная борьба законодательства и правительства съ различными темными явленіями этой жизни и, главнымъ образомъ, съ крѣпко укоренившимся въ ней безсудіемъ и безправіемъ. Свообразныя природныя и историческія условія крайне затрудняли эти старанія и часто дѣлали ихъ безуспѣшными; трудно бороться съ такими врагами, какъ отдаленность отъ центровъ, необозримость пространствъ, рѣдкость населенія, слабость культуры. Судебное переустройство Сибири, въ смыслѣ объединенія съ другими частями Имперіи, всегда озабочивало дѣятелей сибирскаго упорядоченія, начиная съ того знаменитаго отечественнаго законостроителя, про котораго его сибирскій другъ и историкъ ¹⁾ сказалъ: „бысть челоуѣкъ посланъ свыше, и имя его останется незабвеннымъ въ лѣтописяхъ всей Сибири“. Но ни Сперанскій, ни наиболѣе энергичные изъ его преемниковъ не были въ состояніи освободиться изъ того, какъ бы заколдованнаго, круга всевозможныхъ недостатковъ, неудобствъ и формальностей, въ который понятіями времени былъ заключенъ старый судъ, безсильный—и въ Сибири особенно—выполнить самыя лучшія намѣренія законодателя. Когда же во внутреннихъ мѣстностяхъ этотъ кругъ былъ разбитъ Судебными Уставами, то еще при начертаніи ихъ основныхъ положеній и для Сибири блеснула надежда на примѣненіе судебной реформы. Однакоже, въ теченіе 30 лѣтъ многообразныя административныя и финансовыя препятствія задерживали осуществленіе этой надежды, которую, тѣмъ не менѣе, не переставали лелѣять всѣ свѣтлые умы по обѣимъ сторонамъ Урала. Скоро, впрочемъ, неотразимою силою вещей законодатель былъ вынужденъ вступить на путь неотложныхъ, хотя бы частичныхъ, исправленій и усовершенствованій. Въ этомъ отношеніи законъ 25-го февраля 1885 г., на основаніи котораго доннынѣ дѣйствовали прежніе здѣшніе суды, принесъ большую пользу судебному дѣлу въ Сибири уже тѣмъ, что подготовилъ почву и отчасти людей къ нынѣшнему преобразованію. Но палліативныя, переходныя мѣры, улучшивъ сибирскую юсти-

¹⁾ Словцовъ.

цію, не могли удовлетворить созрѣвшей потребности въ совершенно иной ея постановкѣ, сообразно общему судоустройству и судопроизводству Россіи. Подобно вставкамъ на обветшалою одеждѣ, подобно молодому вину, влитому въ старые мѣхи, и улучшенный судъ не былъ и не могъ быть дѣйствительно новымъ судомъ. А между тѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ настоятельнѣе все привлекало общественное вниманіе и правительственную заботливость къ сибирской окраинѣ. Въ незабвенное царствованіе славной памяти Императора Александра III безграничное правдолюбіе въ Божѣ почившаго Монарха не остановилось передъ великодушнымъ признаніемъ, что мало еще сдѣлано и много нужно сдѣлать въ Сибири. Ея экономическое и бытовое развитіе неудержимо шло впередъ тѣмъ крупнымъ ходомъ, за которымъ трудно поспѣвать законамъ и учрежденіямъ. Старый судъ, несмотря на старую привычку къ нему, уже не отвѣчалъ новымъ запросамъ и отовсюду возникавшимъ надобностямъ; все въ Сибири требовало суда скораго, праваго, милостиваго, равнаго для всѣхъ подданныхъ Русской Державы. Недоставало лишь всемогущаго мановенія, которое бы двинуло дѣло къ вождѣльному окончанію. Но великъ Богъ земли русской и ненапрасна ея вѣра въ неистощимую мудрость правящей нами Самодержавной воли. Своими глазами видѣлъ, Своимъ разумѣніемъ понялъ Сибирь благополучно царствующій возлюбленный Государь нашъ и, удостовѣрившись лично, до какой степени „необходимо ей истинное правосудіе наравнѣ съ остальной Россією“ (какъ выражено въ Высочайшей резолюціи на всеподданнѣйшемъ докладѣ моемъ), Онъ повелѣлъ: быть по всей Сибири новымъ судамъ. Исполнились завѣтные ожиданія и надежды, исчезли затрудненія и препятствія, нашлись люди и деньги, и обширная страна, почти половина Азіи, нынѣ съ глубочайшею вѣрно-подданническою благодарностью привѣтствуетъ дарованное ей новое правосудіе.

Чтобы оцѣнить по достоинству все громадное значеніе принятой реформы, необходимо хотя бы въ самыхъ общихъ и бѣглыхъ чертахъ дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, чѣмъ отличается отъ стараго судъ новый, замѣняющій его для Сибири.

Каковы бы ни были его мѣстныя особенности, вызванныя неслучайностью или предвзятыми взглядами, а глубоко обдуман- ными соображеніями первостепенной государственной важности, это, прежде всего, судъ по Судебнымъ Уставамъ, тотъ судъ, надъ входомъ котораго нѣтъ другихъ словъ, кромѣ правды и милости. Это судъ, отправляемый отъ Царскаго Имени высоко- стоящею судебною властью, судъ отдѣльный и независимый — не тѣмъ, конечно, чтобы органы его составляли обособленное, ревниво замкнутое въ себѣ вѣдомство, а тѣмъ, что никто и ничто, сверхъ закона и совѣсти, не управляетъ и не руково- дить правосудіемъ. Задачи суда обусловливаютъ дружное въ законныхъ предѣлахъ единеніе его съ другими правительствен- ными властями, но тѣ же задачи не допускаютъ, безъ ущерба для дѣла, смѣшенія полномочій и вѣдѣнія. И потому полицей- ское слѣдствіе отходитъ въ область прошедшаго; судебныя дѣй- ствія, приговоры и рѣшенія повѣряются единственно въ порядкѣ судебныхъ инстанцій и уже не подлежатъ ничьему посторон- нему контролю или утверженію. Судъ отправляется не зауряд- ными чиновниками, а судебными дѣятелями, совмѣщающими вмѣстѣ съ нравственными и умственными качествами, требуе- мыми судебною службою, еще строгія условія образованія и практической подготовки. Судебная карьера судебныхъ чиновъ обставлена точными правилами; судьба cadaго прежде всего въ его собственныхъ рукахъ, завися отъ его трудовъ и способно- стей; свобода судейской совѣсти ограждается несмѣняемостью коллегіальныхъ судей; суды сами поддерживаютъ и охраняютъ внутреннюю свою дисциплину, но за-то въ отдѣльности и кол- лективно несутъ строгую отвѣтственность за всякое ея наруше- ніе. И за прежними судебными чинами есть въ прошедшемъ не маіо усердной и полезной работы, но то была работа поневолѣ разрозненная, тусклая, затрудненная. Новое судебное сословіе, магистратура, сплоченная уже сложившимися преданіями слу- жебной чести и чистоты, въ полномъ составѣ своемъ призы- вается къ сознательному и идейному служенію высокимъ нача- ламъ преобразованнаго суда. На первой ступени его, вмѣсто далекаго коллегіальнаго суда въ городѣ, становятся въ непосред-

ственной близости къ населенію единоличныя мировыя судьи, прямыя, всѣмъ доступныя носители правосудія для народа. Въмѣсто сложной системы судебныхъ инстанцій, среднихъ и высшихъ, съ обязательнымъ и, по необходимости, медленнымъ пересмотромъ дѣлъ, вся совокупность общихъ судебныхъ обязанностей и надзора стройно распредѣляется между окружными судами и судебной палатой въ общемъ для всей Имперіи законохранительномъ завѣдываніи кассационнаго Сената, до котораго доходятъ только достойныя этого дѣла наибольшей важности. Въмѣсто прежней скудости судебныхъ орудій и средствъ, при новыхъ судахъ дѣйствуетъ рядъ новыхъ, испытанныхъ и надежныхъ органовъ и учреждений: прокурорскій надзоръ, сосредоточивающій свои силы на государственномъ уголовномъ преслѣдованіи и охраненіи законныхъ порядковъ суда, опекунскія присутствія, осуществляющія судебное наблюденіе за дѣлами безпомощныхъ, слѣпыхъ; нотаріусы, какъ должностныя составители частныхъ сдѣлокъ и актовъ; судебныя пристава въ губернскихъ и областныхъ городахъ, какъ спеціальныя исполнители судебныхъ рѣшеній; присяжныя и частныя повѣренныя, ведущія судебную защиту подъ бдительнымъ контролемъ судебныхъ мѣстъ. Совершеннымъ формамъ суда соотвѣтствуютъ и высокія начала судебного производства. Обезпечивая полное раскрытіе судебной истины, они представляютъ итогъ того, до чего въ теченіе цѣлыхъ столѣтій додумалось человѣчество въ области правосудія. Судъ совершается устно, т.-е. судьи видятъ передъ собою живыхъ людей, слышатъ живую ихъ рѣчь, судятъ по непосредственнымъ личнымъ своимъ впечатлѣніямъ, а не по мертвымъ бумагамъ, которыя такъ часто бываютъ слѣпы и глухи къ жизненной правдѣ. Судъ творится публично, открыто, на виду у всѣхъ, на глазахъ у общества, и не съ ограниченнымъ, какъ бы едва терпимымъ допущеніемъ постороннихъ слушателей и зрителей, а съ тою широкою, обыкновенною гласностью, которая, составляя основную черту новой юстиціи, вошла въ плоть и кровь ея и предполагаетъ не одно только удовлетвореніе любопытства или любознательности, но и свободное обсужденіе, критику. Сбросивъ оковы формализма и письменности, выведенный на свѣжій воздухъ изъ мрака и

духоты канцеляріи, новый судъ не столько разыскиваетъ, сколько со спокойствіемъ безпристрастія разрѣшаетъ безъ ухищреній, по закону и убѣжденію, происходящій передъ нимъ правомѣрный судъ двухъ равноправныхъ сторонъ: обвинителя и обвиняемаго, истца и отвѣтчика. Всякій считается правымъ и честнымъ, пока противное не будетъ доказано тѣмъ, кто ищетъ или обвиняетъ. Изъ столкновенія фактовъ и мнѣній добывается истина, но всякое въ ней сомнѣніе толкуется не въ сторону подозрѣнія или взысканія, а въ пользу правоты и невинности. Судъ вѣдаетъ по дѣламъ, не по лицамъ; передъ нимъ равны сильный и слабый, богатый и бѣдный; судъ воздаетъ каждому должное, но помнитъ, что кому много дано, съ того много и взыщется. Судъ признаетъ въ каждомъ, передъ нимъ предстоящемъ, его человѣческую и гражданскую личность, его неотъемлемыя права. Даже карая и взыскивая, судъ бережетъ человѣка, а не угнетаетъ и унижаетъ его. И самый законъ, этотъ высшій принципъ судебной дѣятельности, прилагается новымъ судомъ не какъ механическое сухое воздѣйствіе на людей, а какъ благотворная сила, вносящая въ общежитіе миръ, покой и порядокъ. Общественная жизнь и частное личное существованіе должны сдѣлаться легче при новомъ судѣ. Онъ зорко стоитъ на стражѣ ихъ интересовъ, молчаливый и незамѣтный при соблюденіи права, грозный при его нарушеніи. Всѣ эти главнѣйшія чертанія вводимаго здѣсь новаго суда—все это положенія простые, почти азбучныя, но ихъ впервые въ ихъ цѣльности провозглашаетъ въ Сибири властный голосъ закона и ими держится лучшее гражданское достояніе человѣка—увѣренность въ своемъ законномъ правѣ, дѣйствительная защита отъ всякаго на него посягательства.

А каковы судъ—таковы должны быть и судьи, всѣ дѣатели, всѣ чины вновь учрежденныхъ судебныхъ установленій, и къ нимъ въ особенности я обращаю теперь мое слово. Вамъ, мм. гг., выпала рѣдкая доля быть первыми пионерами новаго суда на обширнѣйшей русской окраинѣ. Вамъ милостиво сказано съ высоты Престола: трудитесь, мужайтесь, не бойтесь невзгодъ и лишеній, зорко храните законъ, смѣло стойте за правду —

и велика будетъ ваша патриотическая заслуга. Что прибавить къ этому потрясающему призыву для тѣхъ, въ чьемъ вѣрно-подданническомъ сердцѣ зажегъ онъ рѣшимость самоотверженно послужить правосудію въ здѣшнемъ краѣ? Этотъ край представляетъ поприще трудное, но богатое, почетное и, будемъ надѣяться, благодарное. Еще недавно талантливый сынъ Сибири писалъ въ заключеніе своего замѣчательнаго о ней изслѣдованія: „Если на зарѣ своей исторіи эта окраина и не видѣла радостныхъ дней, то вѣра въ ея лучшую будущность, вѣра въ счастье и благоденствіе, доступное всѣмъ народамъ, должна воодушевить и подкрѣпить тѣхъ, кто отдаетъ свои силы и труды на ея обновленіе“¹⁾. Эта прекрасная мысль всецѣло относится къ новымъ судебнымъ дѣателямъ, посвящающимъ свою службу Сибири, и, прежде всего, къ тѣмъ изъ нихъ, которые, будучи ея уроженцами или давними обитателями, останутся дома и среди привычной имъ обстановки. Въ числѣ ихъ настоящіе сибиряки почерпнутъ утѣшеніе въ самой возможности стать у себя провозвѣстниками и проводниками усвоенныхъ еще съ университетской скамьи благородныхъ завѣтовъ судебной реформы. Дѣатели, удостоенные перехода въ новые изъ старыхъ сибирскихъ судовъ, будутъ имѣть за собою важное преимущество знанія мѣстности, быта, людей; уже закаленные въ неизбѣжныхъ трудностяхъ, они окрылятся новыми силами въ предстоящемъ высокомъ служеніи. Но пусть не смущаются и пришельцы изъ-за Урала въ новое сибирское судебное вѣдомство. Имъ въ особенности слѣдуетъ помнить, что, по справедливой и трогательной вѣрѣ народной, за Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаютъ, что чѣмъ тяжелѣе, отвѣтственнѣе и нужнѣе та служба, тѣмъ больше чести и славы свято исполнить ее. Они приносятъ въ Сибирь познанія, опытъ, приемы, уже испытанные во внутреннихъ русскихъ судахъ, они, эти пришлые дѣатели, учились и воспитывались на практикѣ Судебныхъ Уставовъ, они прониклись ихъ духомъ и будутъ счастливы сберечь его на своемъ передовомъ сибирскомъ посту. Напоминать ли мнѣ

¹⁾ Ядринцевъ, „Сибирь—какъ колонія“.

новымъ судебнымъ чинамъ объ ихъ общихъ обязанностяхъ, говорить ли судьямъ и прокурорамъ, что непристрастіе, справедливость, закономѣрность составляютъ первѣйшій ихъ долгъ, а челоуѣколюбіе, снисходительность — лучшее его украшеніе? Не значить ли это повторять, доказывать очевидное, несомнѣнное, то, безъ чего немислимы ни правильное отправленіе правосудія, ни достойная служба въ судебныхъ рядахъ? Но я все-таки считаю нужнымъ указать судебнымъ чинамъ, что они и судъ ихъ существуютъ для общества, гражданъ, а не обратно; что довѣріе и уваженіе населенія приобрѣтаются только терпѣніемъ и внимательностью ко всякому обстоятельству, ко всякой надобности, какъ бы маловажна она ни казалась; что для суда ничтожныхъ дѣлъ нѣтъ, а есть только дѣла простые и сложные, ясныя и запутанныя, правыя и неправыя. И еще скажу я сибирскимъ судебнымъ дѣтелямъ, что если судъ ихъ не будетъ скоръ, а дѣйствія въ одно и то же время и осмотрительны, и рѣшительны, то трудно рассчитывать на успѣхъ; нужно заставить Сибирь забыть о былой волокитѣ, отъ которой она страдала не менѣе, чѣмъ отъ неправды. Но служители новаго суда слишкомъ хорошо знаютъ, что онъ можетъ быть правый и равный только при скорости, потому что всякая правда теряется въ судебномъ томленіи, и равенства уже нѣтъ тамъ, гдѣ по судейскому усмотрѣнію нужда одного разрѣшается, тогда какъ рядомъ другой изнемогаетъ отъ медленности. Последнимъ же общимъ моимъ пожеланіемъ да будетъ то драгоценное свойство убѣжденной работы, тотъ чудный даръ неба, который одушевляетъ самаго скромнаго труженика, животворить самую тяжелую дѣятельность. Любите, господа, судебное дѣло, вамъ вѣренное, — оно достойно того, влагайте въ него душу живую, болѣйте за него сердцемъ, радуйтесь преуспѣянію его, и, укрѣпляясь и совершенствуясь, оно само подкрѣпитъ и поддержитъ васъ въ горькія минуты уединенія и испытаній!

Видя предъ собою всѣ учрежденія, всѣ органы мѣстнаго судебного вѣдомства, я позволяю себѣ, прежде всего, выразить полную увѣренность, что подъ просвѣщеннымъ руководствомъ высшихъ его представителей новая судебная часть въ Сибири будетъ сразу, съ первыхъ шаговъ своихъ, направлена на един-

ственно вѣрный путь, въ точности предуказанный создателемъ Судебныхъ Уставовъ. Отъ гг. судей Иркутской судебной палаты и окружныхъ судовъ ея огромнаго округа будетъ зависѣть такъ поставить и судѣ, и судебный надзоръ, чтобы потерпѣвшіе и обиженные находили въ судѣ оплотъ и прибѣжище, а не тяготу или бремя, чтобы виновные и обидчики въ самой карѣ закона встрѣчали справедливое воздаяніе, а не жестокую месть. „Не бойся суда, а бойся судьи“ — это стародавнее, язвительное и скорбное изреченіе при новомъ судѣ да навѣки изгладится изъ памяти сибирскаго населенія! На гг. участковыхъ мировыхъ судьяхъ лежитъ въ этомъ смыслѣ особенно важная и отвѣтственная обязанность. Распредѣляемые по городамъ и округамъ, совмѣщая въ своемъ вѣдѣніи и слѣдственные, и судебныя, и нотаріально-охранительныя полномочія, они являются тѣми первыми органами правосудія, съ которыми всего больше и чаще обыватель будетъ соприкасаться въ своемъ повседневномъ быту. Къ нимъ предстоитъ ему прибѣгать со всѣми его судебными надобностями, они будутъ ближайшими вершителями правовыхъ судебъ его и хранителями мира въ его личномъ и хозяйственномъ обиходѣ, отъ нихъ онъ получитъ и совѣтъ, и рѣшеніе, по нимъ же и по ихъ дѣйствіямъ онъ станетъ судить о новомъ судѣ. Между вновь назначенными мировыми судьями есть не мало людей молодыхъ, но мы не боимся этого, увѣ, скоро преходящаго свойства: опытъ неуклонно и неразлучно сопровождаетъ ревностный трудъ, выдержка и характеръ восполняютъ года, а молодость значить бодрость, энергія, выносливость, и въ молодости, руководимой образованіемъ и воспитанностью, всегда свѣжѣе и ярче благородные идеалы добра. Правительство твердо надѣется, что сибирскіе мировые судьи окажутся на высотѣ этого исключительнаго призванія и будутъ творить царское правосудіе съ честью, съ усердіемъ, скажу больше — съ благоговѣніемъ. Въ глуши, въ одиночествѣ, среди суровой природы и чуждыхъ людей, это будетъ своего рода подвигомъ, но пусть даже и такъ — сознательный подвигъ и безкорыстная жертва возвышаютъ и облагораживаютъ того, кто способенъ на нихъ. Въ подобномъ служеніи ярко засвѣ-

тится искра Божія; озаряющая темноту, и если съ теченіемъ времени цѣпь мирового судьи сдѣлается въ Сибири живымъ символомъ закона и правды, то новые судьи сослужатъ великую незабвенную службу Царю и Отечеству. А въ вашемъ лицѣ, гг. почетные мировые судьи, назначенные изъ числа извѣстныхъ и уважаемыхъ мѣстныхъ дѣятелей, мѣстное общество здѣсь впервые приметъ участіе въ коронномъ судѣ. Вы предоставите ему вашу многостороннюю житейскую опытность, ваше глубокое знаніе мѣстныхъ условій; онъ же, въ свою очередь, непосредственно ознакомитъ васъ съ духомъ и порядками вновь введеннаго правосудія. Это симпатичное освѣжающее общеніе есть первый шагъ общественной самодѣятельности, насколько она возможна и полезна въ сферѣ суда. Отъ судей всѣхъ ранговъ естественный переходъ къ ихъ сотрудникамъ и собратьямъ по судебному оружію, къ чинамъ того прокурорскаго учрежденія, которое и въ новомъ, чистомъ судебномъ своемъ значеніи не должно потерять своего историческаго, преемственнаго наслѣдія. И при новомъ государственномъ обвиненіи прокурорскій надзоръ не перестаетъ быть въ надлежащей мѣрѣ, какъ выражался нашъ старый законъ, „окомъ Царевымъ“, „стражемъ законности“, „взыскателемъ наказанія“ и „заступникомъ невинности“. Въ этомъ и сила, и цѣнность, и обаяніе обновленнаго учрежденія. Изъ всѣхъ судебныхъ чиновъ чинъ прокурора, быть можетъ, наиболѣе знакомъ и близокъ Сибири еще со временъ тѣхъ мужественныхъ прокуроровъ и стряпчихъ, которые въ старыя годы, передъ эпохой Сперанскаго и впослѣдствіи, не разъ здѣсь боролись и терпѣли за правду. Въ Сибири не новость неожиданное и благотворное появленіе прокурора тамъ, гдѣ нужно раскрыть трудно поддающіяся правосудію злоупотребленія или хищенія. Много съ годами измѣнилось въ Сибири, но крупныя преступленія и беззаконія не могли въ ней исчезнуть—и живъ въ ней прокурорскій надзоръ. Наконецъ, нѣсколько словъ по адресу вновь поступающихъ нотаріусовъ и членовъ адвокатскаго сословія. Ихъ еще мало, но крайне желательно, чтобы и они всею своею дѣятельностью подали хорошій примѣръ другимъ, будущимъ вспомогательнымъ

лицамъ судебного вѣдомства. Участвуя въ юридическихъ сношеніяхъ и дѣлахъ частныхъ лицъ, они должны облегчать, а не затруднять эти сношенія и приучить обывателей къ мысли, что можно смѣло довѣряться всему принадлежащему къ новому судебному строю. И мы вѣримъ, что сибирякамъ не придется жалѣть ни о столѣ крѣпостныхъ дѣлъ, ни о дореформенныхъ повѣренныхъ и ходатаяхъ.

При всемъ разнообразіи требованій, предъявляемыхъ къ различнымъ разрядамъ сибирскихъ судебныхъ чиновъ, всѣ эти требованія сливаются въ громадную, трудную, но неотразимо привлекательную задачу. Ея успѣшное достиженіе способно наполнить личное существованіе, можетъ дать дѣятелю высшее нравственное удовлетвореніе, а въ жизни цѣлой страны проложить глубокой, долговременный слѣдъ. Всѣ классы, всѣ категоріи сибирскаго населенія, каждый по-своему, ждуть возвѣщеннаго имъ дѣйствія новыхъ судовъ. Коренные сибиряки, издавна не избалованные совершенствомъ гражданскихъ порядковъ, по необходимости уживались и со старымъ судомъ. Но и они, съ могучимъ развитіемъ культурныхъ и экономическихъ отношеній, не могутъ не стремиться къ новому лучшему, къ тѣмъ уже испытаннымъ началамъ и формамъ преобразованнаго правосудія, которыми такъ дорожить и гордится остальная Россія. Надвигающаяся изъ нея переселенческая волна можетъ лишь усилить это теченіе: пришлые русскіе поселенцы въ правѣ искать и въ Сибири, на новыхъ мѣстахъ, тѣхъ же способовъ огражденія личности и имущества, съ которыми они свыклись на родинѣ. Затѣмъ наступаетъ пора открыть доступъ къ истинному правосудію и для необездоленныхъ инородцевъ, приобщаемыхъ къ общему равенству предъ учрежденіями и законами. Но еще важнѣе потребности болѣе общаго, государственнаго, почти мірового значенія; расширяющійся въ Сибири промышленный и торговый обмѣнъ, наше поступательное цивилизаторское движеніе съ запада на востокъ, отнынѣ по великому сибирскому желѣзному пути—все вызываетъ и соотвѣтствующую закономѣрную и дѣйствительную охрану права благоустроеннымъ и скорымъ судомъ. Безъ нея невозможна и беспорядочна была бы новая

жизнь, уже зародившаяся на сибирскомъ просторѣ. Холодны сибирскія зимы, непроходимы снѣга, еще пустышны горы и рѣки, безпредѣльна тайга, — но и среди нихъ живутъ и работаютъ люди, заслуживающіе этой охраны, не лишеные прирожденнаго права на правду и милость. И вотъ, именно тутъ, въ этомъ посильномъ водвореніи правды и милости ваша лучезарная цѣль, гг. чины сибирскихъ судебныхъ установленій, къ ней вы должны устремлять всѣ ваши усилія. Далекій отъ кичливой мысли о томъ, что съ начатіемъ вашей дѣятельности въ Сибири сразу улучшится ея гражданскій бытъ, я тѣмъ не менѣе полагаю, что уже всякій отдѣльный признакъ, всякій поворотъ въ этомъ смыслѣ будетъ ощутительною вашей побѣдой. Лишь медленно и постепенно распространяется и утверждается въ народѣ то уваженіе къ закону, которое, по Державному слову Законодателя 20-го ноября 1864 года, „должно быть постояннымъ руководителемъ всѣхъ и cadaго отъ высшихъ до низшихъ“. Но когда, шагъ за шагомъ, дѣло за дѣломъ, упорнымъ трудомъ и разумной настойчивостью, вы отнимите хотя пядь сибирской земли у безправія, когда понемногу, всюду кругомъ зло начнетъ васъ страшиться, а доброе вамъ сочувствовать — уже и тогда съ вами будетъ спокойствіе совѣсти и одобреніе отечества.

Время идетъ, дивныя вѣдѣнія Промысла совершаются... Въ настоящую торжественную, историческую минуту невольный подъемъ духа и чувства возвышаетъ всѣхъ насъ надъ блѣдною обыденностью. Сегодня не мы одни празднуемъ здѣсь, въ главномъ центрѣ Сибири, судебное ея возрожденіе. Сегодня повсюду на всемъ необъятномъ ея пространствѣ, отъ Урала до океановъ, на берегахъ великихъ водныхъ путей, во всѣхъ губернскихъ и областныхъ городахъ Западной и Восточной Сибири, вездѣ торжествуютъ введеніе въ ней Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II. Не зайдетъ еще солнце на сибирскомъ материкѣ, какъ судебная реформа станетъ для него дѣйствительностью. Желанная вѣсть объ этомъ еще сегодня перелетитъ за тысячи верстъ, къ подножію Всероссійскаго Престола, и отзовется въ любвеобильныхъ Царственныхъ попеченіяхъ объ

устроени и благъ сибирской окраины. Русскимъ величьемъ, русскою мощью и ширью дышетъ это событiе, и съ восторженнымъ умилениемъ всѣ истинно русскiе люди; кому дорого мирное процвѣтанiе родины, преклонятся передъ нимъ. Нѣкогда Русь силой, оружиемъ, кровью покорила Сибирь; теперь чередъ завоеванiя свѣтомъ, законностью, справедливостью!

По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнiю, объявляя упраздненными прежнiя сибирскiя судебныя мѣста, открываю Иркутскую судебную палату и Иркутскiй окружный судъ, съ прокурорскимъ при нихъ надзоромъ, мировыми судьями и всѣми учрежденiями и лицами, состоящими при новыхъ судебныхъ установленiяхъ.

СУДЕБНОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ВЪ СИБИРИ.

I.

Объясненія въ государственномъ совѣтѣ 6 апрѣля 1896 г. ¹⁾.

Осенью 1894 года министромъ юстиціи была образована особая коммисія подъ предсѣдательствомъ товарища его, сенатора, тайнаго совѣтника Бутовскаго, при участіи представителей отъ всѣхъ заинтересованныхъ вѣдомствъ, для разработки предположеній объ улучшеніи судебной части въ Сибири.

Эта коммисія окончила возложенный на нее трудъ къ концу 1895 года, и выработанный ею проектъ временныхъ правилъ объ устройствѣ судебной части въ губерніяхъ и областяхъ Сибири, по сношеніи съ вѣдомствами и по исправленіи его въ министерствѣ юстиціи, былъ внесенъ въ февралѣ 1896 года на уваженіе государственнаго совѣта.

Въ государственномъ совѣтѣ дѣло слушалось въ засѣданіяхъ соединенныхъ департаментовъ законовъ, государственной экономіи и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ—6 апрѣля и общаго собранія—8 мая того же года, въ Москвѣ.

Въ засѣданіи 6 апрѣля министр юстиціи, поддерживая внесенный имъ законопроектъ, представилъ слѣдующія объясненія относительно настоятельности, существа и задачъ предпринятой реформы.

Необходимость и современность распространенія на Сибирь общаго судебного преобразованія едва ли нуждается въ пространныхъ доказательствахъ. Несмотря на отдѣльныя мѣропріятія послѣдняго времени, по всѣмъ офиціальнымъ и частнымъ свѣдѣніямъ, судебная часть въ сибирскихъ губерніяхъ и областяхъ находится въ самомъ неудовлетворительномъ, почти безотрадномъ, состояніи. Медленность, волокита, формализмъ, недостатокъ личныхъ и матеріальныхъ средствъ, блѣдная, часто вовсе безуспѣшная дѣятельность, упущенія, беспо-

¹⁾ Журналъ Министерства Юстиціи 1896 г., Іюнь.

рядки, иногда даже злоупотребленія, крайняя отдаленность и недоступность суда, низкій уровень плохо обставленного личного состава и въ результатѣ полное недовѣріе обывателей къ правосудію и закону—таковы преобладающія характеристическія черты сибирскій юстиціи. Она осталась далеко позади неудержимо развивающихся жизненныхъ потребностей этого великаго края, ея положеніе близко къ безсудію и безправію и совершенно не соотвѣтствуетъ достоинству правительственной власти. Нѣсколько улучшаясь къ западу, въ Томской и Тобольской губерніяхъ, и рѣзко ухудшаясь къ дальнему востоку, въ Приамурскомъ генераль-губернаторствѣ, судебный строй Сибири повсюду все-таки стоитъ неизмѣримо ниже самыхъ скромныхъ требованій, предъявляемыхъ къ судебной организаціи даже въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи. За немногими исключеніями, сибирякъ, коренной или пришлый, почти не пользуется судомъ, заслуживающимъ этого имени, и необъятныя пространства Россіи, отъ Урала до Тихаго океана, все еще ждуть судебной правды и милости, хотя бы въ тѣхъ ограниченныхъ формахъ ихъ примѣненія, какія давно уже имѣютъ другія наши окраины. Въ чемъ же заключаются причины подобной отсталости или застоя, съ кого нужно требовать ихъ устраненія, если оно возможно? Первое и самое легкое объясненіе указываетъ на условія естественныя, географическія и этнографическія — на природу, разстоянія, малонаселенность, разноплеменный характеръ и недостаточную культурность края. Но какъ бы ни были исключительны и суровы эти условія, среди нихъ вѣками осѣли и живутъ самобытною народною жизнью русскіе люди, вѣрноподанные Русской Державы, имѣющіе наравнѣ съ своими зауральскими соотечественниками неотъемлемое право на дѣйствительную и правомѣрную защиту законныхъ своихъ интересовъ. Кромѣ того, на русскихъ порядкахъ суда и управленія воспитываются для гражданственности многочисленные сибирскіе инородцы, а кругомъ происходитъ все расширяющееся экономическое общеніе съ сопредѣльными иноземными элементами, также требующее правильной судебной охраны вновь возникающаго культурнаго оборота. Поэтому,

природныя условія, если отчасти и объясняютъ, то отнюдь не оправдываютъ, а, напротивъ, осуждаютъ вопіющіе недочеты сибирскаго правосудія и не позволяютъ долше терпѣть ихъ. Затѣмъ, можно сослаться на несовершенство нынѣшняго персонала сибирскихъ судебныхъ установленій и здѣсь, въ лучшемъ ихъ комплектованіи, искать средствъ врачеванія. Но, при те-перешней законной и практической постановкѣ судебного дѣла въ Сибири, поднятіе тамъ судебныхъ дѣятелей органически немыслимо, а взводить на нихъ какія-либо нареканія было бы вѣщшею несправедливостью. Въ семьѣ, конечно, не безъ урода, и во всемъ складѣ дореформеннаго сибирскаго чиновничества не мало данныхъ для неправосудія. Тѣмъ не менѣе составъ его судебной отрасли даже лучше, чѣмъ можно было ожидать, и эти угнетенные своимъ положеніемъ труженники, въ непрестанной жестокой борьбѣ со всевозможными лишеніями и препятствіями, по большей части, усердно дѣлаютъ все, что въ ихъ слабыхъ силахъ. Но эти силы въ самомъ основаніи своемъ парализованы такими неисправимыми свойствами сибирскаго судоустройства и судопроизводства, которыя новыхъ людей отталкиваютъ или не привлекаютъ, а прежнихъ—лишаютъ энергіи, бодрости и независимости, обрекаютъ на рутину и застой. Поэтому о сколько-нибудь существенномъ и прочномъ подъемѣ дѣятелей не можетъ быть и рѣчи до тѣхъ поръ, пока все дѣло правосудія замѣнуто въ мертвенныя рамки отжившихъ свое время правилъ и учрежденій. Отсюда выводъ напрашивается самъ собою: нужно радикально измѣнить дѣйствующіе въ Сибири старые судебные законы и порядки, нужно возвысить тамъ судебную власть и вмѣстѣ приблизить ее къ народу, нужно дать, наконецъ, Сибири судъ на тѣхъ главныхъ основаніяхъ, которыя уже давно одобрены законодательною властью и испытаны въ другихъ частяхъ Имперіи. Тогда, и только тогда, современники будутъ имѣть утѣшеніе почтить въ этомъ важномъ дѣлѣ незабвенную память усопшаго Монарха, котораго патриотическое правдолюбіе не остановилось предъ скорбнымъ признаніемъ по поводу сибирскихъ неустройствъ, *„что правительство до сихъ поръ почти ничего не сдѣлало для удовлетворенія потребно-*

стей этого богатого, но запущеннаго края". Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что когда позволяли финансовыя и политическія обстоятельства, дѣлались попытки приступить къ усовершенствованію сибирской судебной части. Изданные, по представленіямъ министерства юстиціи, законы 1885, 1888, 1889, 1892 и 1894 гг. послѣдовательно вносили частныя поправки въ устройство и дѣятельность сибирскихъ судебныхъ учреждений, нѣсколько усиливъ ихъ свудныя штаты и проведя извѣстное облегченіе и упорядоченіе примѣняемыхъ ими процессуальныхъ правилъ. Послѣдствіемъ принятыхъ мѣръ, послужившихъ, главнымъ образомъ, Сибири западной, тамъ явилось нѣкоторое, хотя и весьма недостаточное, улучшеніе; въ Сибири же восточной и въ особенности Приамурской вовсе не удалось достигнуть ощутительныхъ перемѣнъ, и какъ административные отчеты, такъ и свѣдѣнія, собранныя судебными ревизіями, попрежнему удостоверяютъ беспомощное и хаотическое положеніе суда. Очевидно, частичное воздѣйствіе противъ его недостатковъ не привело къ желаемой цѣли и повторилось обычное явленіе: заплата не обновила изношенной одежды, старые мѣхи скорѣе повредили влитому въ нихъ новому вину. И здравый смыслъ, и практическій опытъ, и добросовѣстное наблюденіе надъ сибирскою дѣйствительностью съ неотразимою убѣдительною показали, что постепенно улучшать и исправлять старые сибирскіе суды безцѣльно, что это значило бы тратить даромъ людей и деньги и что единственный разумный выходъ изъ настоящаго положенія заключается въ рѣшительномъ преобразованіи судебныхъ установленій по типу, принятому для всей Имперіи, по началамъ и системѣ Судебныхъ Уставовъ, съ тѣми лишь измѣненіями, которыя вызываются мѣстными особенностями. Правда, въ 1885 году, при обещаніи представленія министерства юстиціи о частныхъ исправленіяхъ въ сибирскихъ судахъ, государственный совѣтъ нашель, что препятствія, встрѣченныя министерствомъ въ радикальной реформѣ судебного строя въ Сибири, въ значительной степени объясняются слишкомъ широкою постановкою вопроса, который можно было бы ограничить предѣлами лишь крайней необходимости и мѣстно-

стями, мало отличающимися отъ ближайшихъ къ нимъ европейскихъ губерній. Согласно съ этимъ, государственный совѣтъ тогда же обратилъ вниманіе министра юстиціи на необходимость скорѣйшаго введенія реформы въ этихъ послѣднихъ мѣстностяхъ, при чемъ высказалъ надежду, что и финансовое вѣдомство, сознавая всю важность правильно устроеннаго суда, конечно, не откажется оказать свое содѣйствіе этому дѣлу изысканіемъ нужныхъ для него денежныхъ источниковъ. Съ тѣхъ поръ положеніе вещей существенно измѣнилось: за десять послѣднихъ лѣтъ и въ особенности съ начатіемъ работъ по постройкѣ желѣзной дороги, Сибирь поразительно ушла впередъ, и нынѣ вся она настоятельно требуетъ преобразованнаго суда. Идя по направленію, указанному государственнымъ совѣтомъ, и лишь расширяя его сообразно яснымъ указаніямъ времени, министерство юстиціи нынѣ уже не только не встрѣчаетъ непреодолимыхъ трудностей въ примѣненіи судебной реформы къ возрождающейся Сибири, но признаетъ эту мѣру дѣломъ первостепенной, вполне назрѣвшей, неотложной государственной надобности. Въ такомъ взглядѣ своемъ министерство юстиціи находитъ единомысліе и поддержку со стороны министерства финансовъ, которое, по предвидѣнію государственнаго совѣта, дѣйствительно не отказываетъ нынѣ въ своей помощи этому крупному предначертанію. Всѣ другія заинтересованныя вѣдомства и оба сибирскихъ генераль-губернатора также отнеслись къ нему съ одинаковымъ сочувствіемъ, и, такимъ образомъ, вопросъ о введеніи въ Сибирь Судебныхъ Уставовъ въ полномъ ихъ объемѣ можетъ быть признанъ благопріятно порѣшеннымъ съ точки зрѣнія всѣхъ властей, призванныхъ вѣдать различныя отрасли управленія этимъ краемъ.

Обращаясь къ общему характеру и содержанію представленнаго проекта, считаю долгомъ, прежде всего, отмѣтить, что онъ выработанъ на почвѣ Судебныхъ Уставовъ съ необходимыми, по мѣстнымъ условіямъ, отступленіями отъ ихъ началъ и учрежденій. вмѣстѣ съ тѣмъ проектъ не находится въ противорѣчій и съ производящимися работами по пересмотру означенныхъ уставовъ, основанія котораго, насколько они выяснились, были

приняты въ соображеніе при составленіи проекта. Поэтому осуществленіе его не создастъ затрудненій въ выполненію будущихъ предначертаній, тѣмъ болѣе, что весь смыслъ ихъ заключается именно въ пересмотрѣ, т.-е. въ исправленіи, согласованіи, улучшеніи и развитіи, а отнюдь не въ ломкѣ. Исходя изъ существующаго, министерство юстиціи стремилось примѣнить его къ Сибири въ мѣрѣ возможности и соотвѣтственно особымъ ея требованіямъ. Признавалось, что вообще для окраинъ долженъ быть взятъ общій и нормальный типъ суда и что затѣмъ уже въ немъ нужно сдѣлать тѣ лишь измѣненія и ограниченія или изъятія, которыя вызываются неизбѣжною необходимостью. Къ чему пробовать неизвѣданное и гадательное, когда можно воспользоваться уже испытаннымъ? Зачѣмъ лишать окраину коренныхъ судебныхъ гарантій, опредѣляющихъ не форму только, а самую сущность правосудія? Даже и въ самыхъ отступленіяхъ проектированы не новшества, а мѣры, уже давно знакомыя дѣйствующему законодательству, которое обдуманно допустило ихъ на другихъ окраинахъ съ однородными условіями. Прототипомъ проекта служили Судебные Уставы, указателемъ же способовъ приспособленія ихъ къ Сибири — систематическая комбинація правилъ о судебной части на Кавказѣ, въ губерніяхъ сѣверныхъ (Архангельской и Олонецкой), восточныхъ (Оренбургской, Уфимской и Астраханской), отчасти въ Туркестанѣ и Степныхъ областяхъ. Изъ перваго источника взяты основныя начала и главныя черты судоустройства и процесса, изъ втораго заимствованы изъятія и видоизмѣненія. Такимъ образомъ, въ Сибири предполагается ввести впервые: 1) самостоятельность судебной власти, ея отдѣльность отъ сопредѣльныхъ вѣдомствъ; 2) организацію магистратуры посредствомъ разносторонняго служебнаго ценза, служебныхъ правъ и преимуществъ и стройнаго внутренняго распорядка, съ точными правилами дисциплины и отвѣтственности; 3) возможно болѣе близкіе къ населенію мѣстные органы суда, единоличныя и подвижныя; 4) изъятіе производства слѣдствія изъ вѣдѣнія полиціи; 5) правильную и удобную въ отношеніи простоты и скорости систему судебныхъ инстанцій; 6) гласность; 7) возможную

устность; 8) состязательность суда и нѣкоторыя другія, призна-
ваемые лучшими, средства открыть судебную истину. Но вмѣстѣ
съ тѣмъ, тутъ же рядомъ, въ видѣ примиренія принциповъ съ
жизнью, ради мѣстныхъ особенностей, предлагается, между про-
чимъ: а) расширить подсудность единоличныхъ судей, возложивъ
на нихъ въ извѣстныхъ случаяхъ и производство слѣдствій; б) подчинить ихъ непосредственно окружнымъ судамъ; в) пре-
доставить кассационную функцію по дѣламъ мирового разбира-
тельства судебнымъ палатамъ, вмѣсто правительствующаго сената; г) не учреждать обвинительной камеры и особаго обряда пре-
данія суду; д) установить по обширности разстоянія болѣе зна-
чительныя ограниченія устности; е) не учреждать ни суда при-
сяжныхъ, ни сословныхъ представителей; ж) допустить, по
образцу Кавказа, нѣкоторыя ограниченія судейской несмѣнае-
мости. При переработкѣ всѣхъ этихъ положительныхъ и отри-
цательныхъ основаній въ одинъ цѣльный укладъ судебныхъ по-
рядковъ, наиболѣе пригодныхъ для Сибири, имѣлось въ виду
тщательно воспользоваться богатыми указаніями опыта судеб-
ныхъ установленій различныхъ типовъ на всемъ протяженіи
Россіи, министерство юстиціи задавалось мыслью не стремиться
къ недостижимому и къ слишкомъ сложнымъ, отвлеченнымъ
построеніямъ, довольствоваться простымъ, болѣе вѣроятнымъ
и даже приблизительнымъ, а въ то же время дать Сибири та-
кой судъ, который рѣзко и глубоко отличался бы отъ нынѣш-
няго и заставилъ бы сибиряковъ забыть и самосудъ, и безсудіе. //

По мнѣнію моему, однимъ изъ главныхъ вопросовъ проекти-
рованного для Сибири судостроительства является учрежденіе еди-
ноличныхъ судей, подвижныхъ и близкихъ къ населенію, которое
именно черезъ нихъ и будетъ имѣть непосредственное сопри-
косновеніе съ судомъ. Тутъ предстояло или сдѣлать осторож-
ный выборъ между существующими уже различными формами
мѣстной организаціи для изслѣдованія и разрѣшенія судебныхъ
дѣлъ, или изобрѣсти совершенно новую систему. За отсут-
ствиемъ вѣскихъ основаній къ послѣднему исходу казалось всего
удобнѣе остановиться на одномъ изъ учрежденій, уже примѣ-
ненныхъ въ другихъ мѣстностяхъ. Въ комиссіи, на которую

была возложена предварительная разработка предположеній министерства юстиціи, возникало, между прочимъ, предположеніе о введеніи въ Сибири земскихъ начальниковъ, которые соединили бы съ завѣдываніемъ дѣлами крестьянскаго управленія и отправленіе правосудія по всѣмъ дѣламъ, не подсуднымъ окружному суду. Но предположеніе это, не поддерживаемое нынѣ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, не могло выдержать сколько-нибудь внимательнаго и безпристрастнаго разбора. Кажущееся простымъ на словахъ и на бумагѣ, оно въ дѣйствительности не обѣщало полезныхъ результатовъ, возбуждало рядъ существенныхъ сомнѣній и, повидимому, представляло бы въ Сибири такой смѣлый опытъ, на который едва ли возможно рѣшиться, не испытавъ иныхъ, менѣе сильныхъ, средствъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ основѣ всего учрежденія земскихъ начальниковъ лежитъ мудрая мысль сдѣлать лучшихъ представителей помѣстнаго дворянства хранителями мира и порядка въ сельскихъ мѣстностяхъ. Въ Сибири же не только о помѣстномъ дворянствѣ, но даже объ интеллигентномъ землевладѣннн нѣтъ и помину и, стало-быть, въ роли земскихъ начальниковъ-судей съ весьма обширною юридическою компетенціею могли бы явиться только пришлые искатели должностей, даже безъ образовательнаго ценза, или тѣ же мѣстные административные чиновники, которые и теперь не всегда выгодно заявляютъ о себѣ въ должностяхъ окружныхъ исправниковъ и земскихъ засѣдателей. Учрежденіе земскихъ начальниковъ дѣйствуетъ во внутреннихъ губерніяхъ подъ ближайшимъ руководствомъ и при участіи предводителей дворянства: въ Сибири подобное руководство было бы лишено всякаго сословнаго характера и могло бы быть лишь отдаленнымъ, въ лицѣ губернатора, а на мѣстахъ—въ лицѣ все тѣхъ же административныхъ чиновъ промежуточнаго ранга. Во внутреннихъ губерніяхъ судебная власть по дѣламъ мѣстной юстиціи присвоена земскимъ начальникамъ именно какъ лицамъ, принадлежащимъ къ мѣстному высшему сословію, прирожденнымъ, такъ сказать, блюстителямъ правды и порядка въ населеніи, но и здѣсь, рядомъ и въ дѣловомъ сопряженіи съ ними, поставлены профессіональные судьи-юристы, со всѣми ручательствами спе-

ціального знанія и опытности. Почему же для Сибири, гдѣ въ одно и то же время и вся надежда на законную дѣятельность правительственныхъ чиновниковъ, и вся опасность въ фактической неограниченности ихъ власти — почему же для Сибири желать предоставленія всего мѣстнаго правосудія неподготовленнымъ къ нему административнымъ чинамъ, постоянно отвлекаемымъ, къ тому же, многоразличными административными обязанностями? И будетъ ли такое правосудіе дѣйствительнымъ правосудіемъ, а не слабымъ ему подобіемъ, тою же бумажною фикціею, какою является нынѣ весь сибирскій судебный строй? А между тѣмъ земскіе начальники-судьи вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, со всею необходимою для нихъ организаціею уѣздныхъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій, обойдутся гораздо дороже предположенныхъ единыхъ судей вѣдомства министерства юстиціи, въ особенности потому, что если даже и пожертвовать уѣздными членами суда и городскими судьями, то все-таки въ округахъ придется учреждать особыхъ судебныхъ слѣдователей. Вѣдь близкая къ народу власть не тѣмъ полезна и сильна, какою мундиръ на ея носителѣ, и не тѣмъ, что она въ широкихъ размѣрахъ можетъ все: и распорядиться, и рѣшить, и пресѣкать, и наказывать, а тѣмъ, что точно опредѣленные ея обязанности дѣйствительно выполнимы въ предѣлахъ средней человеческой возможности, что она внушаетъ общее къ себѣ довѣріе, что распоряженія ея разумны, закономѣрны и безконтрольны. Въ Сибири же, съ ея разстояніями, глушью, привычками и нравами, съ укорененіемъ въ ней, быть можетъ, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, пословицы „до Бога высоко, до Царя далеко“, — въ Сибири правильное раздѣленіе не столько власти, сколько труда между должностными лицами, гораздо важнѣе объема полномочій каждаго изъ нихъ. Въ такъ называемыхъ земскихъ губерніяхъ можно съ довѣріемъ привѣтствовать, для маловажныхъ повседневныхъ дѣлъ, судъ дворянина-администратора, связаннаго съ мѣстностью всѣми сторонами своей личности и жизни, но со всѣмъ не та, въ далекой и необозримой Сибири, перспектива огромной, многообразной власти захолустнаго чиновника, кото-

рый при маломъ служебномъ уровнѣ и цензѣ, вдаль отъ начальства, соединить въ своемъ лицѣ и попечителя, и начальника, и единственнаго въ мѣстности судью. Безошибочно можно предсказать, что со всѣми этими обязанностями онъ не справится и отъ такого соединенія на практикѣ будетъ страдать или одна изъ нихъ, или даже всѣ онѣ, вмѣстѣ взятыя. И если бы судъ, собственно судебный, т.-е. вѣдомства министерства юстиціи, долженъ былъ начинаться только съ относительно высокой подсудности окружного суда, то стоило ли бы вообще приступать къ судебному преобразованію въ Сибири и не практичнѣ ли было бы все оставить въ ней по-старому, разъ она признавалась бы нетребующею опытныхъ, образованныхъ, свѣдущихъ и самостоятельныхъ судей-спеціалистовъ? Но такъ какъ нынѣ ни министерство внутреннихъ дѣлъ, ни сибирскіе генералъ-губернаторы, эти высшіе знатоки края и вершители мѣстныхъ судебъ его, не раздѣляютъ, повидимому, мысли о замѣнѣ важнѣйшей части судебной реформы въ Сибири учрежденіемъ земскихъ начальниковъ съ обширною судебною властью, то и министерство юстиціи можетъ спокойно высказывать свое искреннее убѣжденіе, не страшась, что его заподозрятъ въ узкой подвѣдомственной тенденціозности. Ему, конечно, было бы несравненно легче вовсе не брать на себя трудной задачи прискивать людей и налаживать всю организацію мѣстной юстиціи въ Сибири, — пусть бы все это когда-нибудь сдѣлало другое вѣдомство, на свой страхъ и отвѣтственность. Но подобное соображеніе было бы недостойно правительственной заботы прежде всего о пользахъ государственныхъ. Министерство юстиціи полагаетъ, что устройство въ Сибири мѣстнаго суда путемъ безраздѣльнаго врученія его земскимъ начальникамъ, съ одной стороны, повредило бы всему дѣлу судебного преобразованія, а съ другой — неблагопріятно отразилось бы и на самомъ учрежденіи 12 іюля 1889 года, о которомъ стали бы судить превратно по извращенной и безуспѣшной пробѣ его на совершенно неподходящей для него сибирской почвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, министерство юстиціи не встрѣтило бы никакихъ препятствій къ тому, чтобы, — въ случаѣ, если будетъ признано нужнымъ

ввести въ Сибири, въ той или иной формѣ, подѣ тѣмъ или инымъ названіемъ, новые органы крестьянскаго управленія, — предоставить имъ, для охраненія благочинія и безопасности, извѣстныя карательныя полномочія по наложенію взысканій въ административномъ порядкѣ и даже, въ видѣ изъятія, разрѣшеніе извѣстныхъ, точно означенныхъ судебныхъ дѣлъ, близко соприкасающихся съ хозяйственнымъ бытомъ завѣдываемаго ими населенія. Но это предположеніе, касающееся министерства внутреннихъ дѣлъ, стоитъ отдѣльно отъ задачъ судебного преобразования и не должно ни задерживать его, ни мѣшать ему. Во всякомъ случаѣ для Сибири порученіе всѣхъ вообще судебныхъ дѣлъ суду, а не администраціи, имѣетъ особое принципиальное и, до извѣстной степени, предуказанное значеніе. Въ послѣднемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ о состояніи Приамурскаго края, его генераль-губернаторъ повергалъ на Высочайшее воззрѣніе, между прочимъ, мнѣніе свое о томъ, что всѣ судебныя дѣла необходимо изъять изъ вѣдѣнія полиціи и передать ихъ близкимъ къ населенію органамъ судебной власти, пользующимся возвышеннымъ служебнымъ и матеріальнымъ положеніемъ. Это мнѣніе генераль-губернатора удостоилось Всемилостивѣйшаго одобренія, которое и выразилось въ резолюціи Его Императорскаго Величества „*Безусловно такъ*“.

Мѣстную сибирскую юстицію можно было бы организовать по примѣру судебныхъ установленій западной окраины — губерній Сѣверо- и Юго-западныхъ, Привислянскихъ и Прибалтійскихъ, гдѣ существуютъ мировыя суды и, на ряду съ ними, дѣйствуютъ судебныя слѣдователи. Но это подражаніе было бы крайне неудобно, во-первыхъ, потому, что съ вновь учреждаемыми судьями нельзя повторять первоначальной ошибки, разобщившей мѣстныхъ судей отъ общихъ судебныхъ установленій, окружного суда и судебной палаты, и, во-вторыхъ, потому, что въ Сибири ни число дѣлъ, сравнительно небольшое, ни недостатокъ людей и средствъ не позволяютъ одновременно учреждать въ округахъ должности и судей, и слѣдователей. При двойныхъ издержкахъ, тѣмъ и другимъ будетъ слишкомъ мало дѣлъ и слишкомъ много разъѣздовъ по однимъ и тѣмъ же немногимъ

населеннымъ районамъ. Сибирскія учрежденія, рассчитанныя, если такъ можно выразиться, на оазисы культуры и населенности среди пустыни, должны совмѣщать въ себѣ всѣ данныя практической простоты и благоразумной экономіи. Вотъ почему взоръ естественно обращается къ другимъ окраинамъ, наиболѣе сходнымъ съ Сибирью по характеру населенія и гражданской жизни, т.-е. къ Кавказу, Туркестану, Степнымъ областямъ и Архангельской губерніи. Въ этихъ мѣстностяхъ уже много лѣтъ на первой ступени юстиціи успѣшно дѣйствуютъ единоличныя судьи, подъ именемъ мировыхъ судей и ихъ помощниковъ, непосредственно подчиненные общему суду въ губерніи или области и несущіе также и слѣдственные обязанности. Опытъ неопровержимо доказалъ не только пригодность, но и незамѣнимость этихъ должностныхъ лицъ тамъ, гдѣ нужно болѣе всего заботиться о приближеніи къ населенію возможно большаго числа судебныхъ органовъ, съ возможно меньшею площадью отведеннаго каждому изъ нихъ участка и притомъ съ наименьшими издержками. Въ Сибири достигнуть этихъ цѣлей можно только при посредствѣ проектированныхъ судей-слѣдователей, названныхъ мировыми для того, чтобы не мѣнять безъ особой надобности уже существующее на окраинахъ и привычное уху наименованіе. Представляя собою болѣе или менѣе точное воспроизведеніе порядковъ, существующихъ въ Туркестанѣ и Степныхъ областяхъ и только-что въ текущую сессію одобренныхъ и подтвержденныхъ государственнымъ совѣтомъ для Архангельской губерніи, учрежденіе это соединяетъ въ себѣ съ дешевизною, единствомъ и простотою устройства близость къ населенію и подвижность функцій. При этомъ совмѣщеніе въ одномъ лицѣ судьи и слѣдователя вовсе не грозитъ въ Сибири тѣми теоретическими трудностями, которыя, не вдаваясь въ глубь вопроса, обыкновенно выставляютъ противъ такого совмѣстительства. По статистическимъ даннымъ о числѣ дѣлъ, которыя отойдутъ къ сибирскимъ судьямъ-слѣдователямъ, количество уголовныхъ дѣлъ въ нѣсколько разъ превыситъ количество гражданскихъ. Изъ уголовныхъ же дѣлъ обѣ категоріи, и слѣдственные, и собственно судебныя, даютъ въ сущности однородный матеріаль. Методъ и

способы, которыми и судья, и слѣдователь оперируютъ при ихъ разслѣдованіи, имѣютъ такъ много общаго, что на практикѣ почти совпадаютъ; и по тому, и по другому роду дѣлъ, по крайней мѣрѣ публичныхъ, одни и тѣ же дѣйствія и приемы ведутъ къ раскрытію судебной истины. Вся разница сводится лишь въ тому, что, собравъ доказательства, слѣдователь направляетъ дѣло къ прокурору для дальнѣйшаго движенія, а уголовный судья самъ разрѣшаетъ его своимъ приговоромъ. Если же прибавить сюда, что, съ одной стороны, при однихъ и тѣхъ же разумно предпринятыхъ разѣздахъ могутъ быть и разбираемы дѣла, и производимы слѣдственные дѣйствія, а съ другой—что для болѣе важныхъ и сложныхъ слѣдствий въ каждой сибирской округѣ предполагается, сверхъ мировыхъ судей, учредить и специальнаго слѣдователя, то въ допустимости и удобствѣ для Сибири предлагаемаго института едва ли можетъ быть сомнѣніе. Кромѣ того, этотъ вопросъ рѣшается окончательно доводомъ чисто утилитарнымъ, хотя и отрицательнымъ. Безъ проектируемаго соединенія слѣдственной части съ судебною, пришлось бы тратить ровно вдвое на содержаніе отдѣльныхъ должностей судьи и слѣдователя, и самые участки ихъ были бы вдвое больше и, стало-быть, правосудіе вдвое дальше отъ народа. Ужъ если, по мѣстнымъ условіямъ и экономическимъ расчетамъ, говорить о соединеніи функцій, то не естественнѣе ли соединить въ вѣдѣніи одного и того же судебного дѣятеля весьма близкія обязанности судебного разбора и судебного изслѣдованія, чѣмъ въ вѣдѣніи административнаго чиновника сопрягать весьма различныя власти распорядка и суда? Какъ бы то ни было, даже при всѣхъ несовершенствахъ предполагаемаго слѣдственно-мирового учрежденія, оно есть все-таки единственный исходъ изъ невозможнаго положенія вещей и будетъ неизмѣримо выше теперешняго порядка, или, вѣрнѣе, безпорядка, когда слѣдствія производятъ совершенно къ этому неспособные полицейскіе засѣдатели, а судъ творится только въ округѣ, иногда за тысячи верстъ отъ мѣста происшествія и судящихся.

Затѣмъ при общемъ обзорѣніи представленныхъ предположеній, по мнѣнію моему, обращаютъ на себя вниманіе еще два

существенные предмета: 1) устройство правосудія въ отдаленнѣйшихъ мѣстностяхъ Сибири и 2) участь особыхъ инородческихъ судовъ и примѣняемыхъ ими карательныхъ постановлений. По первому предмету, въ дополненіе къ изложенному въ представленіи, можно указать, что отдаленность и безлюдье достаточно оправдываютъ проектированныя двойственныя мѣры. Въ тѣхъ удаленныхъ отъ всякой культуры мѣстностяхъ, самыя названія которыхъ звучатъ пустынною и ссылкой—Пелымъ, Березовъ, Нарымскій край, Удская округа, Уссури—туда лишь изрѣдка докатывается волна экономического оборота, въ такихъ мѣстностяхъ нельзя, очевидно, учреждать постоянныхъ судебныхъ органовъ. Ихъ представители были бы, среди одиночества и всяческой скудости, за недостаткомъ дѣлъ, обречены почти на бездѣлье, а слѣдовательно и на вѣрную гибель. Но такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ основанія къ совершенному изъятію подобныхъ мѣстностей, въ періоды ихъ оживленія, изъ дѣйствія нормальнаго суда, то и предположено учредить въ нихъ временныя судебно-слѣдственные участки, періодически посѣщаемыя разбѣздными судьями, которые каждый разъ будутъ являться вѣстниками правосудія, теперь, повидимому, мало извѣстнаго этимъ краямъ. За-то въ тѣхъ почти приполярныхъ мѣстностяхъ или на тѣхъ затерявшихся среди океана островахъ, гдѣ суровая и дикая природа терпитъ лишь полудиеихъ кочевниковъ, да охотниковъ и рыболововъ, — тамъ нечего и думать о регулярномъ правосудіи. Достаточно, если для немногихъ единичныхъ случаевъ будетъ облеченъ судебно-слѣдственными полномочіями единственный имѣющійся тамъ представитель власти въ лицѣ полицейскаго чиновника. Будетъ огромнымъ шагомъ впередъ уже и то, что по рѣдкимъ судебнымъ дѣламъ этотъ правительственный органъ обязывается дѣйствовать по точнымъ новымъ судопроизводственнымъ законамъ и подъ контролемъ настоящей судебной власти. Такимъ образомъ, новый судъ все-таки приблизится къ сибирскимъ тундрамъ и тайгамъ, но онъ, по крайней мѣрѣ, не будетъ ими поглощенъ и сведенъ къ нулю. Что же касается до второго предмета, то представленныя правила обнимаютъ всѣ случаи смѣшанной подсудности и рас-

пространяются на всякое судебное касательство инородцевъ къ русскимъ, къ дѣйствіямъ русскихъ властей и даже къ дѣламъ инородцевъ между собою, когда они разныхъ народностей. При этомъ остается въ силѣ и существующій порядокъ обжалованія рѣшеній инородческихъ расправъ въ общіе суды, съ возложеніемъ окончательнаго разсмотрѣнія такихъ жалобъ на вновь учреждаемые окружные суды. Но полная реорганизація народнаго суда внутри инородческихъ племенъ, требующая предварительнаго соображенія и многихъ мѣстныхъ справокъ, есть дѣло будущаго и, нужно надѣяться, настолько близкаго, что выдѣленіе этого вопроса изъ настоящаго общаго проекта не замедлитъ разработки предположеній объ инородческой юстиціи.

Въ заключеніе, я не могу не коснуться вопросовъ штатнаго характера и личнаго состава, тѣмъ болѣе, по моему мнѣнію, важныхъ въ данномъ случаѣ, что весь успѣхъ судебного преобразования въ Сибири въ серьезной степени зависитъ отъ того, какіе именно дѣятели, въ какомъ числѣ и въ какой обстановкѣ будутъ первыми пионерами реформы въ этомъ краѣ. Предполагаемые штаты новыхъ сибирскихъ судовъ составлены при участіи лицъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстными условіями, и притомъ на основаніи внимательнаго соображенія статистическаго матеріала съ различными особыми обстоятельствами тѣхъ или другихъ мѣстностей и съ соблюденіемъ строгой бережливости въ казенныхъ средствахъ. Штаты эти не гадательны, но—нельзя не сознаться—они минимальны, и, вѣроятно, по введеніи ихъ въ дѣйствіе имъ придется считаться съ тѣмъ обычнымъ фактомъ, что судебное преобразование, вселяя большее довѣріе къ суду, всегда и особенно на первыхъ порахъ вызываетъ много новыхъ дѣлъ, соответствующихъ жизненнымъ потребностямъ, но таившихся подъ спудомъ до тѣхъ поръ, пока обыватели не знали силы закона и больше всего—и притомъ не безосновательно—боялись такъ называемаго „тасканія по судамъ“. Поэтому можно допустить, что дѣйствительное количество будущихъ судебныхъ дѣлъ въ Сибири превзойдетъ сдѣланные расчеты и потребуетъ современемъ усиленія тамошнихъ судовъ. Но такъ какъ все это впередъ не поддается точному учету, то

и казалось бы болѣе осторожнымъ, исходя теперь изъ указаній настоящаго, предоставить будущему ближайшее практическое выясненіе всѣхъ отраслей и оттѣнковъ дѣла. Нынѣ же да не будетъ сказано, что запросъ превышаетъ надобность, и если даже новому судебному персоналу придется въ началѣ усугубить свой трудъ, то ему это послужитъ привычнымъ испытаніемъ, и такія его заслуги не ускользнутъ отъ вниманія и заботъ правительства. Во всякомъ случаѣ, количество испрашиваемыхъ силъ, хотя бы и по самому скупому исчисленію, не меньше, чѣмъ дѣйствующее теперь; но за-то при реформѣ качество ихъ будетъ выше, распредѣленіе работы правильнѣе, а способы выполнения ея цѣлесообразнѣе. Наконецъ, хотѣлось бы пойти на встрѣчу сомнѣніямъ, которыя могутъ возродиться по поводу крайней затруднительности найти достаточное количество вполне годныхъ дѣятелей для замѣщенія многихъ отвѣтственныхъ судебныхъ должностей, вновь открываемыхъ въ такой непривлекательной, заранѣе пугающей обстановкѣ, какая обыкновенно связывается съ ходячимъ представленіемъ о далекой странѣ холода и ссылки. Нужно, однакоже, замѣтить, что въ настоящее время, при возрастающемъ ознакомленіи съ Сибирью, при новыхъ сообщеніяхъ съ внутреннею Россією, это предубѣжденіе все явственнѣе становится анахронизмомъ. Уже и теперь въ личномъ составѣ сибирской дореформенной юстиціи есть не мало, — приблизительно даже больше половины, — образованныхъ юристовъ, проходящихъ тамъ, съ неостывшею еще энергією, суровую, но полезную школу окраинной службы правосудію. Есть, такимъ образомъ, уже нѣкоторые кадры, изъ которыхъ можно будетъ набирать въ новые суды порядочныхъ и знающихъ край дѣятелей. Туда же, по всей вѣроятности, охотно пойдутъ сибирскіе уроженцы, вообще тяготящіе къ родинѣ. Ихъ вызоветъ домой, съ той стороны Урала, давно желанная и жданная вѣсть о введеніи въ Сибири Судебныхъ Уставовъ, изученіе которыхъ воспитало столько поволѣній молодыхъ юристовъ. По почину министерства юстиціи, существуетъ также и надежда на открытіе юридическаго факультета въ Томскомъ университетѣ, и тогда Сибирь получитъ свой центръ юридическаго образованія, свой

разсадникъ судебныхъ дѣятелей, связанныхъ съ краемъ происхожденіемъ, привычкою, любовью. Впрочемъ, нельзя будетъ, очевидно, обойтись безъ назначенія въ новыя судебныя установленія многихъ новыхъ лицъ, примѣрно до 50⁰/о, уже приобрѣвшихъ опытность на службѣ въ судахъ Европейской Россіи. Именно эти люди могутъ сообщить сибирскимъ судамъ все цѣнное достояніе новой судебной практики, весь запасъ знаній и даже традицій, уже начинающихъ накапливаться въ нашей магистратурѣ и, что можетъ быть всего дороже, — тотъ духъ широкой справедливости и гуманной правомѣрности, которымъ должно быть проникнуто истинное правосудіе. Что же привлечетъ такихъ дѣятелей въ Сибирь, которая теперь особенно въ нихъ нуждается? За невозможностью, по значительности денежныхъ затратъ, вынѣ же опредѣлить всѣмъ высшіе оклады противъ общихъ въ имперіи штатовъ, приходится довольствоваться возвышеніемъ содержанія лишь немногимъ судьямъ, предназначеннымъ дѣйствовать среди условій наиболѣе тяжелыхъ. Стимуломъ же для другихъ будетъ: во-первыхъ, увеличеніе окладовъ противъ теперешнихъ, до-реформенныхъ; во-вторыхъ, перспектива относительно крупныхъ подъемныхъ и прогонныхъ денегъ, а впоследствии, быть можетъ, періодическихъ прибавокъ къ содержанію и усиленныхъ пенсій, какъ принадлежностей сибирской службы; въ-третьихъ, повышеніе при назначеніи въ Сибирь съ низшихъ должностей во внутреннихъ губерніяхъ, и, въ-четвертыхъ, старательно поддерживаемая надежда, по особенно усердномъ и полезномъ прослуженіи извѣстнаго срока, получить новое повышеніе или перемѣщеніе въ лучшую мѣстность. Но, конечно, однѣми этими матеріальными выгодами, весьма не безразличными для лицъ, живущихъ службой, не исчерпывается еще значеніе предстоящей дѣятельности въ Сибиріи. Какъ ни расчетливъ и ни требователенъ нашъ вѣкъ на вещественныя преимущества, хотѣлось бы думать, что не изсякло еще въ хорошихъ русскихъ людяхъ идеальное стремленіе по-сильно поработать на симпатичной, вновь пролагаемой дорогѣ къ правдѣ и законности, желаніе побороться, во имя свѣта и добра, противъ зла и мрака. И нельзя не вѣрить, что на пра-

вительственный призывъ къ такой работѣ отъеликнутся достойные замѣстители передовыхъ постовъ новаго суда на дальней восточной окраинѣ. Нельзя не вѣрить этому тѣмъ глубже и сильнѣе, что въ судебной сферѣ трудно представить себѣ идею болѣе живую и современную, поприще болѣе заманчивое и благодарное, чѣмъ это рѣшительное распространение судебной реформы сразу на всю Сибирь. По справедливости слѣдуетъ признать, что чуть не со временъ Ермака, въ долгой смѣнѣ столѣтій, Сибирь неизмѣнно отставала отъ всѣхъ культурныхъ успѣховъ и пріобрѣтеній покорившей ея Руси и, многое давая ей, взаменъ получала лишь одну печаль: Сибирь отдавала свои обильныя естественныя богатства и драгоцѣнности, свои обширныя пространства для заселенія, а получала только ссылку, каторгу, подонки нашего общества, отбросы нашихъ дѣловыхъ порядковъ. Теперь, по великодушной волѣ Монарховъ, все это перемѣнилось и приходитъ къ безповоротному концу. Для Сибири началась новая жизнь, настали дни могучаго развитія и обновленія. Скоро, изъ края въ край, ее прорѣжетъ, на славу Россіи и нашего времени, величайшій въ мірѣ желѣзнодорожный путь, этотъ реальный соединитель человѣчества, знаменующій для него блага цивилизаціи и прогресса. По глубокому моему убѣжденію, настала пора въ числѣ этихъ благъ принести въ Сибирь и блага правосудія, того правосудія, которое, по Державному слову благополучно царствующаго Государя Императора, „столь необходимо ей наравнѣ съ остальной Россіей“.

Разсмотрѣвъ въ подробности представленный министерствомъ юстиціи законопроектъ и сдѣлавъ въ немъ соответственныя исправленія, государственный совѣтъ положилъ мнѣніе о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ къ губерніямъ и областямъ Сибири, удостоенное, въ 13-й день мая 1896 года, Высочайшаго утвержденія.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ПРОФЕССОРА И. В. СМОЛЬКОВОЙ

Современники о значении судебных уставов
от 20 ноября 1864 г.

Судебные уставы были встречены юридической общественностью с большим восторгом и воодушевлением. Приводимые далее высказывания прекрасно это подтверждают¹.

Хотелось говорить и кричать по поводу этого события. В ближайшее воскресенье в зале дворянского собрания по поводу события был устроен обед, на котором присутствовало много людей, совсем далеких по своему положению от судебного мира. Гостям и речам не было конца. Чтению судебных уставов все, конечно, предавались с увлечением.

М. Ф. Грамшицкий

Читал обнародованные на днях законы о судах. Вот великолепный монумент нашего времени.

А. В. Никитенко

Говорят, что судебная реформа откладывается в дальний ящик. А, между тем, ею возбуждена томительная жажда: всякий чувствует, что без нее невозможна никакая безопасность, и всякий ожидает ее, как манны небесной.

А. В. Никитенко

Публичное судопроизводство, гласность, присяжные, адвокатура, освобождение суда от администрации. Если бы в прежние времена вздумал бы кто только помечтать о подобных вещах и мечта его как-нибудь вылетела бы из его уст – тот был бы сочтен за сумасшедшего или за государственного преступника.

А. В. Никитенко

Судебные Уставы есть законодательный акт и вместе с тем *умственный* памятник, долженствующий судить в отдаленном потомстве величайшею честью нашего времени.

В. П. Безобразов

Судебная реформа вносит в народную жизнь право, как живой действительный факт, на место права, существовавшего лишь как мертвая буква закона, как смутное понятие, не исчезавшее, конечно, никогда из верований и понятий народа, но носившееся в облаках над его головами, как нечто неуловимое, неосязаемое, никогда не воплощавшееся в настоящее практическое дело.

В. П. Безобразов

Пока Россия будет процветать, пока дела ее будут идти к лучшему, а не к худшему, начала, вводимые к нам Судебными уставами, будут в силе и с основанными на них учреждениями на веки веков будет связано имя преобразователя России.

М. Н. Катков

¹ Печатается в авторской редакции.

Судебные уставы были результатом окрепшего убеждения о невозможности дальнейшего существования устаревшего порядка, убеждения, которое сломало самые сильные препятствия и побудило к введению новых, более лучших учреждений.

К. Миттермайер

В настоящее время трудно себе представить, какое огромное впечатление должно было произвести введение новых судебных учреждений! Замена приказной избы, где все вершилось угодливыми и продажными чиновниками под спудом непроницаемой тайны, гласным и самостоятельным судом сразу вырыла непроходимую пропасть между вчерашним и сегодняшним днем.

И. В. Гессен

Вся цивилизация в области процесса определяется англо-французскими положениями.

Но составители судебных уставов не принимали их без проверки. С одной стороны, необходимость выбора между ними, с другой – доверие к силам русского народа и сознание его особенных интересов были причиной того, что прямого заимствования в судебных уставах очень мало, почти совсем не заметно. В нашем новом процессе есть много сходного с английским и особенно с французским, в общих очертаниях он приближается к тому же типу, который выработан этими лучшими представителями европейской культуры, и устанавливает наши родственные с ней отношения. Но в то же время почти ни один процессуальный институт уставов не может быть признан ни английским, ни французским; на каждом из них лежит печать самобытности, каждый из них имеет самостоятельную, русскую физиономию, приноровленную к русским нуждам, непонятную без изучения русских условий.

И. Я. Фойницкий

Не политическими волнениями, не борьбой политических партий и политических страстей вызван к жизни этот великий памятник законодательства, а исключительно осознанными правительством и обществом потребностями правосудия. Не политическое господство того или иного интереса стремится он закрепить и развить, а государственное гос-

подство общего, для всех одинакового интереса правды и справедливости.

И. Я. Фойницкий

Судебные уставы в истории русской жизни знаменуют поворот от порядка полицейского к порядку правовому, от правительственной опеки – к системе самостоятельности и самодеятельности народной.

И. Я. Фойницкий

Составители судебных уставов и высшее правительство, давшее им свою санкцию, твердо и много доверяли русскому народу, его чувству права, его знанию меры. Этому судебные уставы обязаны своими лучшими постановлениями преимущественно в области уголовного судопроизводства.

Напрасны были предостережения, исходившие из-за границы, поддерживавшиеся несколькими голосами и в России, которые, указывая на неорганизованность массы русского населения, на непривычку его к общественной деятельности и вообще на отсутствие у него политического воспитания... Составители судебных уставов... помнили при этом, что русские государи в самые трудные исторические минуты исправляли при помощи народа судебные неурядицы, созданные волостельским и приказным элементами, помнили, что русский народ в течение всей эпохи крепостного гнета берег и хранил в своей среде правый суд, и без сомнений положились на него. Опыт блистательно подтвердил основательность их действий.

С другой стороны, составители судебных уставов твердо верили и в дело прогресса общечеловеческого.

И. Я. Фойницкий

Общий подъем юридической мысли в России был прямым и ближайшим следствием судебных уставов. Три с половиной десятилетия, истекшие со времени их издания, доказали, что это замечательнейший памятник нашего законодательства, одно из самых ценных украшений великого освободительного царствования, памятник, утвердивший в нашей жизни драгоценные ростки законности и правды. Святая обязанность каждого русского юриста отныне ясна: состоит она в том, чтобы оберегать начала судебных уставов в их первоначальной чистоте, ограждать животворящий их

дух, внутренний их смысл от всяких искажений и переделок, составляющих ясный или прикрытый поворот к старому порядку вещей, и содействовать дальнейшему развитию законодательства в духе этих начал.

И. Я. Фойницкий

Язык судебных уставов отличается изяществом, легкостью; это так называемый язык литературный. Рассчитанные для народа и предполагавшие помощь народа суду, судебные уставы излагались так, чтобы их постановления были понятны для каждого грамотного человека, хотя и не юриста по профессии.

Крупные достоинства судебных уставов по содержанию введенных ими новых процессуальных норм вне всякого сомнения.

И. Я. Фойницкий

Под влиянием судебных уставов юридическое образование у нас стало быстро развиваться; юридические факультеты и высшие юридические школы, прежде всего очень мало посещаемые, стали быстро наполняться, а пресса обогатилась юридическими органами, прежнему времени совершенно неизвестными.

И. Я. Фойницкий

Основные положения преобразования судебной части представляют такой громадный шаг по пути нашего общественного развития, что одна эта реформа сама по себе могла бы прославить нынешнее царствование и заслужить ему вечную благодарность всех грядущих поколений.

А. М. Унковский

Устав уголовного судопроизводства представляет собой законодательный памятник, составляющий гордость русского законодательства.

Помянем добром тех честных и добросовестных тружеников, которые ревностно потрудились над созданием этого великого законодательного акта.

Г. А. Джаншиев

Везде и всюду, в кругу товарищей по профессии и в собраниях представителей судебного ведомства, у меня одна и та же излюбленная тема: сила Уставов – в единстве целей и стремлении всех деятелей нового суда, в отсутствии непримиримых интересов.

Уставы созданы не для карьеры судей и прокуроров, не для довольства и роскоши адвокатов; они – для водворения правды на Руси.

А это цель – неотложная, неотменимая.

Ф. Н. Плевако

Есть люди, которым невыносимы не ошибки, не уклонения, которые жаждут не роста правосудия: есть люди, которым невыносимо само существование Уставов, – суд, творящий дело по закону и совести, а не по усмотрению и посторонним соображениям ...

На уставах Императора Александра в том издании, первый экземпляр которого был вручен нашему старейшему судье при открытии памятника в здании Московских Судебных Установлений, я написал себе слова одной духовной песни, слышанной мною при таких обстоятельствах.

Был вечер 20 ноября. Я стоял в церкви, слушая вечернюю службу праздника Введения во храм. Уже ходили слухи, что Уставы готовы; уже все мы – тогда молодые и верующие в расцвет русской жизни – ждали.

В церковь входит мой товарищ и говорит: «Радуйся, уставы нового суда, говорят, утверждены!»

А в церкви в это время хор певцов, молодых и старых, пел: «К одушевленному Божию животу да не коснется рука скверных».

Ф. Н. Плевако

Обнародование Судебных Уставов и последовавшая затем судебная реформа были встречены обществом и печатью, без различия направлений, с живым интересом и безусловным сочувствием. Если и были недовольные, то это были либо «дьяки в приказах поседелье», сами сознававшие, что им, по личным свойствам, привычкам и степени подготовки, самое лучшее «остаться за штатом», – либо всякого рода подъячие и ходатаи, кормившиеся от вопиющих недостатков старого суда.

А. Ф. Кони

Судебная реформа призвана была нанести удар худшему из видов произвола, произволу судебному, прикрываемому маской формальной справедливости. Она имела своим следствием оживление в обществе умственных интересов и научных трудов.

А. Ф. Кони

Одна из книг, со строго официальным внешним обликом, появилась в руках русских юристов в начале декабря 1864 года. Книга эта начиналась возвышенными словами Монарха, двинувшего страну на путь коренных преобразований и возвещавшего своему народу суд скорый, правый, милостивый и равный для всех. Она называлась – *Судебные Уставы 20 ноября 1864 года*. В нее жадно вчитывались молодые юристы, по ней учились они великому делу правосудия. Ее бережно сохраняли многие всю свою жизнь. Для них она была символом и напоминанием «первой любви» в их служении обществу, а первая любовь, как известно, последнею уходит из памяти сердца. Книжке пришлось многое пережить от недругов и ложных друзей, от влияния «злобы дня»; ее страницы сокращались, переделывались и иногда наполнялись чуждым ей, по смыслу и намерениям авторов, содержанием, – одно время она была разделена на части и даже утратила свой внешний вид, затем она появилась вновь, украшенная незабвенным именем ее венценосного виновника; – одно время, к счастью миновавшее, ей грозило при «пересмотре» почти вовсе утратить свою прежнюю девственную чистоту ... Но она дорога тем, кто провел с нею жизнь, кто всегда смотрел на ее пожелтевшие листы с чувством нежного уважения, смешанного подчас с невольной тревогой, и кому она напоминает о «битвах, где вместе рубились они».

А. Ф. Кони

Уставы были плодом возвышенного труда, проникнутого сознанием ответственности составителей их пред Россией, жаждавшей правосудия в его действительном значении и проявлении. Это был труд сложный, самостоятельный и многосторонний, в одно и то же время критический и созидательный, – труд, исполненный доверия к духовным силам русского народа и его способности принять новые учреждения с живым сочувствием и непосредственным в них участием. В этом смысле работа *отцов Судебных Уставов* – настоящий памятник их любви к родине.

А. Ф. Кони

Благодаря неустанной одушевленной работе комиссии, в одиннадцать месяцев создались *Судебные Уставы*, представлявшие по своей форме и содержанию, по стройности частей и

единству руководящей мысли величайшую из русских законодательных работ XIX века.

А. Ф. Кони

Только с изданием Судебных Уставов судебная практика и наука пошла рука об руку, в гармоническом взаимодействии.

А. Ф. Кони

Судебные уставы явились своего рода островком среди текущей действительности, с ними несогласованной, явились своего рода *insula in flumine nata*¹. На этом островке, пятьдесят лет назад, был зажжен впервые, как маяк, огонь настоящего правосудия. Но когда наступили тяжелые времена, и волны вражды и вольного или невольного невежества стали заливать берега этого островка, отрывая от него кусок за куском, с него стали повторяться случаи бегства на более спокойный, удобный и выгодный старый материк, а число тех, кто с прежней верой, но с колеблющеюся надеждой поддерживал огонь и проливаемый им свет, загораживая его собою от ветра, стало заметно уменьшаться. Для них вследствие пагубного незнания мифологии Фемиды была, как выразился Спасович, «Афродитой, вышедшей из пены морской». Но, несмотря на то, что враги и ложные друзья исказили ее чарующий образ, и что ее стан согнулся, чистое чело покрылось морщинами, и здоровый цвет лица сменился чахоточным румянцем, это меньшинство оставалось ей верным, потому что и в частной и в общественной жизни *первая любовь*, вошедшая в сердце, *последнею* выходит из памяти.

А. Ф. Кони

Будущее Судебных Уставов зависит не только от правомерной деятельности органов и охранителей правосудия от высших и до низших, но и от отношения к своим нравственным обязанностям тех, кто будет посвящать себя судебной деятельности в ее различных проявлениях. Им следует помнить о необходимости обеспечить себе в будущем светлые минуты душевного удовлетворения. Они бывают тогда, когда на закате своей трудовой жизни, вспоминая отдельные ее эпизоды, судебный деятель имеет возможность сказать се-

¹ В пер. с лат. означает – «остров, возникший посреди водного потока» (Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. М., 1989. С. 234).

бе, что ни голос страсти, ни посторонние влияния, ни личные соображения, ни шум и гул общественного возбуждения – ничто не заглушало в нем сокровенного голоса совести, не изменяло его *искреннего* убеждения и не свело его с указанного Судебными Уставами пути действительного правосудия.

А. Ф. Кони

Я позволю себе повторить сказанное мною, много лет назад, в речи, посвященной памяти одного из участников в создании величавого здания Судебных Уставов. Когда оно воздвигалось, невежественные порицатели стали находить, что в новый храм правосудия внесены чуждые прежнему культу изображения иноверных божеств. Да! это было именно так! Эти божества назывались – равноправностью, уважением к человеческому достоинству, гласностью, открытой защитой, независимостью судей и т. д. То же было и в римском пантеоне. И его гармонические мраморные стены принимали в свои недра изображения, свойственные чуждым суровому Риму культам – и к этим стенам, искажая их классическую красоту, были впоследствии пристроены идущие в разрез со всем стилем храма башенки. Но их потом сняли – и чудный купол, с ярким круглым отверстием в синее небо, по-прежнему наполняет душу вошедшего благодарным восхищением пред строителем храма. То же будет и со зданием Судебных Уставов, пока основные их начала останутся неприкосновенны. Внутри здания, к сожалению, за время его существования кое-что передвинуто и сломано, а снаружи его многое пристроено, но оно все еще хранит в себе глубокую мысль строителя – чрез его купол, сведенный над его основами, все еще светит голубое небо высоких и чистых идеалов!

А. Ф. Кони

Судебные Уставы содержат многие указания на нравственные обязанности судебных деятелей при служении их правосудию. Положительный закон не может определять, как должны осуществляться в отдельных случаях эти нравственные требования, – он может по большей части лишь наметить их, предоставляя судебному деятелю самому вдуматься в мысль и заветы составителей Уставов и усвоить себе сообразный с этим образ действий. ...Выработка собственным примером и разра-

ботка на практике приемов для приложения нравственных начал, намеченных Судебными Уставами, к многообразным случаям судебной жизни должна составлять одну из важнейших задач для судебных деятелей. Они должны не ограничиваться одним точным, в буквальном смысле, исполнением предписанных Уставами определенных правил о том, что и в какой последовательности надлежит делать, но и помнить, что одного этого мало, и что «дух животворит – буква умерщвляет». Таким образом должен выработаться господствующий и желательный в целях истинного правосудия типический образ судьи, прокурора и адвоката.

А. Ф. Кони

Судебные уставы – кодексы до настоящего времени непревзойденные никакими другими по соответствию задачам истинного правосудия их основных положений.

Н. В. Давыдов

Использованные источники

- Гессен И. Г.** Судебная реформа. – СПб.: Книгоизд-во П. П. Гершунина, 1905. – 267 с.
- Громницкий М. Ф.** О суде присяжных // Журнал Министерства Юстиции. – 1895. – № 5. – С. 43–63.
- Давыдов Н.** Уголовный суд в России. – М.: Тип. Вильде «Грань», 1918. – 210 с.
- Джаншиев Г. А.** С. И. Зарудный и судебная реформа: историко-биографический эскиз. – М.: Тип. Е. Гербер, 1889. – 170 с.
- Джаншиев Г. А.** Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда): историко-юридические этюды. – М.: Тип. М. П. Щепкина, 1891. – 364 с.
- Кони А. Ф.** Пятьдесят лет назад // А. Ф. Кони На жизненном пути. – В 2 т. – Т. 2. – М.: Тип. тов-ва И. Д. Сытина, 1916. – С. 265–299.
- Кони А. Ф.** Отцы и дети судебной реформы (к пятидесятилетию Судебных Уставов. 1864–1914). – М.: Изд-во тов-ва И. Д. Сытина, 1914. – 295 с.
- Кони А. Ф.** Новые меха и новое вино (из истории первых дней судебной реформы) // А. Ф. Кони За последние годы. – 2-е изд-е, доп. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1898. – С. 275–293.
- Митгермайер К.** Новый проект русского уголовного судопроизводства // Журнал Министерства Юстиции. – 1864. – № 3. – С. 91–99.
- Плевако Ф. Н.** Речь в годовщину издания новых Судебных Уставов // Ф. Н. Плевако. Речи. – В 3 т. – Т. 2. – М.: Изд-е М. А. Плевако, 1910. – С. 163–175.
- Фойницкий И. Я.** Курс уголовного судопроизводства. – В 2 т. – Т. 1. – 4 изд-е. – СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1912. – 567 с.

Сведения об авторах

Безобразов Владимир Павлович (1828–1889) – русский юрист, экономист, сенатор.

Гессен Иосиф Владимирович (1866–1943) – русский юрист, публицист.

Громницкий Михаил Федорович (1833–1899) – выдающийся русский юрист, публицист, судебный оратор.

Давыдов Николай Васильевич (1848–1920) – русский юрист, председатель Московского окружного суда.

Джаншиев Григорий Аветович (1851–1900) – русский юрист, публицист.

Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – русский журналист, публицист, издатель и редактор газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник».

Кони Анатолий Федорович (1844–1927) – выдающийся русский юрист, судебный и общественный деятель, судебный оратор, публицист.

Кони Федор Алексеевич (1809–1879) – отец А. Ф. Кони, журналист, издатель, литератор, историк, театровед.

Миттермайер Карл (1787–1867) – выдающийся немецкий юрист, профессор Гейдельбергского университета.

Никитенко Александр Васильевич (1804–1877) – русский историк, литератор, издатель и редактор «Литературной газеты», профессор Санкт-Петербургского университета.

Плевако Федор Никифорович (1843–1908) – выдающийся русский юрист, один из лучших судебных ораторов, современники называли его «московский золотоуст».

Унковский Алексей Михайлович (1828–1893) – русский юрист, активный участник судебной реформы 1864 г.

Фойницкий Иван Яковлевич (1847–1912) – выдающийся русский юрист, автор капитальных трудов по уголовному праву и судопроизводству, профессор Санкт-Петербургского университета, организатор русской группы Международного союза криминалистов.

Составитель: Смолькова Ираида Вячеславовна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующая кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора Байкальского государственного университета экономики и права (г. Иркутск)

Правила оформления статей, представляемых для публикации в журнале «ГлаголЪ правосудия»

Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы; соответствовать правилам оформления. Статья должна содержать: Заглавие (Название), **Аннотацию, Ключевые слова**, Основной текст статьи.

В представленной статье обязательно указываются полностью:

Фамилия и инициалы автора, ученое звание, ученая степень, почетное звание, должность, место работы – строчными буквами курсивом в правом верхнем углу (если авторов больше чем один, указываются все авторы).

Название статьи пишется прописными буквами и располагается по центру – **на русском и английском языках**.

Аннотация состоит из 2—3 предложений, в которых описываются цели и задачи проведенного исследования, а также возможности его практического применения – на русском и английском языках.

Ключевые слова – 3—5 слов – на русском и английском языках.

В конце статьи – контактная информация (фамилия, имя, отчество, e-mail, **номер мобильного телефона**, город, корреспондентская контактная информация).

фото автора.

Объем представляемого в редакцию материала не должен превышать 15 страниц формата А4.

Работа должна быть выполнена в текстовом редакторе Word; шрифт TimesNewRoman, для основного текста – 14 пт, для сносок и примечаний – 10; межстрочный интервал 1,5; красная строка 15 мм; параметры страницы: верхнее, нижнее и правое поля – 2 см, левое поле – 3 см; постраничные сноски; нумерация страниц не выставляется.

Все аббревиатуры и сокращения при первом упоминании в тексте должны быть расшифрованы.

При ссылке на законодательный акт (или документ) в сноске необходимо указать его полное наименование и официальный источник, в котором он опубликован.

Сноски – подстрочные с постраничной нумерацией, оформляются по ГОСТу 7.0.5–2008. Библиографическая ссылка. Источник приводимых в рукописи цитат, статистических данных и т. п. должен быть точно указан. Цитаты (знаки препинания, правописание и пр.) должны быть выверены. Когда ссылка делается на иностранный источник, библиографические элементы необходимо указывать в той же последовательности, что и для источников на русском языке. Ссылка делается на языке оригинала без сокращений и аббревиатур.

На последней странице статья подписывается автором: «Материал не содержит сведений ограниченного распространения; вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Подпись. Дата.

Статьи аспирантов и соискателей проходят рецензирование на кафедрах ВСФ РАП.

Статьи направляются в бумажном и электронном вариантах по адресу: 664074, г. Иркутск, ул. И. Франко, 23а и на e-mail: nauka@vsfrap.irk.ru, mail@vsfrap.irk.ru.